ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 10

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 10

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

От редакции — О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция» 11

Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. — Значение Октябрьской революции 1917 года в формировании общей теории права 31

Мухаммадиев И.С. — Надзор прокуратуры Таджикистана за выполнением мобилизации трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве в годы Великой Отечественной войны 36

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность.

Клименко О.А., Третьяков И.Л., Мирзоев А.К — Суверенитет современной России и его законодательное обеспечение 46

Гер О.Е., Ивановская А.Е., Сальников С.П., — Концепции правового и конституционного государства в трудах С.А. Котляревского 61

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Лысова Г.К. — Согласие мужчины и женщины на вступление в брак как предпосылка и условие его заключения 84

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Рахимзода Р.Х. — Оперативно-розыскная политика и оперативно-розыскные мероприятия в борьбе с уголовной преступностью 93

Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. — Пенитенциарное право о правовом статусе личности осужденного с позиций сравнительного анализа отраслей современного российского законодательства 102

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Антропов О.В., Внукова Д.Р. — Предварительное расследование: понятие, значение, формы и общая характеристика. Лекция 111

Латыпов В.С. — Уголовно-процессуальное право: понятие, источники и нормы. Лекция 126

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Реуф В.М., Сальников С.П. Особенности отбывания наказания женщинами, осужденными к лишению свободы, в советский период 150

Лантух Н.В. Уголовное судопроизводство (уголовный процесс): понятие, сущность и назначение. Лекция 157

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Ананских И.А, Сальников М.В., Федюшкина А.И. Традиции юридического образования в европейских университетах позднего Средневековья и раннего Нового времени 169

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Исмагилов Р.Ф. Добро и зло в философии права Ф.М. Достоевского 173

Колядин А.М. Политический класс современной России и его мировоззренческие ценности 179

Информация для авторов 194

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

From the editorial office — About the discussion caused by the article-presentation Doctor of law, professor, honored worker of science of the Russian Federation V.V. Lazarev "Law and revolution" 11

Khabibulin A.G,. Mursalimov K.R. — Value of October revolution of 1917 in formation of the general theory of the right 31

Muhammadiev I.S. — Supervision of office of public prosecutor of Tajikistan of performance of mobilisation of able-bodied population for work on manufacture and building in days of the Great Patriotic war 36

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Klimenko O.A., Tretyakov I.L., Mirzoev A.K. — The sovereignty of modern Russia and its legislative maintenance 46

Ger O.E., Ivanovskaya A.E., Sal'nikov S.P. — Concepts of the legal and constitutional state in S.A.Kotlyarevsky's works 61

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Lysova G.K. — The consent of the man and the woman to the introduction into marriage as the precondition and a condition of its conclusion 84

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Rakhimzoda R.Kh. — The operatively-search policy and operatively-search actions in struggle against criminality 93

Bryleva E.A., Oganesyan S.M., Sal'nikov M.V. — Penitentiary law about a legal status of the person of the comparative analysis of branches of the modern Russian legislation condemned from positions 102

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Antropov O.V., Vnukova D.R. — Preliminary investigation: concept, value, forms and a general characteristic. Lecture 111

Latypov V.S. — Criminally-procedural right: concept, sources and norms. Lecture 126

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Reuf V.M., Sal'nikov S.P. — Features of serving of punishment by the women condemned to imprisonment, during the soviet period 150

Lantukh N.V. — Criminal legal proceedings (criminal trial): concept, essence and appointment. Lecture 157

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Ananskikh I.A., Sal'nikov M.V., Fedyushkina A.I. Traditions of the legal education in the European universities in the late Middle Ages and the beginning of the Modern Age 169

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Ismagilov R.F. Good and harm in F.M.Dostoevsky's legal philosophy 173

Kolyadin A.M. Political class of modern Russia and its world outlook values 179

Information for the authors 194

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

О ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ЛАЗАРЕВА «ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

Аннотация. *Приводится обзор дискуссии, ведущейся на страницах журнала, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». Анонсируются новые статьи на данную тему.*

Ключевые слова: *право; революция; дискуссия; политическая власть; легитимность; правопонимание.*

FROM THE EDITORIAL OFFICE

ABOUT THE DISCUSSION CAUSED BY THE ARTICLE-PRESENTATION DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED WORKER OF SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. LAZAREV “LAW AND REVOLUTION”

The summary. *An overview of the discussion on the pages of the magazine caused by the article-presentation of the Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, V.V. Lazarev’s “The Right and the Revolution”. Announce new articles on this topic.*

Key words: *law; revolution; discussion; political power; legitimacy; legal understanding.*

Во втором номере нашего журнала была опубликована статья-презентация в художественных образах профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [43].

Редакция высказала предложение о том, что статья может вызвать дискуссию по таким вопросам: совместима ли революция с правом; являлась ли «кончина» Российской Империи прогрессивным явлением; Майдан-1917 в Петрограде и Майдан-2014 в Киеве – идентичны ли они; возможно ли право без права и вне права; способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право; каковы были причины, задачи, цели… и итоги февральской революции с позиции права; что такое принуждение к праву; все «по праву», но вне закона, и наоборот; ведет ли двоевластие и двоеправие к беззаконию… и др.

Мы не ошиблись. Уже в очередном, третьем номере, в контексте предложенной дискуссии были опубликованы статьи заведующего кафедрой теории государства и права ведущего юридического вуза России – Московской государственной юридической академии (университета) (МГЮА (У)), доктора юридических наук, профессора А.В. Корнева «Правопонимание в эпоху революций» [37]. Свой взгляд на рассматриваемые вопросы высказал также авторитетный петербургский ученый, доктор юридиче-

ских наук, профессор Р.Б. Булатов «О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г.» [37].

Редакция получает много предложений для участия в развернувшейся дискуссии как от отечественных исследователей, так и ученых из зарубежных стран, в том числе из США.

В четвертом номере были предложены три статьи:

- Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада [47];
- Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном [3];
- Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем [18].

Вызвало определенный интерес участие в дискуссии руководителя экспертного центра «Национальная безопасность», доктора юридических наук Николая Дмитриевича Литвинова. Автор подошел к Февральской революции 1917 года в России как к завершающему этапу криминальной политики западных стран по ликвидации легитимной власти в Российской империи. Автор нескольких книг по проблемам терроризма, Н.Д. Литвинов сформулировал в статье, как в общем-то во многих из его книг, выводы, которые вызвали серьезные вопросы, с которыми порой трудно согласиться. Но они высветили под определенным углом те стороны жизни России, которые казалось бы и известны, но слабо изучены. Он, например, полагает, что за деятельностью правящего дома Романовых, начиная со времен Петра Первого, западное общество установило политический контроль. По его мнению, многие негативные события в истории России связаны именно с вмешательством извне в действия правящего дома Романовых. Слишком резко и однобоко он трактует участие России в разделе Речи Посполитой, и т.д.

Что касается Февральской революции, автор подчеркивает юридическую некорректность акта об отречении царя. Государь был вправе отречься от самого себя и передать корону своему сыну, но он не вправе был решать этот вопрос за сына, официального наследника престола по действующему законодательству, и передавать корону брату Михаилу Александровичу. Передача Верховной власти великому князю Михаилу была незаконна, великий князь Михаил не мог отказаться 3 марта 1917 года от власти, так как ею не обладал. Он не вступал в наследование престолом.

По мнению Н.Д Литвинова, акт, незаконно подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных Законов, являлся единственным юридическим основанием перехода власти к «законно» созданному Временному правительству. Конституция была упразднена, связь между новой властью и старым порядком – разорвана. Февральский переворот носил негативный характер.

Н.Д. Литвинов весьма критически относится к Государственной думе России до событий 1917 года. Он рассматривает ее как субъекта февральского государственного переворота 1917 года, при этом так оценивает Думу первого созыва: старая Дума оказалась еще более левой и оппозиционной царскому правительству. В ее состав входили более 100 человек из революционно-террористических организаций. В конечном счете Государственная Дума превратилась в скопище этнических группировок, различного рода экстремистских партий, которые враждебно относились к России. Четвертая Государственная Дума, например, в период первой мировой войны проводила ярко выраженную оппозиционную политику, что, конечно, ослабляло национальную безопасность России.

27 февраля 1917 года деятельность Государственной думы Российской Империи была прервана указом императора Николая Второго. Вся дальнейшая ее деятельность противозаконна. По существу ее решение о создании Временного комитета Государственной Думы, а затем и о создании Временного правительства – нелегитимны. Бывшие депутаты, по мнению Н.Д. Литвинова, совершили государственный переворот с захватом государственной власти. Он вносит в диспут проблему дерусификации государственной и политической элиты России.

Совершенно нетрадиционно, и далеко не так, как принято, оценивает Н.Д. Литвинов создание и деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. По его мнению, данное незаконное общественное объединение никак нельзя рассматривать как легитимную власть. Он трактует Петроградский Совет как «незаконную экстремистскую организацию антироссийской

направленности». По его мнению, оба органа представляющих с февраля 1917 года в России «двоевластие», являлись нелегитимными проявлениями власти террористических группировок прозападной направленности.

В контексте статьи Н.Д. Литвинова весьма интересна позиция члена редакционного совета нашего журнала, первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; члена бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Александрова. Он, как широко известный, авторитетный специалист в области уголовной и уголовно-процессуальной политики [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 23; 31]. ведет речь о самом главном в этой сфере, затрагивает те вопросы, которые сформулировал в своей презентации профессор В.В. Лазарев. Материал, предлагаемый профессором А.И. Александровым, будирует творческие мысли и позиции современников в интересах обеспечения легитимной и справедливой политической власти в нынешней России.

В дискуссию включилась кандидат юридических наук из Перми Елена Александровна Брылева. По ее мнению, к ответам на вопросы, вызываемые статьей профессора В.В. Лазарева «Право и революция», следует подходить, руководствуясь позицией, предложенной профессором В.М. Шафировым, о понимании права. Проанализировав дискуссию о правопонимании, она поддерживает вывод В.М. Шафирова о том, что «Конституция находится над законом и олицетворяет право». Поэтому к ответу на вопросы редакции журнала в развернувшейся дискуссии необходимо подходить через содержание Конституции Российской Федерации.

В пятом номере журнала была предложена позиция известного российского ученого и политического деятеля, одного из авторов ныне действующей Российской Конституции, политика, волей судьбы находившегося в центре политических событий рождения новой России [82; 84], проректора Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, и.о. декана Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Сергея Михайловича Шахрая [83]. Он как бы продолжил мысль Е.А. Брылевой о том, что к ответу на обсуждаемые вопросы следует подходить через смысл действующей Российской Конституции, на что обращает внимание и профессор В.М. Шафиров [80].

Анализируя различные типы правопонимания, В.М. Шафиров отмечает, что катализатором решения задачи синтеза различных концепций (школ) правопонимания в отечественной теории права стала Конституция России 1993 г. По его мнению, впервые в нашей истории концепция правопонимания была положена в основу и закреплена в Конституции, притом на базе человекоцентристской методологии [79].

С.М. Шахрай предложил подходить комплексно к изучению нашей истории, в том числе и революции, 100-летний юбилей которой грядет. Здесь необходимы совместные усилия политологов, социологов, экономистов, историков, философов, футурологов, и конечно юристов. Ответы на вопросы, сформулированные не только редакцией журнала, но и самой жизнью, по его мнению, очень значимы в первую очередь для элит [33; 44; 46]. Так он четко сформулировал свой подход к проблеме: «Лучше спорная конституция, чем бесспорная революция».

Интересно и справедливо оценил профессор С.М. Шахрай намерения Временного правительства сохранить прежний, основанный на результатах Судебной реформы 1864 г. «юридический быт» России [12; 15; 20; 36; 38; 48; 51; 52; 54; 56; 73; 86; 89]. В то же время он пришел к выводу о том, что Октябрь полностью отказался от старого права, законности, юридических институтов, и за последующую свою 70-летнюю историю не смог сформулировать национальную идею соотношения права и справедливости [25; 27; 29; 78; 87; 88]. Созданная новой властью конституционная, правовая и правоприменительная системы были недосягаемы для основ гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Возвращение «домой к праву», к идеалам и идеям судебных уставов 1864 года стало возможным, по мнению С.М. Шахрая, лишь с начала 90-х годов XX века. Уроки недавней истории помогли избежать нашей стране – Союзу ССР – новой революции, гражданской

войны и «большой крови» в начале 90-х годов. Общественный энтузиазм и нарастающее напряжение удалось направить не на баррикады, а в конституционное русло: на споры по конституционным проектам и предвыборную борьбу. Это спасло Россию от кровопролития.

Существенный интерес вызывают мысли С.М. Шахрая по поводу легитимации государственной власти, его позиция по поводу отречения от власти императора Николая II совпадает с мнением Н.Д. Литвинова [47]. Действительно, отречение от власти Николая II сразу и за своего сына выглядит «странным» с юридической точки зрения. Прав С.М. Шахрай, когда полагает, что история не дала Учредительному собранию шанс заявить о легитимности новой, постмонархической власти. Прав он и тогда, когда пишет о «минах замедленного действия», олицетворяющих игнорирование требований легитимации любой государственной власти.

Весьма любопытно звучат слова автора и по поводу национальной основы построения федерации. Возможно, эта основа также выступает «миной замедленного действия», способной изнутри взорвать такое сообщество.

Очень благожелательны заключительные мысли С.М. Шахрая. Давно пора вернуть в нашу общую историю всех тех, кого мы забыли.

Доктор юридических наук, профессор В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина и доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор Ратгерсского университета Ю.Г. Фельштинский (Нью-Брансуик, США) посвятили свою статью в пятом номере журнала проблеме денег и революции [49]. Они обосновывают необходимость наличия больших денег для совершения революции, показывают, откуда революционеры брали деньги на организацию революционного движения в России, начиная с 1905 года и до Октября 1917 г. Предлагаемый в статье материал о конкретных фактах «приобретения» денег революционерами порой выглядит тенденциозно и не всегда подкреплен конкретными ссылками на источники, но его нельзя игнорировать как авторскую гипотезу.

С каждым годом все больше и больше «всплывает» фактов некорректного «приобретения» денег на нужды революции из заграничных (враждебных для России) источников, в результате экспроприации имущества у собственников и просто благодаря откровенным уголовным преступлениям, включая убийства. Предлагаемый материал еще раз свидетельствует о том, что эволюционный путь развития общества всегда более предпочтителен, нежели революционный, и задача современной мировой цивилизации заключается в необходимости предотвращения революционного движения, где бы оно не возникало и от кого бы то не исходило.

В шестом номере журнала предложил извлечь уроки из Февральской революции 1917 г. в России профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий [11]. В результате Февральской и Октябрьской революций Россия за столетний свой юбилей пережила, по его мнению, триумф и падение: две мировых войны, две революции, слом вековых устоев, жестокие социальные эксперименты, массовые репрессии, и в то же время – построение нового государства, эпоха великих надежд, невиданного энтузиазма, творческого труда, время выдающихся открытий и достижений промышленности, науки, образования, литературы. Мы бы добавили – в космосе, в энергетике, военно-промышленном комплексе, мировоззрении и сознании людей, всей государственной идеологии [64]. Можно ли сопоставить эти, казалось бы, взаимоисключающие общественные явления?

Ю.В. Аманацкий обращает внимание читателя на то обстоятельство, что к началу второго десятилетия XX века Россия подошла как государство, претендующее на роль сверхдержавы, как лидер по целому ряду показателей общественного, экономического, финансового, демографического и других направлений развития. К 1913 г. она занимала первое место в мире, обогнав США по темпам экономического и промышленного развития. Великобритания, Германия, Франция, Япония и другие страны были далеко позади. Происходило полное перевооружение российской армии и флота. Представитель Санкт-Петербургского университета МВД приводит пророческие слова известного французского экономиста и политического обозревателя, редактора журнала «Экономист Европы» Эдмона Тери, который предупреждал: «Если дела европейской нации будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., – Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и

финансовом отношении».

Конечно, у России к 1917 году были не только значительные достижения, но и существенные проблемы. О них также в статье идет речь.

Оценивая события февраля-марта 1917 года, Ю.В. Аманацкий приходит к выводу о том, что они послужили «запалом для смуты, превзошедшей по масштабу потрясений ту, которую наша страна пережила и преодолела тремя веками раньше», т.е. он считает анализируемые события сравнимыми со Смутой 1611-1612 годов.

Если из Смуты XVII века Россия вышла благодаря национальному патриотизму народа, вооруженного инициативой Минина и Пожарского, то в 1917 году судьба страны была повернута в другую сторону иными энтузиастами, преследующими цели не возрождения и развития России, а разжигания костра мировой революции и слома всех национальных государственных механизмов повсеместно в мировом сообществе.

Автор статьи вновь ставит перед собой и нами вопросы:

1) Что произошло, как называть происшедшие события, как могло случиться, что такая процветающая страна, какой стала Россия к 1914 году, пала в кровавую бездну саморазрушения?
2) Как после всех жертв народ смог воспрянуть и победить сильнейшего врага – фашизм?
3) И наконец, а был ли в самом деле у России шанс сохранить стабильность, успешно развиваться и избежать надвигающейся катастрофы?

Ответы на каждый из трех вопросов, безусловно, интересны. Редакция предлагает обратить на эти вопросы внимание и подискутировать.

Ю.В. Аманацкий обращает внимание на то, что 23 и 24 февраля 1917 г. наблюдалось очень активное стачечное движение женщин. На фоне массовых забастовок возникли их протестные демонстрации, вызванные в первую очередь проблемами производства, доставки и продажи черного хлеба для семей рабочих. Бастующие сорвали великолепно организованное производство хлеба на заводе «Айваз», в связи с чем количество забастовщиков моментально увеличилось с 30 до 90 тысяч человек. По данным Охранного отделения, только лишь за один день 23 февраля из-за стачек прекратили работу 50 фабрично-заводских предприятий.

Во второй половине этого дня бастующие присоединили к себе рабочих военных заводов: Патронного, Снарядный цех морского ведомства, Оружейный, завод «По Воздухоплаванию».

Многие женщины оторвались от кухонных кастрюль и включились в активное революционное движение. Вот почему автор статьи обратился к презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [43, стр. 51] и статье редакции журнала по поводу вопроса о возможности женщин «сварить право в кастрюлях» [53]. Право в кастрюлях они сварить не способны, резюмирует он, а создать опасность для правопорядка, а следовательно, и для права в целом, вполне способны. Что и произошло в феврале-марте 1917 года в Петрограде. Редакция соглашается с такой позицией исследователя.

Ю.В. Аманацкий подробно рассказывает о том беспределе, которой творился в эти дни на Путиловском заводе, как избивали и калечили полицейских, что творилось в казармах солдат Петроградского гарнизона, как начался военный мятеж и какие жертвы он повлек за собой. Солдаты убивали офицеров, жертвами суда Линча пали сотни полицейских и городовых. Он приводит слова очевидца того времени, генерала К.И. Глобачева: «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни… не поддаются описанию. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально разрывали на части. Некоторых распинали у стен. Некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям… Одного… пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней сожгли живьем».

Исследователь говорит о предательстве интересов империи, монархии, а следовательно, и Отечества, со стороны начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева, а за ним и генералитета армии. При этом он поддерживает позицию, сформулированную ранее в статье участвующего в дискуссии заведующего кафедрой теории государства и права МГЮА(у), профессора А.В. Корнева [37, стр. 29]. Рассуждает о процедуре отречения Императора Николая II от короны и нелегитимности приобретения власти теми, кто к ней пришел, совершив государственный переворот. Здесь он солидаризируется с участвующими в дискуссии доктором юридических наук Н.Д. Литвиновым [47, стр. 29] и

проректором МГУ им М.В. Ломоносова, профессором С.М. Шахраем [83, стр. 18].

Читателям интересна и приведенная им оценка февральских событий, сделанная нашим выдающимся соотечественником, очевидцем тех событий, философом И.А. Ильиным: «Крушение монархии было крушением самой России, – считал великий философ, – отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не “российская республика”, как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель». И.А. Ильин увидел в февральско-мартовских событиях страшные предвидения наших гениальных писателей А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о бесах и бесовщине, бесчестии и оскудении духа, противопоставленном господстве зла над добром, несправедливости, прикрываемой своим антиподом, над гуманизмом и добротой.

Ю.В. Аманацкий предлагает для обсуждения вывод потомка белых эмигрантов, князя Д.М. Шаховского о том, что рассматриваемые революционные события являются «геноцидом русского народа», который привел к утрате не только элиты, но и самого драгоценного для России того периода сословия, на котором она строилась – русского крестьянства.

Ученый информирует читателей о московской научной конференции, состоявшейся в феврале 2017 года, и тех вопросах, которые там прозвучали.

- февральские события 1917 г. – трагедия для народа, снесение государства как института, легитимной, признанной народом формы организации общества;
- эти события отражали интересы не народа, не общества в целом, а потребности узких социальных групп, крупного капитала и олигархии;
- инициации Февральского переворота вызвали в стране неуправляемый хаос, объективную угрозу российскому суверенитету, которая и была реализована;
- политическая элита тогдашней России не пошла на то, чтобы свои частные интересы подчинить интересам Отечества.

В конечном счете все указанные выводы сводятся к главному: российская политическая элита не смогла, а возможно, не захотела работать на благо страны, решать системные и не такие уж страшные проблемы, которые тогда имелись. А это привело к подмене диалога резней, кровопролитием, гражданской войной.

Роль и предназначение политических элит нельзя недооценивать [30; 34; 45].

В данном случае идет речь об ответственности элит за судьбу Родины. К сожалению, в те дни столетней давности российская элита не смогла сдержать народ и спасти его от революции, хаоса, трагедии и мучений, как пишет участник дискуссии профессор С.М. Шахрай. Не смогли они весь общественный энтузиазм и нарастающее напряжение направить не на баррикады, а на обсуждение конституционных проблем и на предвыборную борьбу. Необходимо было все это течение направить в конституционное русло [83, стр. 18].

По мнению Ю.В. Аманацкого, в феврале-марте был совершен государственный переворот и началась Красная смута. Плодом Февраля стал Октябрь. Именно Февраль выступил спусковым крючком Русской смуты.

Исследователь анализирует внутренние и внешние причины государственного переворота и приходит к неутешительному выводу.

С горечью надо признать, констатирует он, что революцию сделали не только народ, иностранные агенты, постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам бредни о царской семье, генералы и даже монархисты. Получается, заключает Ю.В. Аманацкий, в наших бедах виноваты в первую очередь мы сами. И с этим приходится согласиться.

Февральские события 1917 г. – не стихийное выступление рабочих, а целенаправленная подрывная акция группы лиц, в которую входили военные генералы, руководство заводами, банкиры и политики, во главе с А.Ф. Керенским. Действовала эта группа планомерно, как считает Ю.В. Аманацкий, в интересах американских и западных банкиров, иностранных разведок, стремясь вывести А.Ф. Керенского на

первые роли и придать ему образ вождя революции.

Февральский переворот, полагает ученый, устранение державного лица разрушили последнюю преграду, которая оберегала общество от лавинообразного распада и разложения. Февраль спровоцировал великую Русскую смуту.

В стране произошла «дегуманизация общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров».

Завершая свои размышления, Ю.В. Аманацкий приводит позицию главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук В. Лаврова, прозвучавшую на московской конференции. На вопрос, была ли альтернатива революции 1917 года, он ответил: Альтернативой революциям 1917 года было жесткое подавление Февральской революции. После такого подавления страна оказалась бы в числе победителей в Первой мировой войне, получила бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы в соответствии с договорами с Великобританией и Францией, продолжилось бы успешное экономическое развитие России. В целом она стала бы самой мощной военно-экономической державой в мире. Не было бы ни красного террора, ни ГУЛАГа, ни насильственной коллективизации, и, вполне возможно, мощной России удалось бы предотвратить Вторую мировую войну.

Такой ответ историка может вызвать несогласие специалистов; если это так, просим имеющимся мнением поделиться с читателями журнала.

Вместе с тем, с нашей точки зрения бесспорно другое замечание Ю.В. Аманацкого. Он полностью солидарен с автором действующего Основного закона России о том, что пусть будет спорная Конституция, чем бесспорная революция [83, стр. 17]. Весь смысл его статьи – это призыв всех к недопущению новой революции.

Профессор В.И. Крусс в шестом номере журнала предложил нам к событиям столетней давности и последовавшим за этим процессам подойти с позиций изобразительно-поэтического художественного творчества [40]. Дискутируя на разных уровнях восприятия реальности, сегодня многие, в том числе и ученые, переживают анализируемые события, обдумывая, размышляя не только в условиях прозаического восприятия, но и в творческо-художественном воплощении.

В презентации В.И. Крусса совместно с тверскими дизайнерами представлена экспозиция «Кумачовые витражи», проходившая в Центральном выставочном зале города Твери, посвященная столетнему юбилею революционных событий 1917 года и 20-летию Тверских дизайнеров. Инициатором дизайнерского исполнения арт-инсталляции выступила художник-дизайнер Ольга Котенёва-Пушко, а политико-правовое содержание в поэтической форме подготовил профессор В.И. Крусс. Экспозиция вызвала живой интерес у жителей города Твери и его гостей. Редакция журнала предлагает арт-инсталляцию читателям. Она была инспирирована обсуждаемой в нашем журнале статьей-презентацией профессора В.В. Лазарева «Право и революция».

Арт-инсталляция будирует мысли у тех, кто с ней знакомится, и вызывает определенные вопросы. Ответы на вызываемые вопросы и сами вопросы редакция надеется увидеть на страницах журнала. Более того, мы считаем необходимым представление в журнале со стороны профессора В.И. Крусса не только арт-инсталляции, блестяще «вписанной» в формат витража, с ее политико-правовым содержанием, в представляемом номере, но и в «пакете» с ней соответствующей научной статьи в будущем номере, с соответствующими коннотациями.

Профессору В.И. Круссу с коллегами-дизайнерами в арт-инсталляции удалось не только учесть ситуационный неологизм, вызванный архитектурной конструкцией фронтона Центрального выставочного зала в Твери (три пролета по восемь окон), но и вместить в архитектуру философии текст «Кумачовые витражи», что под силу лишь признанному поэтическому мастеру. Тем более, ситуация требовала «вписывания» не более двух строк в витраж. Получилось яркая по форме и глубокая по содержанию авторская концепция событий столетней давности и последовавшей за ними противоречивой истории нашего Отечества.

Предлагаемой арт-инсталляцией В.И. Крусс как бы солидаризируется с профессором Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацким в том, что события 1917 года повлекли за собой в стране последствия достаточно противоречивые: с одной стороны – отход от закона и права, уничтожение наработанного за прошедшие столетия правового мате-

риала, игнорирование достижений правового прогресса и национальной культуры в целом, ее носителей, физическое и нравственное уничтожение отечественной элиты, русской православной церкви, массовые репрессии, ГУЛАГ…; с другой стороны:

И все-таки – надежда,
а не злоба. Колокола.

Невиданный патриотизм и повсеместный массовый героизм по существу всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Уходить на закат.
В Сталинград.
Превращаться в свечение.
Русский значит – солдат.
Ополчение.
1941-1943.

Победа над фашизмом, восстановление народного хозяйства, покорение космоса, обеспечение атомного паритета с США, создание и сплочение мировой системы социализма, организация Варшавского договора и подъем на неимоверную высоту военно-промышленного комплекса, обеспечение господства государственно-правовой идеологии…

С одной стороны, как показывает в арт-инсталляции профессор В.И. Крусс:

Все, кто не веровал
в блошек подкованных
В списках расстрелянных,
мобилизованных.
1918-1921

Или:

Лагеря Вы мои, лагеря;
Завязали глаза кумачом.
Хорошо бы совсем
без царя;
полоснули по жиле
серпом.
1937

С другой:

Как это стало возможно?
Как мы такое смогли?
Тебе салютует, Боже,
советская часть Земли.
1943-1945.

Или:

Надышаться бы впрок!
Целина как испарина.
И весенний шнурок
на ботинке Гагарина.
1957-1961

А между этими историческими вехами… 1945-1961 гг. опять же не все однозначно. Жизнь без войны, но Колыма и Соловки остались. Освобождение от потерь в военное лихолетье еще не избавляло от зэковского лагеря. Кубанское плодородие. Жизнь колхозного двора (не всегда безоблачная), переполняющая сердца рядовых советских граждан гордость за истинные мировые свершения Курчатова, Королева…, оставление под «американской брюшиной» острова Свободы – Куба, плач «кузькиной матери» после сказанных слов на трибуне ООН; и в то же время горечь распространенной по всей стране (но на небольшой ее территории, объективно подходящей для этого) кукурузы; лишение декадентов гражданства и оправка их на чужбину; в то же время рубль наш, почти золотой, а «в хоккей мы канадцев порвали», застой в стране и афганские сквозняки…

Сколько много противоречий в нашей жизни! И они не закончились завершением Советской истории. События, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, не избавили нас от противоречивой жизни. Скоро мы будем отмечать 25-летие действующей Российской Конституции, которая определила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), 200-летие великого русского гения, писателя и философа Федора Михайловича Достоевского, который предупреждал нас еще в XIX веке о Бесах, стремящихся уничтожить мировую цивилизацию и сам мир. К сожалению, они и сегодня еще не извелись, не ушли из нашей жизни. Они орудуют на Украине, в Европе, в Америке, пытаются вызвать повсеместную ненависть к нашей стране и российскому народу, навязать нам свои так называемые западные ценности [13; 14; 19; 21; 22; 26; 57; 59; 61; 62; 63; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 77], явно нам не подходящие. Они пробрались кое-куда и внутри Российского государства – на Болотную площадь, девицы из Pussy Right – на амвон главного православного храма России, к Вечному огню, чтобы пожарить на нем шашлыки. А сколько их много на площадках СМИ, театров и кино, откуда они поливают грязью нашу российскую действительность и народного Лидера, стремятся развязать новую Смуту, разжечь костер безумных потрясений, ввергнув в пучину бессмысленных испытаний российских людей.

Почему же так происходит? Этот и многие другие вопросы возникают в результате дискуссии, развернувшейся благодаря статье-презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция», которая актуализировала многие материалы, представленные в номерах 3-5 нашего журнала, а теперь и сюжеты, предложенные профессором В.И. Круссом в шестом номере в арт-инсталляции «Кумачовые витражи» и профессором Ю.В. Аманацким в его статье.

В шестом номере нашего журнала, публикуя арт-инсталляцию В.И. Крусса, редакция высказала пожелание автору дополнительно к творческо-художественному поэтическому восприятию проблемы предложить и свое ее видение в прозаическом понимании. Такова судьба статьи профессора В.И. Крусса и доцента И.А. Крусс, обеспечивающая подход к анализу юбилейных проблем, связанных с крахом Российской Империи, через интеллектуально-нравственные искания двух выдающихся людей России рубежа XIX – XX веков – писателя Л.Н. Толстого и революционера-анархиста М.А. Бакунина. Итогом изучения данных исканий в седьмом номере журнала исследователи предложили собственный вывод о том, что решающей причиной социально-политической катастрофы начала XX века явилась глубинная деформация духовной составляющей правосознания российского народа – его сознательный или безотчетный переход от православия к атеизму, преимущественно вульгарному и воинствующему богоборчеству [41].

Совершенно правы В.И. Крусс и И.А. Крусс, когда формулируют непонимание с позиций здравого смысла, почему в одночасье и легко отреклись от «пафоса верности государству» и Императора не только радикальные революционеры, но и другие общественно-политические силы России. Почему «вдруг» чуть ли не все «государственные, общественные, религиозные институты, весь народ» оказались в состоянии «национального обморока»? Почему великая держава в погоне за «призрачными идеалами свободы» превратилась в структуру, не способную противостоять силам разрушения и зла? Почему в России не нашлось силы, способной противостоять «новой духовности», фактически – уничтожению государственности?

Это те проблемные вопросы, которые поставили ученые из Твери, и на которые предложили свои ответы.

Очень значимые проблемы. О них вели речь и другие участники дискуссии. Профессор С.М. Шахрай говорил об ответственности российской элиты за события столетней давности; профессор Московского государственной юридической академии (университета) им. О.Е. Кутафина А.В. Корнев и профессор Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий писали о предательстве армейского генералитета во главе с начальником штаба Ставки М.В. Алексеевым своего Императора Николая Второго… Предали российского императора, как справедливо указывает доктор юридических наук Н.Д. Литвинов, не только генералы, но и депутаты Государственной Думы.

Участники дискуссии и В.И. Крусс вместе с И.А. Крусс обратили внимание читателей на предупреждения о возможной Смуте в России из уст гениев писателей и философов А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. Редакция журнала вспомнила о Достоевских Бесах. Об этом же пишет профессор Р.Ф. Исмагилов в недавно вышедшем курсе лекций «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права» [28]. Во вводной статье к данному курсу лекций, подготовленной профессорами В.П. Сальниковым и Д.В. Масленниковым, обращается внимание на исключительную актуальность и прозорливость позиции Ф.М. Достоевского по поводу Бесов и бесовщины. Он, а вслед за ним и Р.Ф. Исмагилов настойчиво призывают нас «уйти от радикализма, от попыток изменить общество и государство насильственным путем, минуя правовые формы, конструктивные дискуссии и современные способы интеллектуальной коммуникации» [60, стр. 16].

Российская политическая элита начала и первых двух десятилетий XX века, генералитет и депутаты Государственной Думы не смогли уйти от революционного всепоглощающего радикализма, перешедшего в гражданскую войну, и ввергшего Россию в ужасную Смуту XX века, от которой пострадали все: элита, генералитет, депутатский корпус, политики, философы, юристы, ученые и практики, простые граждане, само государство и легитимная власть.

О легитимности власти в дискуссии говорят политик-профессор А.И.Александров,

автор ныне действующей Конституции профессор С.М. Шахрай, ученые, доктора наук Р.Б. Булатов, А.В. Корнев, Н.Д. Литвинов, профессоры В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина, Ю.Г. Фельштинский из Ратгерсского университета (Нью-Брансуик, США), Ю.В. Аманацкий из Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук Е.А. Брылева из Перми, то есть все без исключения участники дискуссии. Не случайно В.И. Крусс и И.А. Крусс этой исключительно значимой, безусловно актуальной и своевременной проблеме тоже уделяют серьезное внимание. И это понятно. Никто сегодня из доброжелателей России не желает ей революционного пути дальнейшего развития и совершенствования, на котором, как показала 70-летняя история жизни нашей страны, страдают все «независимо от «персональной» вины или заслуг каждого в ими совместно подготовленном и содеянном».

Совершенно понятно обращение исследователей к позиции Патриарха Кирилла, который увидел истоки революции 1917 года за два до нее века. Сразу вспоминается статья участника дискуссии Н.Д. Литвинова «Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада». Именно здесь он доказывает, что начиная со времен Петра I за деятельностью правящего дома Романовых западное общество осуществляло политический контроль, который в конечном счете и привел к смуте 1917 года [47]. Позиция Н.Д. Литвинова, конечно, вызывает много вопросов, но он прав, как и Предстоятель Кирилл, да и чета Крусс, в том, что причины переворота 1917 года необходимо искать не в начале XX века, а в значительно более раннем периоде нашей истории.

Владимир Иванович и Ирина Александровна Крусс обращаются к идейным исканиям лишь двух ярких представителей российской «элиты» и «богемы» того периода, но весьма показательным персонажам: «концептуальному» анархисту М.А. Бакунину и «зеркалу русской революции», великому писателю Л.Н. Толстому. Именно их позиции влекли миллионы людей к утрате веры и духовному «интеллектуальному помрачению» в анализируемый период истории.

Редакция журнала высказала уверенность, что позиция четы Крусс, их философско-правовые размышления еще больше актуализируют дискуссию, предложенную В.В. Лазаревым, а возможно, будируют необходимость исследования роли и других представителей «элиты» и «богемы» в судьбе февральского бунта, октябрьского переворота и «социалистической» революции.

Дискуссию продолжил заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ А.В. Юрковский. Он предложил анализ влияния исторических событий России, ее революционных преобразований, начавшихся в 1917 году, на исторические судьбы таких государств, как Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика. Автор исследовал различные типы правопонимания китайских и корейских юристов, осветил роль влияния китайских политико-правовых учений на политические преобразования в изучаемых государствах, подверг сомнению легитимность существующей власти и законов. Он провел определенную аналогию между событиями 1917 года в России и 40-х годов XX века на территории материкового Китая и Корейского полуострова в контексте конкуренции различных политических классов в их борьбе за власть.

Доцент А.В. Юрковский обратил внимание на специфику конституционно-правового регулирования в КНР и КНДР, выделил предпосылки юридико-технического оформления «результатов» революции в конституционном праве Китая и Северной Кореи, провел сравнительно-правовое исследование, которое сегодня, с учетом крайних международных событий, весьма актуально [90].

В последующем номере журнала дискуссию продолжают профессор Р.А. Ромашов из Санкт-Петербурга и доцент И.У. Аубакирова из Астаны (Казахстан). Они анализируют советскую практику управления общество и государством после революции 1917 года.

Роман Анатольевич Ромашов сразу четко определяет характер революции и ее целевую установку. Он пишет: «Октябрьская социалистическая революция 1917 г. началась с вооруженного государственного переворота – события, рассматриваемого как тяжелейшее преступление во всех государствах независимо от формы правления и политического режима.

Первоочередными целями революции являлись: уничтожение буржуазного государства, буржуазного права, буржуазного правосудия». И продолжает: «Творцы государства «нового порядка», охваченные воинствующим атеистическим энтузиазмом, постарались вытравить истинный смысл из таких вечных социальных категорий, как мораль, нравственность, зло, добродетель, вложив в них сугубо классовое содержание». Такой подход к установлению правил поведения и деятельности лишил революционное право его этической ауры. Оно перестало быть нравственным, утратило всякую связь с истиной, веками устоявшейся моралью и национальными традициями. Как пишет исследователь, была утрачена нравственная ответственность судей, которые выносили десятки тысяч смертных приговоров на основании «пролетарского чутья», без достаточной правовой основы, при отсутствии установленного перечня преступлений, даже после принятия первого советского Уголовного кодекса. Не было ограничений ни для мер, ни для сроков наказаний, окончательный приговор выносился и не подлежал обжалованию.

Широко практиковалось внесудебное рассмотрение дел. В частности, при расследовании дела Чрезвычайной комиссией (ЧК) смертные приговоры приводились в исполнение тут же и без всякого суда [39; 50], да и трудовые лагеря в 1919 – 1920 гг. в основном заполнялись не в судебном, а в административном порядке. Хотя практика определения «врагов революции» и принятия к ним мер, как судебная, так и внесудебная, особенно не отличались по своим результатам в этот период [58, стр. 28-29].

В качестве подтверждения позиции профессора Р.А. Ромашова можно привести много примеров. Сошлемся лишь на некоторые. В частности, вспомним профессора С.А. Котляревского (1873-1939) и его коллег, судьба которых описана в статье «Становление политико-правовых концепций С.А. Котляревского», опубликованной в данном журнале. С.А. Котляревский дважды арестовывался, один раз в 1920 году судом Верховного революционного трибунала первоначально был приговорен к расстрелу, потом расстрел заменили пятилетним условным заключением. Второй раз он был арестован в 1938 году, и можно сказать, последующая расправа с ним состоялась без всякого законного настоящего следствия и суда, хотя формально 14 апреля 1939 года С.А. Котляревский был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации.

Прав, конечно, Р.А. Ромашов, когда пишет, что «первые три послереволюционных года были периодом ничем не ограниченного государственного произвола («красного террора»). Другое дело – не только первые годы после революции наблюдался государственный произвол, он продолжался и значительно дольше, об этом свидетельствует пример с профессором С.А. Котляревским.

Да разве только с Котляревским – с многими другими, очень известными и мене известными людьми. Возьмем, в частности, популярного в советское время писателя Льва Шейнина, его «Записки следователя», которыми в 50-е годы зачитывались многие. Успешный выпускник Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова, следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР, безбедно живший и имеющий шикарную квартиру в центре Москвы и двухэтажную дачу в Серебряном Бору, блиставший в компаниях, как бы мы сейчас сказали, столичной богемы человек в один момент, без каких-либо законных оснований был арестован и обвинен в политическом преступлении. А какая шикарная жизнь до этого: с 20-х годов следователь по особо важным делам, правая рука прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского. В 1936 году в 30-летнем возрасте он уже возглавлял следственный отдел Прокуратуры СССР и руководил им более 20 лет. Имел государственные награды, в том числе орден Ленина, загранкомандировки, даже в годы Великой Отечественной войны. Стал лауреатом Сталинской премии за киносценарий, который написал совместно с братьями Тур, к знаменитому фильму «Встреча на Эльбе». Имел в те годы, редкий случай, в собственности модный автомобиль «Победа», богатый гардероб, знал все дорогие московские рестораны. Он официально участвовал в работе Нюрнбергского трибунала.

В 1949 году Л.Р. Шейнина (1906-1967) освободили от должности без объявления причин, а 19 октября 1951 года арестовали по постановлению, в котором говорилось: «Шейнин изобличается в том, что, будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и

Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во враждебной связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и Советского правительства».

Следствие длилось два года и завершилось только после смерти И.В.Сталина (а возможно, благодаря ей) 21 ноября 1953 года освобождением Л.Р. Шейнина из-под стражи как невиновного [24].

С этих же позиций показательна судьба и другого известного советского писателя Льва Овалова, написавшего несколько интересных книг о борьбе наших контрразведчиков с вражескими шпионами, о чекисте-разведчике майоре Пронине, воспитывающих молодых советских граждан в духе патриотизма, любви к органам госбезопасности и Советскому государству. Наиболее примечательны в этом плане его книги «Приключения майора Пронина», «Голубой ангел», «Медная пуговица» и «Секретное оружие».

Писатель, отличающийся всегда патриотическими произведениями, имел не безоблачную судьбу. Он родился в 1905 году, в 1918 году вступил в комсомол и возглавил сельскую комсомольскую ячейку. В 1920 году он уже член ВКП(б), а на следующий год – секретарь уездного комитета Российского коммунистического союза молодежи. В 1923 году его направили на учебу в МГУ. Обучаясь на медицинском факультете, Лев Овалов занимался общественными науками, работал заведующим библиотекой, посещал занятия в литературном кружке и публиковал очерки в «Рабочей Москве» и «Крестьянской газете». В 1928 году он возглавляет редакцию журнала «Селькор», и в этом же году выпускает свою первую повесть «Болтовня». В 30-е годы он работает в редакции «Комсомольской правды», возглавляет редакции журналов «Вокруг света» и «Молодая гвардия». В 1939 году, будучи главным редактором журнала «Вокруг света», пишет для своего журнала рассказ «Синие мечи», ставший первым из цикла рассказов о майоре Пронине. В последующем шесть рассказов о разведчике были напечатаны в 1939-1940 годах в журналах «Вокруг света» и «Знамя». Отдельное издание этих рассказов выходит в серии «Библиотечка красноармейца». В 1941 году увидел свет сборник Льва Овалова «Приключения майора Пронина». В том же году журнал «Огонек» публикует роман «Голубой ангел», продолжающий серию о разведчике.

Несмотря на такую блестящую пролетарскую биографию и активную работу в комсомоле и партии, в советских журналах, выступающих рупором коммунистической идеологии, 5 июля 1941 года Шаповалов Лев Сергеевич (псевдоним – Лев Овалов) арестовывается по обвинению в разглашении секретных сведений, осуждается как враг народа и проводит 15 лет в трудовых лагерях и ссылке.

В 1956 году он реабилитируется и возвращается в Москву. Уже со следующего года пишет еще три патриотических романа о майоре Пронине, крайним из которых выступает «Секретное оружие».

Действие романа «Медная пуговица» происходит в Риге в самом начале войны. Главный герой оказывается втянутым в сложнейшую шпионскую игру. Из всех испытаний ему удается выйти с помощью опытного разведчика майора Пронина.

В романе «Секретное оружие» Пронин появляется уже в звании генерала с огромным оперативным опытом и чутьем и благородной проседью. Он руководит операцией по разоблачению шпионов западной разведки, которые стремятся похитить важное открытие советских ученых.

Каким же нужно обладать чувством любви к Родине, быть патриотом, чтобы после 15-летней ужасной попытки сломать судьбу, уничтожить личность, продолжать воспевать своим творчеством и талантом тот строй, который тебя подверг таким испытаниям! Пожалуй, это свойственно только российскому человеку. Сюда добавим про генерала Куропаткина

Профессор Р.А. Ромашов обращает внимание на то, что большевики отрицали принцип верховенства закона, а следовательно, власть не принимала самого механизма законности как инструмента правового регулирования социально-политических отношений. УК РСФСР 1922 г. был сформулирован так, что преступником могли объявить любого, в том числе и не совершавшего перечисленных в кодексе деяний, если он являлся опасным для существующего строя. В этом случае применялась аналогия закона. Принцип равенства всех перед законом был для революционного права непри-

емлем. Значимыми для определения виновности или невиновности лица были такие факторы, как социальное происхождение, воспитание, образование, профессия – эти вопросы решали судьбу обвиняемого. Политическая точка зрения правоприменителя господствовала над юридической. Государство отождествлялось с диктатурой властвующего класса.

Позиция, изложенная в статье, как участника дискуссии, полностью созвучна мысли С.М. Шахрая о том, что после революции 1917 года власть полностью отошла от права, законности и системы юридических институтов [83, стр. 17].

Данную идею подтверждает и доцент И.У. Аубакирова. Рассматривая механизм государственного управления советского периода, она подчеркивает, что он на начальном этапе основывался на принципе формальной законности при фактическом господстве неправовых методов управления, приоритета силы над законом, отрицания прежних демократических ценностей и правовых концепций. Игнорировались разделение и независимость ветвей власти. Власть стремилась вообще, особенно первоначально, обойтись без понятия закона. Искали новые модели государственного управления, создавали ревкомы, ревтрибуналы, чрезвычайные комиссии, которые сосредотачивали у себя обширные полномочия гражданского и военного управления, но не имели четких законодательных основ и границ этих полномочий. При этом власть руководствовалась абстрактной идеей «постепенного отмирания» государства [16, стр. 36-37].

Предложенная в текущем номере статья профессора Р.А. Ромашова навеяла необходимость, для обоснования согласия с его мыслями, рассуждения о судьбе профессора С.А. Котляревского и двух писателей: Л.А. Шейнина и Л. Овалова. Статья же И.У. Аубакировой заставила вспомнить судьбу великого евразийца Л.Н. Гумилева (1912-1992), который провел 14 лет в лагерях. «И не было у него ни озлобленности, ни неприятия всей той страшной для него эпохи, – писал его ученик и коллега профессор С.Б. Лавров, вице-президент Русского географического общества. – А могла бы быть – ведь первую свою диссертацию, как и первую книгу, он «писал» в лагерях, то есть обдумывал концепцию, строил повествование, держа в голове даты, имена, события…» [42, стр. 306].

Между двумя лагерными сроками Льва Николаевича Гумилева пролегла война, фронт, где он как активный участник дошел до Берлина. Лагеря и война не сделали его жестоким, он обладал большой добротой к людям, делился теми знаниями, которые у него были, с желающими, воспитал много достоянных учеников. После второго освобождения из лагеря блестяще защитил вторую докторскую диссертацию (к этому времени – уже доктор исторических наук) по географии. Был вызвал в Высшую аттестационную комиссию (ВАК). На заседании ВАК ему задали любопытный вопрос: «А Вы кто – историк или географ?». И вторую докторскую степень ему не присудили. Экспертам было невдомек, что уже началась эпоха интеграции наук, и Л.Н. Гумилев был очень хорошим интегрантом, и не только в истории и географии, но и этнографии, востоковедении, психологии и т.д. Ревнителям «чистой» науки трудно было понять этого выдающегося энциклопедиста.

Лишь с середины 80-х годов опала с Л.Н. Гумилева была снята. За месяц до смерти он произнес запомнившиеся С.Б. Лаврову очень значимые слова: «А все-таки я счастливый человек, я всегда писал то, что хотел, а они (случайные в науке люди – С.Л.) – то, что им велели» [42, стр. 307-308].

И на Котляревском, и на Шейнине, и на Овалове, и на Гумилеве диктатура пролетариата и власть, установленная после революции 1917 года оставила свой неизгладимый отпечаток. А сколько в нашей стране было таких людей? Всех не перечесть. Конечно, за 70 с лишним лет существования этой власти было не только лишь плохое. Были и свершения, и достижения, и результаты. И главный из них – победа народа в Великой Отечественной войне. Именно народа, а не власти. Многое положительное делалось народом не благодаря строю и власти, а возможно вопреки, а может быть и нет. В этих годах надо видеть и понимать, в том числе, и положительное тоже. На это ориентируют, об этом и пишут Р.А. Ромашов и И.У. Аубакирова. История есть история, да, она не терпит сослагательного наклонения, но она и не позволяет ее забывать, она обязательно напомнит о себе.

В девятом номере журнала дискуссию продолжили профессоры из Санкт-Петербургского университета МВД России Я.Л. Алиев и

Ю.В. Аманацкий [10]. Примечательно то, что в этом же номере журнала его редакция и редакционный совет поместили поздравления профессору Я.Л. Алиеву с 60-летием. Свою статью «Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории» исследователи начинают очень показательными патриотическими словами известного русского философа Ивана Ильина: «Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам».

Действительно, сто лет назад, во времена И.А. Ильина, да и сегодня приходится только удивляться справедливости и точности оценки русской революционной интеллигенции того периода со стороны мыслителя.

Под этим углом зрения авторы и рассуждают о революции 1917 года. Они считают, что в феврале-марте 1917 года произошел государственный переворот. Такая оценка уже звучала в материалах нашей дискуссии. С этого переворота и началась красная смута в России. Исследователи особо подчеркивают, что была именно красная окраска государственного переворота: «революционеры ходили с красными знаменами, у них были на одежде красные банты. С этого момента и покатилось, как считают ученые, «красное колесо» по России. Опираясь на позицию А. Солженицына, они утверждают, что «красное колесо» начало свой путь не в октябре-ноябре, а именно в феврале-марте 1917 года, именно с начала года оно начинало набирать свои ужасные обороты. Смута, бунт, государственный переворот, пишут профессоры – вот что произошло тогда. По их мнению, Февраль выступил спусковым крючком русской Смуты. А она уже повлекла за собой все те кошмары, безумие и человеческие жертвы, которые перенесло наше Отечество и весь мир в XX веке.

Именно с «красным колесом» исследователи связывают последовавшие после октября 1917 года ступени скатывания России в бездну: приход к власти красных большевиков и левых эсеров; подписание Брестского мира; гражданская война, террор и голод; концлагеря и безжалостное уничтожение миллионов своих соотечественников.

Это же колесо, считают они, на Западе привело к кошмару нацистской Германии. И наша победа в Великой Отечественной войне и достигнутый Мир – лишь передышка, обеспечиваемая «равновесием страха и взаимных угроз атомной смерти», которая незримо нависает над всеми.

В статье предпринимается попытка понять явление и исследовать категорию «революция», осмыслить уроки прошлых падений в бездну революции, понять их генезис, этимологию и истинную природу. Приходят к выводу о духовно-нравственном кризисе российского общества того периода и разрушительных поступках его элит, об их малодушии, трусости, предательстве и измене.

Как известно, элиты всегда играют важную роль в жизни общества и государства, но ведь эта роль может быть как позитивной, так и негативной [32; 35]. В данном случае речь идет об реакционной значимости элит.

Авторы возвращаются к периоду первой мировой войны, говорят о государственной измене думцев и генералов, членов императорского дома и высших военачальников, что в конечном счете и привело императора Николая Второго к отречению от власти.

Они анализируют реальное состояние развития России периода первой мировой войны, выясняют, кому было выгодно падение империи в бездну революции и ее поражение в мировой войне. Приходят к интересным, заслуживающим поддержки выводам.

Ученые с горечью констатируют внутренние и внешние причины революции 1917 года, заключают, что ее сделали не только инородцы, иностранные агенты, а постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам сплетни о царской семье, генералы и даже монархисты. Они обращают внимание на роковые ошибки правительства, заговоры, предательства, несомненные болезни и деградацию аристократически-дворянской монархии. С удивлением констатируют антимонархический настрой всего российского общества. В статье приводится, анпример, лозунг части интеллигенции периода первой мировой войны: «Пусть победят немцы, только бы не Романовы!». Говорят об известных поразительных результатах спонтанных опросов тогдашней профессуры и студентов по поводу

террористов – следует ли, скажем, сообщать в полицию о готовящихся террористических актах против чиновников – ответ общий: «Нет». Или, например, на вопрос: кому бы вы подали руку – террористу-убийце или министру – общий ответ: «Террористу».

Вот почему в начале статьи приведены слова Ивана Ильина о безответственности, отсутствии патриотизма и достоинства у русской революционной интеллигенции и предательство ею России западноевропейским экспериментаторам и палачам.

По мнению профессоров Я.Л. Алиева и Ю.В. Аманацкого, император Николай Второй даровал обществу свободы, создал парламент, но при этом не смог сформировать механизм, контролирующий возможные деструкции. Его правительства не смогли преодолеть многих и тяжелых болезней, связанных с несомненной деградацией аристократическо-дворянской монархии.

Николай II одержал победы на фронтах войны, промышленном и социальном строительстве, однако потерпел сокрушительное поражение в деле консолидации общества, выстраивании созидательных взаимоотношений с элитами и прессой. Он оказался побежденным в области идеологии. Общество жестоко отомстило ему за эти просчеты.

Все это в конечном счете и привело к краху Империи и совершению государственного переворота, а нас заставляет задуматься о необходимости, значимости, важности и сущности государственно-правовой идеологии

Авторы говорят о единстве российского народа, отмечают его особое единение и патриотизм в годы Великой Отечественной войны, нашу победу над фашизмом видят как общую ценность всех народов, проживающих в свое время в Советском Союзе. Они обеспокоены фактами фальсификации роли нашего Отечества и народа в истории войны с фашизмом, искажением подлинного героизма советских людей в войне. Как и многие другие патриоты России, считают, что благодаря в том числе и подвигу советского народа-победителя возрождается в настоящее время Святая Русь, русский Мир, а наша Отчизна укрепляет сегодня свой государственный суверенитет, медленно, но верно становится ведущей державой современности. Исследователи обращают внимание на гигантские преобразования в нынешней России. Особо выделяют возрождение традиционных духовно-нравственных и религиозных ценностей, национальное самосознание народа, патриотизм, укрепление государственного суверенитета.

Они полагают, что российские люди продолжают носить в сердце опытное ощущение развития духовных ценностей. Завершают статью пушкинскими словами из стихотворения «Бородинская годовщина».

В текущем номере журнала представлена статья профессора кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им М.В. Ломоносова, он же возглавляет кафедру экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) этого же университета, доктора юридических наук, профессора А.Г. Хабибулина, и доцента кафедры экономических и финансовых расследований, кандидата юридических наук, доцента К.Р. Мурсалимова «Значение Октябрьской революции 1917 года в формировании общей теории права».

Авторы анализируют причины социальных, в том числе и Октябрьской, революций 1917 года, находя их в экономической сфере. Они говорят о том, что революционные события существенно повлияли на политико-правовую сторону жизни общества и значительно изменили вектор развития общей теории права – был исключен плюрализм и обеспечено господство одного подхода к пониманию права.

После революции, в условиях административно-командной системы управления в юридической науке стал складываться единый позитивистский подход к правопониманию. Положительным было то, что творческие усилия выдающихся ученых и практиков сосредотачивались лишь на развитии одной школы правопонимания, что обеспечивало высокое качество проработки выдвинутой концепции права. Однако эти же усилия имели и обратную сторону – «узконормативная» трактовка низвела право до практической юриспруденции.

Ссылаясь на историю социальных революций, авторы показывают, как право детерминируется государством. «Лица, обладающие публичной властью, – *пишут они,* – используют право в качестве инструмента для сохранения или зарождения государственности». После Октябрьской революции стал закладываться теоретический

фундамент совершенно новой системы права, которая сложилась, в конечном счете, к 90-м годам XX века [17; 55; 74; 75; 76].

Первыми «творцами» нового права и основоположниками неизвестной ранее правовой системы авторы называют П.И. Стучку, Д.И. Курского, М.Ю. Козловского и Н.В. Крыленко [89]. Мы к этим именам добавили бы еще М.А. Рейснера [56].

Укреплению позитивного правопонимания помогала установленная система государственного управления, а сама «узконормативная» трактовка права способствовала его институализации на основе критериального подхода. Сам критериальный подход, определяемый системой правопонимания, свидетельствовал о его ограниченности и привел к тупику в развитии теоретико-правовой мысли раннего советского периода.

А.Г. Хабибулин и К.Р. Мурсалимов обращают внимание на то, что «только сочетание юридической практики, теории и философии права позволяет создать цельное представление о праве, отвечающее потребностям и науки, и практики». Редакция журнала согласна с такой трактовкой. Об этом свидетельствует вся история правопонимания, начиная от Античности и Средневековья, продолжая Новым временем и периодом классической немецкой философии, русской религиозно-нравственной философии права и имея в виду современную дискуссию об интегральном правопонимании и компрехендной доктрине познания права.

Авторы статьи, опираясь на позиции выдающихся отечественных философов права XIX века К.А. Неволина и Б.Н. Чичерина, обосновывают необходимость и важность отхода от понимания права лишь только как нормативной системы, и ратуют за широкое использование философско-правового подхода. Они считают, что цельность права обусловлена единством практической юриспруденции, теории и философии права, что позволяет создать полноценное представление о нем.

Дискуссия продолжается.

Список литературы

1. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
2. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188.
3. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Алиев Я.Л., Аманацкий Ю.В. Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 34-44.
11. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и совре-

менность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
12. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
13. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
14. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
15. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
16. Аубакирова И.У. Революция 1917 года и становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 33-45.
17. Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987. 328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92.
18. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
19. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
20. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
21. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
24. Звягинцев А.Г. Лев Романович Шейнин (1906-1967): «Агентом иностранной разведки не был…» // А.Г. Звягинцев. Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С 334-341. – в кн. 384 с. – (Историческая библиотека «ОЛМА-ПРЕСС»).
25. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
26. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
27. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
28. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
29. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
30. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 48 с.
31. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
32. Колядин А.М. Политическая элита и национально-государственная идеология // Юридическая наука: история

и современность. – 2016. – № 12. – С. 178-184.
33. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
34. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
35. Колядин А.М. Формирование политической элиты и процесс политического развития // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 42-50.
36. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
37. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
38. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994. – 240 с.
39. Красная книга ВЧК. 2 е изд. В 2-х т. – М.: Политиздат; 1989. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 541 с.
40. Крусс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 30-37.
41. Крусс В.И., Крусс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
42. Лавров С.Б. Завещание великого евразийца // Л.Н. Гумилев. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экопрос, 1994. – С. 301-312. – в кн. 336 с.
43. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
44. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения.- 2006. – № 1. – С. 8-13.
45. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? – М., 2001.
46. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
47. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
48. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
49. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
50. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923. – М.: СП «RuiCO», «PS», 1990. – 208 с.
51. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов: СЮИ, 1999.
52. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
53. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д.ю.н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 27
54. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
55. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. – М., Юридическая литература. 1986. – 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. – М., Юридическая литература. 1987. – 328 с.
56. Рейснер М.А. Право: Наше право; Чужое право; Общее право. – Л.; М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
57. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
58. Ромашов Р.А. Революционное право как форма легальной государственной репрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 28-32.
59. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.

60. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»). – С. 10-17.
61. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
62. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
64. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
65. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
66. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
67. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
68. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
69. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
70. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
71. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
72. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
73. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
74. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
75. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995. – 155 с.
76. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб.: СПбГУ, 1991. – 136 с.
77. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
78. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
79. Шафиров В.М. Конституция и правопонимание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 307-318. – в сб. 344 с.
80. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
81. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
82. Шахрай С.М. Беловежские соглашения: мифы и факты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 3-5.

83. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
84. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
85. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
86. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
87. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
88. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
89. Юристы и революция – pro i contra / Авт.-сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.
90. Юрковский А.В. Отображение революции в конституционно-правовом регулировании Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 42-52.

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alik@mail.ru

МУРСАЛИМОВ Камиль Рамильевич,
доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: mursalimov-kp@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Аннотация. *Анализируется зарождение советской юридической науки после революционных событий 1917 года. Отмечается происшедший уход от плюралистического понимания права, сосредоточение творческих усилий ученых и практиков на развитии одной школы правопонимания. Формулируется тезис о противоречивости развития советской юридической школы, рассматривавшей право не как абстрактный надгосударственный и надобщественный феномен, но как социальный институт, имеющий четко определенные содержание и форму, отвечающий практике развития общественных отношений.*

Ключевые слова: *понимание права; советская юридическая наука; политизация; идеологизация; противоречивость развития.*

KHABIBULIN A.G.
MURSALIMOV K.R/

VALUE OF OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN FORMATION OF THE GENERAL THEORY OF THE RIGHT

The summary. *Origin of the Soviet jurisprudence after revolutionary events of 1917 is analyzed. The concentration of creative efforts of scientists and experts on development of one school understanding of law is marked as leaving from pluralistic understanding of the right. The thesis about discrepancy of development of the Soviet legal school considering the right not as abstract supranational and suprapublic phenomenon, but as the social institute having accurately defined maintenance and the form, answering to practice of development of public relations is formulated.*

Key words: *understanding of the right; the Soviet jurisprudence; politicisation; ideologization; discrepancy of development.*

Причинность социальных революций, в том числе происходивших в 1917 году, следует искать, прежде всего, в экономической сфере. Однако в результате коренных преобразований базовых (экономических) отношений, значительным образом меняются иные сферы общественной жизни.

Революционные события 1917 года существенно повлияли на политико-правовой сферу в части изменение вектора развития общей теории права. С одной стороны, в России произошел уход от плюралистического понимания права, с другой – произошло сосредоточение творческих усилий выдающихся ученых и практиков на развитии одной школы правопонимания, что несомненно отразилось на высоком качестве проработки советской концепции права.

Становление марксистко-ленинской идеологии и советской теории права сопровождалось весьма глубоким анализом существующих в мировой политико-правовой мысли теорий. Зарождение советской юридической науки происходило на основе критики зарубежной правовой теории. В этой связи И.П. Разумовский отмечал, что «единственно правильным подходом к построению марксисткой теории права является социологическая и социалистическая критика буржуазной общей теории права» [8, стр. 4]. При этом достаточно четко были выражены отличительные черты советского права от иных теоретико-правовых школ.

Критическое осмысление зарубежного правопонимания позволило в советской юриспруденции «утвердить материалистическое понимание права; вместо «первоосновы общества», в которую превратило его юридическое мировоззрение» [11, стр. 53]. Кроме того, В.А. Туманов справедливо отметил, что «правовому фетишизму, методологическому разрыву социального неравенства и юридического равноправия как важнейшему следствию юридического мировоззрения были противопоставлены понимание права как применения равного масштаба к неравным отношениям, социологическое и историческое объяснение правовой формы и ее социальной, классовой роли в различных общественно-исторических формациях» [11, стр. 53].

По-сути с помощью юридико-мировоззренческого подхода зарубежная политико-правовая теория «уходила» от детерминирующих правопонимание социальных противоречий, когда как в советской юридической науке существо права определялось через классовую стратификацию общества.

В этой связи «критика была необходима ... для понимания классового характера права, когда из выразителя «общей воли» и стоящего над социальными движениями явления оно превращается в выразителя интересов экономически господствующих классов, средство охраны классовых интересов, оружие политической борьбы» [11, стр. 53].

Несмотря на явную политизацию, благодаря советской юриспруденции право получило четко выраженную социально-институциональную оценку на основе глубокого философско-теоретического анализа и исследования закономерностей социально-экономического и политико-правового развития общественных отношений.

Следует признать, что советская юриспруденция внесла значительный вклад в разработку институционализации права; формирование системы признаков права на основе принципа формальной определенности; установление прочной взаимосвязи государства и права, их неотъемлемый друг от друга характер.

Несмотря на идеологизацию теории права в советский период достаточно четко выделены свойства права, характеризующие его как основной регулятор общественных отношений, исходящий от государства и обеспеченный его принудительной силой. «Право имеет своей задачей регулировать взаимные отношения людей, живущих в обществе, путем установления правил поведения «юридических норм», поддерживаемых принудительным воздействием со стороны государственной или общественной власти» [2].

Однако развитие советской юридической школы находилось в постоянном противоречивом состоянии. С одной стороны необходимо было обосновать дальнейшее социалистическое развитие права, а с другой – придерживаться основополагающего марксистского положения о конечном развитии права и государства.

Ярким примером противоречивого развития советской юридической науки является формирование концепции «пролетарского права», которая по своей сути противоречила марксистскому прогнозу о частичном (остаточном) буржуазном праве при социализме. Однако многие

идеологи данной концепции (П.И. Стучка, М.Ю. Козловский, Н.В. Крыленко и др.) всячески замалчивали это принципиальное обстоятельство и акцентировали внимание на единстве пролетарского классового подхода к праву и государству, присущем марксистской доктрине.

По мнению М.Ю. Козловского появляется «... невиданное нигде право, право не в подлинном его смысле (системы угнетения большинства меньшинством), а право пролетарское, которое все же право, в смысле средства подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами» [3, стр. 24].

П.И. Стучка также исходил из классового характера права и определял его как «систему (или порядок) общественных отношений, соответствующий интересам господствующего класса и охраняемой организованной силой» [10, стр. 58].

Идею пролетарского коммунистического права как нового типа права отстаивал Д.И. Курский, обосновывая свою позицию тем, что при советской власти исчезнут «все три основы института буржуазного права: старое государство, крепостная семья, частная собственность» [6, стр. 12].

Складывающаяся после Октябрьской революции 1917 года административно-командная система советского управления способствовала укреплению позитивного правопонимания в юридической науке. Однако «узконормативная» трактовка низвела право до практической юриспруденции. Это обусловлено тупиком в развитии теоретико-правовой мысли советского периода, невозможностью разрешить дилемму ограниченности развития государства и права и определения дальнейших закономерностей их развития.

История социальных революций, в том числе и Октябрьская революция 1917 года, показывает, что право детерминируется государством. Лица, обладающие публичной властью, используют право в качестве инструмента для сохранения или зарождения государственности. Так, после Октябрьской революции 1917 года возник правовой вакуум, который необходимо было в кратчайшие сроки восполнить в целях поддержания и дальнейшего развития советской государственности.

Новое государство рабочих и крестьян, образовавшееся в результате Великой Октябрьской Социалистической Революции, не могло обходиться без законов. Особенно сложными для юридической науки стали первые годы советской власти; новые источники права, имевшие специфический характер, отсутствие четкого представления о том, каким должно быть социалистическое право. Законы нового государства назывались декретами. Первые годы Советской власти стали временем значительных преобразований во всех областях жизни и построения основ социализма. В юридической науке утверждалась марксистско-ленинская методология, закладывался теоретический фундамент для развития принципиально новой системы права.

Многие авторы, базирующиеся на марксистской идеологии и обладающие гуманитарным образованием, стали основоположниками «пролетарского права». В этой связи необходимо отметить следующие фамилии «творцов» права: П.И. Стучка, Д.И. Курский, М.Ю. Козловский, Н.В. Крыленко [5].

Первыми юридическими нормами «пролетарского права» стали первые декреты большевиков. Основа концепции «пролетарского права» заключается в том, что право есть инструмент поддержания власти господствующего класса (пролетариата, рабочие и беднейшие крестьяне, организованные в коммунистическую партию). Ярким примером правоприменительной практики пролетарского права может служить институт судов (революционных троек). Где суд обладал широкой свободой усмотрений, отсутствием юридически определенных составов преступлений и соответствующих наказаний а также упрощенным судопроизводством. Говоря о «пролетарском праве» нельзя обойти такой значимый нормативный акт, как «Руководящие начала по уголовному праву», принятый в 1919 году [14]. Это был первый уголовный закон нового государства рабочих и крестьян.

Значительный массив документов появился в целях урегулирования судебного управления: приказы и распоряжения Наркомюста; протоколы съездов, республиканских совещаний, заседаний и постановлений коллегии наркомата; директивные письма и инструкции; акты и докладные записки о ревизиях местных органов и учреждений юстиции; отчетные доклады и протоколы губернских и уездных съездов работников юстиции; переписка Наркомюста РСФСР с нижестоящими органами юстиции и судами. Среди

директивных документов Наркомюста РСФСР особый интерес вызывают циркулярные письма, направляемые на места и характеризующие его как орган судебного управления: «О перевыборах членов судов и запасных судей краевых, областных, губернских и окружных судов, народных судей и народных заседателей», «О судебной политике губсудов и нарсудов республики», «О карательной практике», «Об участии работников суда и прокуратуры в кампании по перевыборам Советов», «О плановости в работе органов юстиции», «О порядке подбора, распределения, подготовки и учета личного состава органов юстиции», «Об участии судов в работе по ликвидации кулачества как класса» и др. [1, стр. 41].

Также события 1991 года, когда встал вопрос о сохранении целостности России, государством предприняты значительные политико-правовые меры для стабилизации отношений между органами федеральной власти и органами субъектов России. В 1992 году был заключен Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации [12]. Также в Конституцию Российской Федерации [9] были внесены положения, согласно которым республики являются государствами в составе Российской Федерации, которые обладают конституцией и законодательством [4].

Система советского государственного управления помогала укреплению позитивного правопонимания в юридической науке. «Узконормативная» трактовка права способствовала его институционализации на основе критериального подхода: формирование системы признаков права; установление категориально-понятийного аппарата права; выделение элементов механизма государственно-правового регулирования; формирования инструментария правотворческой деятельности и др.

Вместе с тем советская наука низвела право до практической юриспруденции. Это обусловлено тупиком в развитии теоретико-правовой мысли советского периода, невозможностью разрешить дилемму ограниченности развития государства и права и определения дальнейших закономерностей их функционирования. В этой связи ограниченность критериального подхода в праве определяется системой правопонимания.

История развития правопонимания показывает, что только сочетание юридической практики, теории и философии права позволяет создать цельное представление о праве, отвечающее потребностям и науки, и практики.

По мнению К.А. Неволина, необходимо различать естественное право (естественный закон) и позитивное право (положительный закон). Естественный закон представляет собой правовую сущность позитивного закона, а позитивный закон – его форму. Существо закона – это правда, а «существо правды может быть определено только в философии» [7].

Б.Н. Чичерин настаивал, что вытеснение философии права позитивистским направлением правопонимания во II половине XIX в. привело к упадку философии права, которая ранее занимала «выдающееся место в ряду юридических наук» и была «одним из важнейших предметов преподавания в университетах» [13, стр. 1].

В этой связи Б.Н. Чичерин содействовал возрождению философии права, подчеркивая, что философское основание права должно служить руководящим началом практической деятельности. Смысл философии права, по его мнению, обусловливается тем, что «область права не исчерпывается положительным законодательством» [13, стр. 1].

С точки зрения Б.Н. Чичерина положительные законы изменяются по воле человека в соответствии с его потребностями и взглядами, поэтому законодатель «не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие соображения. Он не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо последняя представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновение друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно иметь общие весы и мерило, то есть руководящие начала, а их может дать только философия» [13, стр. 1-2].

Цельность права обусловлена единством практической юриспруденции, теории и философии права, что позволяет создать полноценное представление о праве.

Современная правовая действительность свидетельствует, что в некоторых случаях,

принятие правотворческого решения обусловлено «разовыми» практическими потребностями, при этом не принимается во внимание научное обоснование такого решения. Либо решение основывается на «умозрительном» нормотворчестве, не учитывая закономерности и тенденции развития юридической практики.

Таким образом, советское право рассматривается не как абстрактный надгосударственный и надобщественный феномен, но как социальный институт, имеющий четко определенные содержание и форму, отвечающий практике развития общественных отношений. Именно приближенность советского правопонимания к реалиям общественного развития и одновременное философское осмысление исторической логики развития права и его сущности произвели прорыв в общей теории права, плоды которого являются неотъемлемой частью современной юридической науки и практики.

Список литературы

1. Абдулин Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2015.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXIV. Ст. «Право». – СПб., 2003.
3. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 1.
4. Конституция Российской Федерации. Статья 5. – М., 2016.
5. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 164 с.
6. Курский Д.И. Ближайшие задачи изучения советского права // Советское право. – 1922. – № 1.
7. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. Т. I. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 399 с.
8. Разумовский И. Проблемы марксисткой теории права. М.: Коммунистическая Академия, 1925. – 136 с.
9. Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
10. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистко-ленинской теории права / Сост. Г.Я. Клява. – Рига: Латв. гос. изд-во, 1964.
11. Туманов В.А. Избранное. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2010. – 736 с.
12. Федеративный договор: Документы. Комментарий. – М.: Республика,1994 – 125 с.
13. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев, 1900. – 344 с.
14. http://dir.md/wiki/Руководящие_начала_по_уголовному_праву_РСФСР_1919_года?host=ru.wikipedia.org

МУХАММАДИЕВ Изатулло Сайфуллоевич,
доцент кафедры исторических дисциплин IV факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, кандидат исторических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: 201612@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений

НАДЗОР ПРОКУРАТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ МОБИЛИЗАЦИИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ РАБОТЫ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Анализируется деятельность прокуратуры Таджикской ССР в части надзора за выполнением мобилизации трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве в годы Великой Отечественной войны. Приводятся основные нормативные и подзаконные документы, регламентирующие данную деятельность, а также конкретные примеры выявленных нарушений и принятых по ним мер воздействия.*

Ключевые слова: *Таджикская ССР; органы прокуратуры; Великая Отечественная война; мобилизация трудоспособного населения для работы на производстве и в строительстве; прокурорский надзор.*

MUHAMMADIEV I.S.

SUPERVISION OF OFFICE OF PUBLIC PROSECUTOR OF TAJIKISTAN OF PERFORMANCE OF MOBILISATION OF ABLE-BODIED POPULATION FOR WORK ON MANUFACTURE AND BUILDING IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The summary. *Activity of Office of Public Prosecutor of the Tadjik Soviet Socialist Republic regarding supervision of performance of mobilisation of able-bodied population for work on manufacture and building in days of the Great Patriotic War is analyzed. The cores standard and sublegitimate documents regulating given activity, and also concrete examples of the revealed infringements and the measures of influence accepted on them are resulted.*

Key words: *the Tadjik Soviet Socialist Republic; bodies of Office of Public Prosecutor; the Great Patriotic War; mobilisation of able-bodied population for work on manufacture and in building; public prosecutor's supervision.*

Важное значение в условиях военного времени имело всемирное укрепление трудовой дисциплины в сфере мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей для работы на производстве, строительстве и сельскохозяйственные работы.

Советское правительство в первые же дни войны поставило вопрос о рациональном использовании трудовых ресурсов, и приняла чрезвычайные меры, направленные на закрепление

рабочих на производство, увеличение рабочего дня и мобилизации некоторой категории населения на производство и сельское хозяйство. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 года вводилась обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день, отменено очередные и дополнительные отпуска, что давало возможность примерно на одну треть увеличит нагрузку производственных мощностей при той численности работников [2; 38, стр. 88]

30 июня 1941 года при СНК СССР создан Комитет по учету и распределению рабочей силы, которая занималась перераспределением рабочей силы с учетом условий войны, в Таджикистане при СНК Таджикской ССР было создано бюро по учету и распределению рабочей силы.

Предприятия и стройки военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, на период военного времени нуждались в рабочей силе. Для работы на производстве и строительстве мобилизации подлежали трудоспособное городское население.

По вопросам трудовых мобилизаций в предвоенное время каких-либо специальных нормативных актов принято не было. Уголовный кодекс также не имел статей об ответственности за уклонение от мобилизации для работы на производстве. Поэтому вопросы, связанные с ответственностью лиц, уклонявшихся от мобилизации, встали уже на начальном этапе войны, и их приходилось спешно разрешать в условиях недостатка времени и отсутствия нормативной базы. 10 сентября 1941 г. НКЮ СССР разъяснял: «Лица, мобилизованные в законом установленном порядке на оборонные работы, уклоняющиеся в условиях военного времени от этих работ, подлежат уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РСФСР» [25]. Статья 59-6 УК РСФСР (ст.74 УК Таджикской ССР – авт.) – «Отказ и уклонение в условиях военного времени от внесения налогов» – предусматривала, что отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей влекли за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до расстрела с конфискацией имущества. Это разъяснение НКЮ СССР продолжало действовать до принятия 13 февраля 1942 г. конкретного Указа.

В целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, на период военного времени 13 февраля 1942 года издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [4]. Этим указом трудоспособное городское населения мобилизовалась для работы по месту жительства на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности. Мобилизация отличалась от трудовой повинности по нескольким критериям: целенаправленности, времени применения, степени ответственности. Уже в Указе ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. прописывалась основная цель трудовой мобилизации – закрепление кадров для постоянной работы [3]. Мобилизации для работы на производстве и строительстве подлежали трудоспособное городское население в возрасте: мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях. От мобилизации освобождались лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 18 лет, которые подлежали призыву в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, согласно контингентам, устанавливаемым СНК СССР, а также женщины, имевшие грудных детей или детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за ними; учащиеся высших и средних учебных заведений. Лица, уклонявшиеся от мобилизации, привлекались к уголовной ответственности – к принудительным работам по месту жительства на срок до 1 года.

Нарушение установленных мобилизационных правил рассматривалось в общем контексте борьбы с уголовной преступностью в условиях военного времени [31; 35; 36].

В соответствии с постановлением СНК СССР 10 августа 1942 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» [37], трудовая повинность могла вводиться каждый раз только по постановлению СНК СССР, а в мест-

ностях, объявленных на военном положению, также военными властями. Привлечение граждан к трудовой повинности допускалось на срок до 2 месяцев с продолжительностью рабочего дня 8 часов в сутки и 3 часа обязательных сверхурочных работ. Теперь, согласно постановлении к трудовой повинности не могли привлекаться лица, не достигшие 16 лет, мужчины старше 55 лет и женщины старше 45 лет. Оплата труда, осуществлявшегося в порядке трудовой повинности, производилась учреждениями и организациями, для которых выполнялись работы. Лица, привлекающиеся к трудовой повинности, могли быть использованы на работе, как в местностях их постоянного жительства, так и в других местностях. За рабочими и служащими, привлекающимися к трудовой повинности, сохранялось место их постоянной работы, занимаемая должность и их жилплощадь; при направлении в другую местность им выплачивались компенсации за время нахождения в пути. Лица, уклоняющиеся от трудовой повинности, несли ответственность по законам военного времени [32]. Самовольный уход с работы лиц, привлеченных к трудовой повинности, рассматривался как уклонение от трудовой повинности и влек за собой уголовную ответственность [41]. Уклонение от мобилизации или самовольный уход с места работы наказывались от 1 года принудительных работ по месту жительства (народные суды) до тюремного заключения сроком от 5 до 8 лет (военные трибуналы). По сравнению с Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г. [1], ответственность возросла в 30 раз.

Принятие этого нормативного акта было вызвано, в частности, тем, что после нападения гитлеровской Германии на СССР судам пришлось столкнуться с делами о невыполнении отдельными лицами различных повинностей, обусловленных обстоятельствами военного времени. Не имея в своем распоряжении каких-либо руководящих указаний по этому вопросу, суды в своей практике обратились к уже упоминавшейся статье 59-6 УК РСФСР, и в первые месяцы войны почти во всех случаях невыполнения повинностей применялась эта статья. Суды настолько широко трактовали диспозицию статьи 59-6, что возникла необходимость ввести ограничительные признаки, сужавшие область ее применения, что и было сделано 11 августа 1941 г., когда НКЮ СССР разъяснил, что ст. 59-6 УК РСФСР может применяться при злостном отказе или уклонении от внесения налогов или выполнения повинностей и общегосударственных заданий [39]. Однако, при этом не расшифровывалось понятие квалифицирующего обстоятельства. Следует признать, что это разъяснение НКЮ СССР было достаточно своевременным событием (скорее даже несколько запоздавшим) поскольку в первые месяцы войны Верховный Суд СССР квалифицировал по ст. 59-6 и нарушение правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне, и уклонение от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств, и уклонение от сдачи призматических биноклей. Даже в условиях военного времени вряд ли можно признать обоснованной столь широкую аналогию. Именно поэтому и присутствовала в уголовно-правовой политике страны следующая тенденция: законодатель не довольствовался статьей 59-6 УК РСФСР, а старался конкретизировать невыполнение отдельных повинностей и дифференцировать в каждом отдельном случае характер государственного принуждения (административное взыскание или уголовная ответственность) и степень его тяжести (исправительно-трудовые работы или лишение свободы, разные сроки той и другой меры). Такую тенденцию, очевидно, следует рассматривать как позитивный факт [30].

В соответствии Указа ПВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» от 29 сентября 1942 года [5] на положение мобилизованных переводились все рабочие, служащие и инженерно-технические работники, работающие в государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, и закреплялись за теми предприятиями и учреждениями, в которых они работают.

В необходимых случаях указанные рабочие, служащие и инженерно-технические работники подлежали по решениям Правительства обязательной эвакуации в организованном порядке (колоннами, эшелонами и т.п.). Перевод на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в соответствии со статьей 1 настоящего Указа объявлялся приказом областного, городского или районного военного комиссара.

Организация эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников из районов,

близких к фронту, (сбор эвакуируемых к месту отправки, формирование колонн, эшелонов и т.п.) возлагалось на районного, городского военного комиссара. Перечень районов, близких к фронту, определялся Государственным Комитетом Обороны. Семьи эвакуируемых рабочих, служащих и инженерно-технических работников подлежали эвакуации в районы, в которые переводится данное предприятие (учреждение). Руководители соответствующих предприятий и учреждений обязаны были строго выполнять указания районного /городского/ военного комиссара и обеспечить полную эвакуацию рабочих, служащих и инженерно-технических работников данного предприятия или учреждения. Районный /городской/ военный комиссар выделял в помощь руководителям предприятий и учреждений соответствующее количество военнослужащих для сопровождения эвакуируемых в пути следования к новому месту работы.

За самовольный уход с предприятий и учреждений, переведенных на положение мобилизованных виновные лица карались военными трибуналами согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года как дезертирство тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Руководитель предприятия (учреждения), не обеспечивший организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников, также привлекался к уголовной ответственности и подвергается по приговору военного трибунала тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет [5].

Таким образом, этот Указ вывел практически всех рабочих и служащих в близких к фронту районах из сферы действия Указа от 26 декабря 1941 г. и подвел их под действие Указа от 26 декабря 1941 г. и таким образом значительно ужесточил уголовную ответственность для этой категории лиц.

В Таджикистане в соответствии с этими решениями развернулась широкая мобилизация в промышленность трудоспособного городского и сельского населения. Основными источниками пополнения рабочей силой промышленности, строительства и транспорта являлись колхозники, население городов и поселков, не занятые полезным трудом, студенты, учащиеся старших классов, училищ трудовых резервов, трудоспособные инвалиды войны, эвакуированное население [38].

В связи с Указом Президиума Верховного Совета ССР от 29 сентября 1942 года был издан Приказ Народного комиссара юстиции и прокурора Союза СССР от 2 октября 1942 г. «О порядке рассмотрения дел о преступлениях, предусмотренных Указом от 29 сентября 1942 года «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно – технических работников в близких к фронту районах» которым было установлено, что в случае самовольного ухода (дезертирства) с этих предприятий и учреждений, а также в случае уклонения от обязательной эвакуации, производимой по решениям Правительства, виновные привлекаются к уголовной ответственности по Указу от 26 декабря 1941 года [11].

В соответствии с этими решениями проводилась мобилизация трудоспособного населения. В период войны в пользу военных нужд Комитетом было мобилизовано 12 млн. чел., из них для работы на производстве и строительство 3 млн. чел. [40].

В пределах Средне-Азиатского, Уральского и Южно-Уральского военных округов, мобилизация военнообязанных в возрасте от 19 до 50 лет была предусмотрена Постановлением ГКО № ГОКО от 14 октября 1942г. Из мобилизованных формировались рабочие колонны с направлением их для работы в промышленность и на строительство. Этим постановлением было установлено уголовная ответственность всех мобилизованных в рабочие колонны за неявку по мобилизации на призывной или сборный пункт, за самовольное оставление работы или за дезертирство из рабочих колонн по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. [6] В связи с этим, Народный комиссар юстиции Союза ССР и Прокурор Союза ССР совместным приказом предписали военнообязанных, подлежащих мобилизации в рабочие колонны согласно постановления ГКО № ГОКО – 2414с от 14/Х – 42 г., в случае их неявки по мобилизации на призывной или сборный пункт, за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн, привлекать у уголовной ответственности по Указу от 26 декабря 1941 года. Дела о неявке мобилизованных на призывной пункт или сборный районные и городские прокуроры обязаны оформлять на основании материалов местных военкоматов с обязательным допросом привлекаемого к уголовной ответственности.

Дела эти оформлять для направления в трибуналы не позднее 48 часов [10].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР и Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 13 февраля 1942 г «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» был издан Совместный приказ Народного Комиссариата Юстиции СССР, Прокурора Союза СССР, Председателя Комитета по учету и распределению рабочей силы СНК ССР от 5 марта 1942 г. которым установлено, что Бюро по учету и распределению рабочей силы при исполнительных комитетах советов депутатов трудящихся по установлению фактов уклонения граждан от мобилизации для работы на производстве и строительстве, немедленно сообщают об этом районному прокурору по месту жительства уклоняющегося, с указанием фамилии, имени, отчества, года, места рождения и адреса уклоняющегося. Районный прокурор по получении сообщения Бюро по учету и распределению рабочей силы вызывает уклоняющегося от мобилизации, проверяет факт уклонения и не позднее 48-ми часов направляет материал в народный суд со своим кратким постановлением о предании в суд. Народные суды рассматривали дела об уклонении от мобилизации не позднее, чем в трехдневный срок по поступлении в суд материалов, без внесения на подготовительные заседания. Лица осужденные за уклонение от мобилизации подлежали обязательному направлению на принудительные работы на предприятия и стройки по месту своего жительства по указанию соответствующих Бюро по учету и распределению рабочей силы [9].

В Таджикистане было создано бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК Таджикской ССР, при облисполкомах, а в городах и районах были утверждены должности заведующего мобилизацией, которые занимались привлечением населения к трудовой и гужевой повинности и мобилизацией на сельскохозяйственные работы. Мобилизация проводилась как на постоянную, так и на временную и сезонную работу. Население мобилизовалось на работу внутри республики, так и отправляли на оборонные стройки и предприятия страны. Часть мобилизованных в рабочие колонны были посланы на работу в Казахскую ССР, Татарскую АССР, Челябинскую, Новосибирскую и Свердловскую области [38].

В годы войны в республике неоднократно проводилась мобилизация военнообязанных для работы на промышленных предприятиях и стройках.

Много тысяч пожилых таджиков-колхозников были мобилизованы в трудовую армию. Работая на военных заводах стран вместе с представителями, других братских народов, они изо дня в день увеличивали выпуск боеприпасов, оружия, снаряжения и другой военной продукции [34, стр. 135].

В декабре 1942 года для работы на строительства и промышленных предприятиях Свердловской и Новосибирской области было мобилизовано около 5 тыс. человек. Таджикистан должен был мобилизовать 40 тыс. человек на работу в другие республики СССР [33]. Вместе с представителями других народов 44957 посланцев Таджикистана были направлены в центральные районы РСФСР и на Урал [38].

Постановлением Комиссии при Совнаркоме Союза ССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации от 24 июля 1942 года № 176 установлен порядок аннулирования отсрочек от призыва по мобилизации при увольнении работников с предприятий и учреждений [12]. В связи с этим, Приказом Прокурора Союза ССР предписано прокурорам при увольнении из органов прокуратуры работников немедленно отбирать имеющиеся у них удостоверения на отсрочки от призыва по мобилизации и сдавать в райвоенкоматы с уведомлением о снятии их со спецучета и зачислении на общий учет. Запретить предоставление отсрочек от призыва по мобилизации разбронированным военнообязанным, в связи с их увольнением с прежней работы, по новому месту работы, независимо от того подлежит или не подлежит должность бронированию [13].

Прокуроры осуществляли надзор за правильностью составления и утверждения списков лиц, подлежащих мобилизации (ст.ст. 2 и 3 Указа и примечание к п. 4 постановления СНК СССР), законностью и правильностью выносимых судами приговоров и за их исполнением. Ленинабадский областной прокурор А.В. Ахмадеев 15 октября 1942 направил письмо всем райпрокурорам области и довёл до их сведения, что Прокурор Союза ССР Бочков дал разъяснение по вопросу

привлечения к ответственности лиц из числа бывших бойцов, рабочих строительных колонн, самовольно оставивших работы: рабочие и служащие из числа бывших бойцов рабочих и строительных колонн и батальонов, за самовольный уход с предприятия, отвечают наравне со всеми рабочими. За дезертирство с военных предприятий отвечают по Указу от 26/ХП-41 года. За самовольное оставление предприятий не попадающих под Указ от 25/ХП-41 г. отвечают по Указу от 26/У1-40 года. Отмечалось, что при задержании дезертиров с военных предприятий в пределах Таджикской ССР необходимо истребовать подтверждение фактов дезертирства от директора предприятия или территориального прокурора. Получение тереграфного подтверждения факта дезертирства и о том, что задержанный заочно не осужден, является достаточным основанием для переедания суду [14].

19 ноября 1942 года Прокурор Ленинабадской области А.В. Ахмадеев поручил Прокурору Исфаринского района в соответствии с распоряжением Прокурора Республики от 11/Х1-42 г. № 523/с о выполнении приказа прокурора Союза ССР № 0390/113с «О порядке рассмотрения дел о преступлениях предусмотренных постановлением ГКО ГОКО № 2414 от 19/Х-42 г. «О направлении в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и предприятий» [20].

В ходе прокурорских проверок прокуроры не только выявляли и привлекали дезертиров к уголовной ответственности, но и в отделах мобилизации исполкома райсовета, выявляли факты незаконной трудовой мобилизация граждан и принимали меры прокурорского реагирования. Например, прокурор Ура-тюбинского района юрист 1 класса Ирмухамедов в ходе проверки в отделе мобилизации исполкома Ура-Тюбинского райсовета, обнаружил факты незаконной трудовой мобилизация граждан Асроркулова Р. 1885 года (60 лет) и Саидова Саид 1883 года рождения (62 года). Документация была оформлена в нарушении инструктивных требований (отсутствует год рождения, нет адресов). По выше изложенным нарушениям, внесено 2 представления в Райсовет, которые рассмотрены и нарушения устранены [27, л. 7].

Согласно постановления Пленума Верховного суда от 15 сентября 1941 г № 15/17/У уклонение граждан, проживающих в городах и сельских местностях от мобилизации для постоянной работы на производстве и строительстве по месту жительства или в иной местности, в тех случаях, когда такая мобилизация производится на основании соответствующего постановления Государственного комитета или Совнаркома СССР – должно квалифицироваться по аналогии по Указу от 13 февраля 1942 года. По имеющимся сведениям народные суды, определяя по таким делам наказание в виде исправительно-трудовых работ назначают эти работы по месту месту жительства осужденного. Учитывая, что назначение наказания по месту жительства осужденного в случае уклонения от мобилизации в иную местность препятствует своевременному осуществлению мобилизации и принимая во внимания наказания в виде исправительно-трудовых работ не является обстоятельством, временно или вовсе освобождающим от мобилизации наказание в виде исправительно-трудовых работ в указанных выше случаях должно назначаться не по месту жительства осужденного, а по месту работ, на которую осужденный был или должен быть назначен по мобилизации [8].

Мобилизация проводимая в свое время военкоматами и направленных на работу на строительство и предприятия, на основании постановления ГОКО от 14 октября 1942 г. закончилась. Лица, которые мобилизованы военкоматами для работы в промышленности и на строительство на основании последующих постановлений ГОКО несут ответственность за дезертирство на общих основаниях, в зависимости от того, распространяется ли на данное предприятие указ от 26 декабря 1941 г. и от 26 июня 1940 г. [17].

Президиум Верховного Совета Союза ССР 24 августа 1943 года издал Указ, которым на рабочих и служащих железных дорог и предприятий НКПСС было распространено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности и рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий [29], на основании чего был издан приказ НКЮ СССР, Прокурора СССР и НКПС СССР № с-862ц/0128/89с [29], в котором особо отмечалось, что рабочие и служащие железных дорог и предприятий НКПС за самовольный уход должны привлекаться к ответственности и судиться военными трибуналами по Указу от

26 декабря 1941 г. В условиях военного времени усилила свое значение и статья 59-3В УК РСФСР (ст.71 УК Таджикской ССР) «Нарушение трудовой дисциплины на транспорте». Широкое применение этой статьи в годы войны можно объяснить возросшей ролью четкой и бесперебойной работы транспорта и, соответственно, ростом опасности нарушений на транспорте трудовой дисциплины.

С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. о переходе всех железных дорог на военное положение [23] и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1943 г. о распространении этого Указа на водный транспорт [24] ответственность работников транспорта за преступления по службе стала квалифицироваться по аналогии с военнослужащими Красной Армии, а дела о всех преступлениях, совершенных на транспорте, должны были рассматриваться в военных трибуналах по законам военного времени.

Применение мер уголовного характера к работникам железнодорожного и водного транспорта имело ряд особенностей. 27 февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отсрочке исполнения приговоров отношении работников железнодорожного и водного транспорта» [22], который распространял примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР (примечание 1 к ст.26 УК Таджикской ССР) («Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию») на работников железнодорожного и водного транспорта, осужденных к лишению свободы без поражения избирательных прав. Устанавливалось, что осужденные работники железнодорожного и водного транспорта, к которым суд найдет возможным применить это примечание, по определению суда должны были направляться в штрафные части действующей армии – лица призывного возраста, годные к несению военной службы, а остальные – на предприятия с использованием их по усмотрению руководителя предприятия.

Приказ НКЮ СССР № 0100с от 4 августа 1942 г. [26] разъяснял, что в случаях, когда суды на основании Указа от 27 февраля 1942 г. применяют к осужденным работникам транспорта примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, работники ведущих профессий (машинисты и их помощники, начальники станций и их помощники, диспетчера, главные кондукторы)0 могут быть в соответствии с постановлением ГКО от 18 мая 1942 г. № 1765 независимо от пригодности к службе в Красной Армии направляемы на предприятия для использования по усмотрению руководителей предприятий.

В соответствии с изложенным Прокурорам Исфаринского, Канибадамского, Чкаловского, Науского и Пролетарского р-на, где проходили линии путей железных дорог под личную ответственность установить самый строжайший контроль за выполнением данного Указа от 24 августа 1942 года и в порядке общего надзора обеспечить своевременное направление заведующими и начальниками железных дорог и НКГС материалов о дезертирах в органы прокуратуры, по месту нахождения предприятия, выявление и устранение недостатков в организации труда, жилищно-бытового обслуживания и т.д. способствующих дезертирству с железных дорог и предприятий НКГС, привлечение к ответственности должностных лиц, виновных в укрывательстве дезертиров, несвоевременного направления материалов о них соответствующим прокурорам и принятия мер к устранению нарушений, способствующих дезертирству. Порядок передачи дел этой категории установлен прежний т.е. в соответствии с постановлением СНК СССР от 3 января 1942 года № 6.

Прокурор Ленинабадской области 23.05.1944 г. всем горрайпрокурорам Ленинабадской области поручил установить контроль за проведением в жизнь данного постановления Постановлением ГОКО за № 4638 от 23 ноября 1943 г. обязало директоров учреждений и предприятий беспрекословно освобождать и направлять по месту прежней работы на железные дороги СССР эвакуированных железнодорожников, которые в период эвакуации перешли на другие предприятия и учреждения не транспортного значения [19].

Постановлением ГОКО от 10 февраля 1944 года 5204/с прокурору Союза ССР поручено проследить за выполнением предприятиями и учреждениями постановления ГОКО от 22 апреля 1942 года за № 3230/с, которым все наркоматами и ведомства должны по требованию наркомтанкпрома беспрепятственно отпускать рабочих и инженерно – технических работников, ранее

работавших на Сталинградском тракторном заводе и поступить на эту работу в эти предприятии и учреждений период эвакуации с августа по декабрь 1942 года. Прокурор Ленинабадской области всем райпрокурорам Ленинабадской области от 11.03.1944 г. поручил обеспечить надзор за точным выполнением этого постановления ГОКО принимать в каждом отдельном случае необходимую меру [21].

В июне 1944 года Прокурор Ленинабадской области М. Холматов поручил всем горрайпрокурорам области ознакомиться в райсовете Депутатов трудящихся с постановлением СНК Таджикской ССР от 17/V-44 г. за № 380-31 «О плане мобилизации трудоспособного городского неработающего и сельского населения для работы в промышленности и на строительстве по Таджикской ССР, а также с постановлением СНК Таджикской ССР от 25 мая 1944 г. за № 429-35 «О проведении инвентаризации продовольственных и бакалейных товаров госрезерва, хранящихся на складах ответхранителей Таджикской ССР по состоянию на 1 июля 1944 года» [16].

В ходе прокурорских проверок для устранения выявленных нарушений принимались меры. В докладе прокурора Ура-Тюбинской района юриста 1 класса Ирмухамедова по общему надзору за 2-й квартал 1945 года [27, л. 7] прокурору Ленинабадской области были отмечены нарушения выявленные в ходе прокурорских проверок исполнения важнейших законов военного времени: трудовой дисциплины, мобилизации, разбазаривание продовольственных фондов предназначенных для обеспечения семей военнослужащих, рассмотрение жалоб военнослужащих и семей военнослужащих. Прокуратурой Уратюбинского района за второй квартал 1945г. на нарушения указа в части передачи материалов на лиц, самовольно оставляющих работу или совершающих прогул, а также на нарушение трудового законодательство принесено 17 протестов и внесено 16 представлений. В частности проверены артели: «Ударник», «Копин», кишмично-консервный завод и др. где были обнаружены грубые нарушения трудовой дисциплины, на которое принесено 9 представлений.

Постановлением ГКО «О мероприятиях по обеспечению бесперебойной работы цветной металлургии в 1У квартале 1944 года» за № 6707с от 14/Х – 44 года, СНК Таджикской ССР и ЦК КП (б) Таджикистана 16/Х1 – 44 года принял постановление № 1985 – 96, которым запрещено партийным, советским и военным организациям в 1945 году мобилизация и перевод в другие отрасли промышленности и сельского хозяйства рабочих, инженерно-технических работников, старателей и служащих системы Наркомцвета. Лично обеспечить безусловное выполнение постановлений ГОКО о запрещении мобилизации и откомандировании партийно-советскими организациями рабочих, инженерно-технических работников и служащих с предприятии и строек цветной металлургии [18] ю Считая обеспечение бесперебойной работы цветной металлургии у условиях войны одной из важнейших задач партийных и советских организации СНК Таджикской ССР и ЦК КП (б) Таджикистана Ленинабадского т. Буланова и Сталинабадского т. Искандарова, а также председателей Облисполкомов Ленинабадского т. Авезовой М. и Сталинабадского т. Садыкова усилить внимание партийных и советских организации к нуждам строящихся, действующих и восстанавливаемых предприятий цветной металлургии. Обеспечить повседневную помощь выполнения плана перевозок и поставки строительных материалов, топлива, горючего, химикатов и оборудования, продовольственных и химических товаров для предприятий и строек цветной металлургии с предприятий области, республики. Оказать помощь стройкам и предприятиям цветной металлургии и обеспечении рабочей силой.

Прокурор Ленинабадской области старший советник юстиции М. Холматов 14 декабря 1944 г. поручил прокурорам Аштского, Ленинабадского, Исфаринского районов обеспечить их выполнение.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 5 апреля 1944 г. № 5556 предусмотрена мобилизация определенного количества граждан на проведение лесосплава и выгрузки древесины в навигацию 1944 г. из числа населения городов, рабочих поселков и сельских местностей, а также с предприятий и учреждений; Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины от 18 до 45 лет. Этим же постановлением установлено, что в случае уклонения от мобилизации или самовольного ухода с работы до выполнения уста-

новленного количества норм мобилизованный привлекается к уголовной ответственности и по приговору народного суда направляется на сплавные работы, выполняемые в принудительном порядке [7].

В связи с изложенным Пленум Верховного Суда СССР постановил, что уклонение от указанной выше мобилизации, а равно самовольный уход с работы до выполнения установленного количества норм подлежат квалификации по постановлению Государственного Комитета обороны от 5 апреля 1944 г № 5556 с назначением наказания виде исправительно-трудовых работ сроком до одного года, отбываемых по месту сплавных работ; в случае окончания таковых до истечения определенного судом срока наказания, остающийся срок исправительно-трудовых работ отбывается на общих основаниях. Злостное уклонение от мобилизации, а равно повторный самовольный уход с работы подлежат квалификации по ст. 59 – 6 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик с назначением наказания, предусмотренного этими статьями УК [7].

В соответствии с телеграммой прокурора Союза ССР т. Горшенина ознакомьтесь в райсоветах депутатов трудящихся с телеграммой СНК СССР за № 38/35 от 22/V – 44 г. «О мероприятиях по предупреждению желудочно-кишечных заболеваний в весенне-летний период» установите надзор за исполнением данного постановления, виновных в нарушениях данного режима привлекайте к строгой ответственности [15].

Таким образом, органы прокуратуры Таджикской ССР с первых дней войны установил строгий надзор над исполнением законодательства о рациональном использовании трудовых ресурсов, осуществления чрезвычайных мер, направленные на закрепление рабочих на производстве, увеличение рабочего дня и мобилизации некоторой категории населения на производство и сельское хозяйство. Необходимо отметить, деятельность прокуратуры в этом направлении способствовали укреплению трудовой дисциплины, сыграли огромную роль в усилении военно-хозяйственной мощи СССР. В целом принятые меры, направленные на привлечение к труду в обязательном порядке всех не участвовавших в боевых действиях трудоспособных граждан, перераспределение кадров, усиление централизации управления профессиональным обучением, повышение обязательной меры труда, изменение оплаты труда и т.д. способствовали организации прочного тыла в годы Великой Отечественной войны и оказали неоценимую помощь в деле разгрома врага.

Список литературы

1. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на шестидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ ussr_4050.htm
2. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4322.htm
3. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ ussr_4050.htm
4. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4341.htm
5. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 29 сентября 1942 года № 160/15 «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно – технических работников в близких к фронту районах» // https://www.lawmix.ru/sssr/15159
6. Постановление ГКО от 14 октября 1942 г. № ГОКО – 2414с «О мобилизации в Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве железных дорог и промпредприятий» // http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2414.html
7. Постановление Пленума Верховного Суда Союза ССР от 22 апреля 1944 года № 6/5/у «Об ответственности за уклонение от мобилизации или самовольный уход с работы граждан, мобилизованных на проведение лесосплава и выгрузки древесины в навигацию 1944 г.»

8. Постановление Пленума Верховного Суда Союза ССР от 11.11.1944 г. № 1«О дополнении постановления Пленума Верховного суда от 15.09. 1941 г № 15/17/V.
9. Совместный приказ Народного Комиссариата Юстиции СССР, Прокурора Союза ССР, Председателя Комитета по учету и распределению рабочей силы СНК СССР от 5 марта 1942 № А-Д-2/05/01.
10. Приказ Народного комиссара юстиции и прокурора Союза ССР от 16 октября 1942 года № 0290/113с О порядке рассмотрения дел о преступлениях, предусмотренных Постановлением ГКО № ГОКО – 2414с от 14/Х – 42 г. «О мобилизации в Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел.дорог и промпредприятий»
11. Приказ Народного комиссара юстиции и прокурора Союза СССР от 2 октября 1942 г. № 0335/104с
12. Приказ Прокурора Союза ССР № 7/с от 31 июля 1942 г. «О порядке аннулирования отсрочек от призыва по мобилизации при увольнении работников с предприятий и учреждений».
13. Разъяснение Народного комиссара Юстиции Союза ССР и Прокурор Союза ССР от 25 ноября 1942 г. за № 18/7124с
14. Письмо облпрокурора от 18.11.1942 за № 3-303.
15. Письмо Прокурора Ленинабадской области Холматова от 11.06. 1944 г. № 104/с
16. Письмо прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 15.06.1944 г. № 113/с.
17. Письмо прокурора Ленинабадской области старшего советника юстиции Холматова М. от 17.05.1944 г. № 118/с
18. Письмо прокурора Ленинабадской области старшего советника юстиции Холматова М. от 14/ХП – 44 г № 267/с
19. Письмо заместителя прокурора Ленинабадской области, младшего советника юстиции Галяутина от 23.05.1944 г. № 101/с.
20. Поручение прокурора Ленинабадской области Ахмадеева А.В. от 19/Х1-42 г. № 434/с
21. Поручение прокурора Ленинабадской области всем райпрокурорам Ленинабадской области от 11.03.1944 г. № 39/с
22. Ведомости ВС СССР. 1942. № 8.
23. Ведомости ВС СССР. 1943. № 15.
24. Ведомости ВС СССР. 1943. № 18.
25. ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 131. Л. 5.
26. ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 175. Л. 257.
27. ГА СО. – Ф. Р. 30. – Оп. 1. – Д. 82.
28. ГАРФ. – Ф.4. – Оп.12. – Д.105. – Л. 165-168.
29. ГАРФ.Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 176. Л. 34.
30. Григуть А.Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
31. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
32. Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. – М., 1943.
33. Пак Н.П. Советы Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. – Душанбе, 1985.
34. Раджабов З.Ш. Участие трудящихся Таджикистана в совместной борьбе народов СССР против немецко-фашистских захватчиков // О дружбе Таджикского народа с другими народами СССР. – Душанбе: Дониш, 1967.
35. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
36. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 224 с.
37. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. – М., 1944.
38. Сечкина Л.П. Таджикистан в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945. -Душанбе, 1989.
39. Советское право в период Великой Отечественной войны. Т. 2. – М., 1948.
40. Соколов П.В. Война и людские резервы. – М., 1961.
41. Соломон П. Советская юстиция при Сталине (пер. с англ. Л. Максименкова).-2-е изд.- М., 2008.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Аннотация. *Рассматривается юридическая база укрепления суверенитета Российской Федерации. Приводятся основные нормативно-правовые акты, составляющие названную базу, формулируются особенности правового регулировании и правовых норм, определяющих правоотношения в сфере укрепления суверенитета. Отмечается, что основной причиной слабости и фактического упадка правового механизма укрепления суверенитета России в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования этого механизма, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования.*

Ключевые слова: *суверенитет; юридическая база; нормативно-правовые акты; правовой механизм укрепления суверенитета; законодательное обеспечение.*

KLIMENKO O.A.
TRETYAKOV I.L.
MIRZOEV A.K.

THE SOVEREIGNTY OF MODERN RUSSIA AND ITS LEGISLATIVE MAINTENANCE

The summary. *The legal base of strengthening of the sovereignty of the Russian Federation is considered. The basic regulatory legal acts making named base are resulted, features legal regulation and the rules of law regulating relationship in sphere of strengthening of the sovereignty are formulated. It is noticed, that a principal cause of weakness and actual decline of a legal mechanism of strengthening of the sovereignty of Russia in modern conditions is incompleteness, a fragmentariness and obvious unsystematic character of legal regulation of this mechanism, and discrepancy, and also pretentiousness of this regulation.*

Key words*: the sovereignty; legal base; regulatory legal acts; a legal mechanism of strengthening of the sovereignty; legislative maintenance.*

Исследование правового регулирования суверенитета РФ требует раскрыть:

1) его сущность и зависимость от основополагающих факторов общественного развития – экономики, политики, идеологии и культуры;
2) юридическую базу этого регулирования;
3) его противоречия.

Укрепление суверенитета Российской Федерации – это система общественных отношений, юридических норм, характеризующих направления, способы и средства деятельности государства, общественных организаций и граждан по всестороннему совершенствованию суверенитета, повышению его эффективности, достижению реальности и созданию гарантий конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

С понятием укрепления суверенитета РФ диалектически взаимосвязано и понятие правового механизма этого укрепления. Сущность правового механизма укрепления суверенитета составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по осуществлению и обеспечению суверенитета. Содержательной основой этого механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих суверенитет [71, стр. 59-73].

Определяющими элементами содержания правового механизма укрепления суверенитета являются правовое регулирование этого механизма и административно-организационная деятельность органов государства, среди которых особая роль принадлежит силовым структурам. Определяющее место указанных элементов в системе правового механизма укрепления суверенитета обусловлено сущностью и социальной ролью права, правового регулирования в системе социального управления, а также деятельности субъектов, реализующих и обеспечивающих суверенитет. Правовое регулирование обеспечивает юридическую базу укрепления суверенитета, а деятельность силовых структур государства составляет его внутренний источник и движущую силу. Вместе взятые, указанные элементы правового механизма укрепления суверенитета образуют диалектическое единство и противоречие формально-нормативной стороны этого механизма и его существенной предметно-деятельной стороны.

Единство этих элементов состоит в том, что они:

- являются сторонами единой системы – системы правого механизма укрепления суверенитета;
- взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, создавая необходимые правовые формы организации укрепления суверенитета, юридическую базу этой борьбы, с одной стороны, и придавая ей жизненную динамику и функциональную механику, с другой стороны;
- изменение правового регулирования механизма укрепления суверенитета неизбежно влечет за собой изменение его предметно-деятельной стороны и, наоборот, изменение направлений, форм, способов и средств деятельности по укреплению суверенитета вызывает объективную потребность в изменении правовых основ и правовых форм этой деятельности;
- приоритетная роль предметно-деятельной

стороны правового механизма обеспечения суверенитета по отношению к его формально-юридической, нормативной стороне этого механизма, состоящая в сущности и социальной роли практики, являющейся источником, движущей силой, конечной целью и критерием истинности (достоверности) всяких изменений указанного механизма [73, стр. 136];

- внутренняя связь и взаимозависимость правового регулирования механизма укрепления суверенитета и организационно-правовых форм деятельности силовых структур по его укреплению придают этому механизму определенную пространственно-временную стабильность, устойчивость, жизнеспособность и функциональную эффективность.

Противоречие между указанными элементами правового механизма укрепления суверенитета состоит в том, что:

- они являются разными сторонами системы, имеют свою сущность;
- реализуют только присущие им социальные функции;
- их единство относительно, временно и неустойчиво;
- взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие между ними являются сущностью как всей системы правового механизма укрепления суверенитета, так и реализации ими их социальной роли;
- взаимосвязь и взаимодействие между ними неизбежно влечет изменение всей системы этого механизма, его сущности и всех составляющих;
- конечным результатом их взаимодействия являются изменения как самого суверенитета, его качественных признаков и характеристик, а также изменение всей социальной атмосферы и даже системы общественных отношений и механизма, реализующих или обеспечивающих суверенитет;
- процесс взаимосвязи и взаимодействия между ними всецело подчиняется принципам, законам и категориям диалектики: количественные изменения каждого из них в определенные временные исторические промежутки влекут качественные изменения, на смену одному историческому типу и одним историческим формам и способам укрепления суверенитета приходят другие их формы и способы. Процесс этот является непрерывным и прогрессирующим. Прогрессирующий характер процесса количественных и качественных изменений суверенитета не обязательно означает прогрессивную сущность и направленность этих изменений. Это могут быть и регрессивные изменения, означающие не только упадок, но и разрушения суверенитета государства и разрушение самого государства как такового.

Правовое регулирование механизма укрепления суверенитета является не только определяющим, но и существенным первичным и неотъемлемым элементом этого механизма.

Под правовым регулированием механизма укрепления суверенитета в настоящем исследовании понимается систематизированное воздействие норм права на правоотношения, составляющие сущность деятельности субъектов реализации суверенитета по его сохранению, обеспечению и защите. Сущность правового регулирования механизма функционирования и укрепления суверенитета составляет воздействие закона, норм права на отношения в сфере обеспечения верховенства власти, самостоятельности и независимости государства. Составляющими признаками такого регулирования являются: специфический объект воздействия – верховенство власти, самостоятельность и независимость государства. Правовой источник и средства воздействия – нормы российского законодательства и международного права. Характер воздействия – системность, повторяемость, относительно длительные пространственно-временные рамки. Цель – сохранение, функционирование, обеспечение и защита суверенитета. Субъекты и носители общественных отношений в сфере реализации и укрепления суверенитета – народ, органы государства в лице законодательной, исполнительной и судебной власти, общественные организации и граждане. Государство и его органы исполнительной власти, особенно силовые структуры – вооруженные силы, федеральная служба безопасности, пограничные войска, органы и военизированные формирования внутренней и внешней контрразведки, службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, таможенной службы, правоохранительные органы занимают существенное приоритетное

место в системе субъектов сохранения и укрепления суверенитета. Содержанием такого регулирования являются права, обязанности и правосубъектность субъектов указанных отношений.

Общественные отношения не могут признаваться правоотношениями без юридической формы своего закрепления и реализации. Факт закрепления общественных отношений в нормах права и их охрана позволяет, во-первых, придать общественным отношениям официальный, государственно-нормативный статус; во-вторых, обеспечить неотвратимость и обязательность их функционирования и реализации, с одной стороны, и их стабильность, устойчивость, относительную длительность, пространственно-временную протяженность функционирования, с другой стороны. В-третьих, юридическая форма правоотношений даёт принципиальную возможность и реальность создавать, сохранять и развивать объективно сложившуюся структуру и систему общественных отношений. В-четвертых, она, эта форма, выражает реально достигнутый уровень и качество государственного суверенитета. В-пятых, именно она предопределяет характер, степень, направления и формы дальнейшего изменения, развития суверенитета.

Правовые нормы – необходимый и объективно обусловленный элемент любого правоотношения, включая и правоотношения в сфере укрепления суверенитета. Во-первых, вне воздействия нормы права общественное отношение остаётся самим собой, то есть обычным, хотя и социально значимым, но не порождающим субъективные права и юридические обязанности субъектов отношением. Во-вторых, вне нормы права такое отношение не получает своего статуса официального государственного установления. Оно теряет свою сущность обязательного публичного веления. В-третьих, без воздействия нормы права общественное отношение не приобретает своей необходимой нормативной формы. И без этой формы государство и современное государство в особенности не способно осуществлять свои социальные функции. В-четвёртых, на практике игнорирование нормативно-правовой формы правоотношения неизбежно ведёт к административному усмотрению и даже произволу, к преданию забвения общественных отношений, имеющих несомненное существенное социальное и государственное значение [71, стр. 136-138].

Юридическая база укрепления суверенитета – это система законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере функционирования, сохранения и укрепления суверенитета. С учетом того, что указанные отношения являются сложными, разнородными, многоуровневыми и интегративными, регулируются целостной совокупностью нормативно-правовых, имеющих глубокую внутреннюю связь, единство и определенную логику иерархии, то она, совокупность этих актов, образует систему законодательства, составляющего юридическую базу правового регулирования суверенитета. Она, эта система, включает:

- Конституцию Российской Федерации [1],
- Конституции [41; 42; 43] и уставы субъектов Российской Федерации [44; 45],

Кодексы и Конституционные федеральные и Федеральные законы РФ, составляющие конституционно-правовую основу суверенитета РФ:

- Воздушный кодекс РФ [2];
- Таможенный кодекс Российской Федерации [4];
- Налоговый кодекс Российской Федерации [3];
- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Лесной кодекс Российской Федерации;
- Земельный кодекс Российской Федерации;
- Трудовой кодекс Российской Федерации [5];
- Уголовный кодекс Российской Федерации [6];
- «О военном положении» [7];
- «О закрытом административно-территориальном образовании» [20];
- «О валютном регулировании и валютном контроле» [21];
- «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [22];
- «О безопасности» [25];
- «Об обороне» [23];
- «О внешней разведке» [24];
- «О государственной границе РФ» [26];
- «О государственной тайне» [27];
- «О пограничной службе Российской Федерации» [8];
- «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ» [9];
- «О континентальном шельфе РФ» [10];

- «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [11];
- «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию» [12];
- «О гражданской обороне» [13];
- «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ» [14];
- «О статусе военнослужащих» [15];
- «О воинской обязанности и военной службе» [16];
- «Об информации, информатизации и защите информации» [17];
- «О связи» [18];
- «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [19];
- «О вынужденных переселенцах» [28];
- «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» [29];

Подзаконные нормативно-правовые акты:

- Военная доктрина РФ [30];
- Положение о Министерстве обороны РФ [31];
- Вопросы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству [32];
- Положение «О Совете Безопасности РФ и аппарате Совета Безопасности РФ», а также «Об изменении и признании утратившими силу отдельных актов Президента РФ» [33];
- Об утверждении Положения «О подготовке граждан Российской Федерации к военной службе» [34];
- Вопросы прохождения военной службы (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы») [35];

Международные Договоры и Соглашения о разграничении предметов ведения и полномочий:

- Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации [52];
- Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования [53];
- Договор «О таможенном союзе и едином экономическом пространстве» [54];
- Договор о создании Союзного государства (между Республикой Беларусь и Российской Федерацией) [55];
- Основополагающий акт «О взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора» [56];
- Декларация Генеральной Ассамблеи ООН «О праве на развитие» [57];
- Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом ООН [58];
- Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [59];
- Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [60];
- Европейская конвенция о пресечении терроризма [61];
- Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом [62];
- Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [63];
- Конвенция против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [64];
- Конвенция о борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций [65];
- Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [66];
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [67];

Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

- О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослу-

жащих» [51];

- По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» и от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»; Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» [46];
- По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Салямова [47];
- По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» [48];

Иные нормативные акты и официальные документы:

- О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [49];
- Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [36];
- Концепция внешней политики Российской Федерации [37];
- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [40];
- Концепция национальной безопасности Российской Федерации [38];
- Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года [39];
- О методических рекомендациях о порядке реализации избирательных прав военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в подготовке и проведению выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва [50].

Анализ указанных нормативно-правовых актов позволяет сделать основные обобщения об особенностях правового регулировании и правовых норм, регулирующих правоотношения в сфере укрепления суверенитета:

- множественность, обилие, разнородность нормативно-правовых актов и правовых норм, регулирующих правовой механизм обеспечения суверенитета;
- отсутствие единого системного законодательного акта, регулирующего механизм этого обеспечения;
- отсутствие системности и внутренней связи между различными нормативно-правовыми актами и правовыми нормами, имеющими единый предмет правового регулирования;
- приоритет предписывающих и разрешительных правовых норм и нормативно-правовых актов, составляющих правовую базу укрепления суверенитета;
- малозначительность законодательных актов, регулирующих борьбу с нарушениями суверенитета и посягательствами на него, приоритет правового регулирования этой борьбы подзаконными, исключительно ведомственными нормативно-правовыми актами;
- дефицит легитимности правовых актов, регулирующих основополагающие принципы укрепления суверенитета;
- декларативность нормативно-правовых актов, регулирующих военную мощь государства, обеспечивающих и гарантирующих реальность сохранения и укрепления вооруженной защиты суверенитета;
- приоритет законов непрямого действия;
- второстепенность и производность государственно-правовой роли силовых структур государства – Вооруженных сил РФ, Федеральной службы безопасности правоохра-

нительных органов, органов полиции и милиции в борьбе с коррупцией; отсутствие нормативно-правовых актов и норм права, непосредственно устанавливающих обязанность и полномочия этих органов в этой сфере;
- существенные множественные и разнородные противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих указанный механизм;
- излишнее упование и даже признание верховенства норм международного права в сохранении и укреплении национально государственного суверенитета Российской Федерации.

Приведем некоторые наиболее характерные примеры, подтверждающие указанные особенности. Из названных более 130 законодательных актов, регулирующих проблемы укрепления суверенитета, нет ни одного закона, который бы непосредственно регламентировал правовой механизм этого укрепления. Это же характерно и для нормативно-правовых актов, на первый взгляд, непосредственно регулирующих правоотношения в сфере сохранения, укрепления и защиты суверенитета. Законов, которые бы устраняли коренные причины и условия ослабления суверенитета РФ, снижение ее места и роли в мировой политике, то есть законов, регулирующих экономические и социально-политические основы формирования и развития суверенитета, нет. Подавляющее число норм, предусматривающих конкретные аспекты правового механизма сохранения, укрепления и защиты суверенитета, страдают декларативностью, недостаточной предметностью и четкостью.

К примеру, Закон «О безопасности» предусматривает, казалось бы, необходимые нормы об объектах, силах и средствах обеспечения безопасности. Среди объектов безопасности Закон ставит безопасность личности, охрану ее прав и свобод. Суверенитет РФ как объект безопасности поставлен на последнее место, в то время как именно он, суверенитет, определяет реальность и гарантированность безопасности личности, защиту ее прав и свобод. При этом о суверенитете говорится мимоходом, а не отдельной нормой. Существенными являются нормы о разграничении полномочий органов власти в системе безопасности. Но и эти нормы фактически ничего не разграничивают. В этих нормах в общей форме говорится о том, что обеспечение безопасности личности, общества и государства осуществляется на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной властей в данной сфере; что органы исполнительной власти обеспечивают исполнение законов и иных нормативных актов, регламентирующих отношения в сфере безопасности, организуют разработку и реализацию государственных программ обеспечения безопасности, осуществляют систему мероприятий по обеспечению безопасности личности, общества и государства в пределах своей компетенции, в соответствии с законом формируют, реорганизуют и ликвидируют государственные органы обеспечения безопасности [25, стст. 1-10] Среди принципов обеспечения безопасности принцип сохранения, укрепления и защиты суверенитета даже не декларируется [25, ст. 5]. То же можно сказать и о Законе «О государственной тайне». В этом Законе его задачи и общие принципы функционирования и применения даже не декларируются, не говоря уже о задаче и принципе сохранения и обеспечения суверенитета РФ. Закон углубляется в сугубо специфические вопросы сохранения государственной тайны, избегая решения её принципиальных вопросов [27, раздел I, ст. 1-5] Уж не это ли явилось одной из причин того, что некоторые государственные деятели, обязанные оберегать эту тайну, сочли возможным и правомерным отдать ее в руки тем иностранным службам и государствам, которые проявляли и проявляют неподдельный интерес к секретам России? [72] Не для выуживания ли российских секретов предназначены многочисленные официальные и неофициальные представительства, общественные организации, миссии и агенты, действующие под прикрытием государственных, международных, коммерческих, правоохранительных, религиозных и иных организаций? Тот же «грех» характерен и для Закона «Об обороне», который, казалось бы, должен быть становым хребтом правового механизма сохранения и укрепления суверенитета. Определяя понятие обороны, Закон в качестве ее существенного признака предусматривает функционально-целевое предназначение обороны – охрана и защита целостности и неприкосновенности территории, не упоминая даже функцию сохранения и защиты суверенитета, для сущности которого целостность и неприкосно-

венность территории является лишь одним и не самым главным признаком.

Закон РФ «О государственной границе» определяет принципы установления и изменения прохождения Государственной границы, установления и поддержания правоотношений на Государственной границе, а именно: обеспечение безопасности Российской Федерации и международной безопасности; взаимовыгодное всестороннее сотрудничество с иностранными государствами; взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ; мирное разрешение пограничных вопросов. [26, ст. 2] Обратим внимание, что Закон говорит не о сохранении и обеспечении суверенитета РФ, а о взаимном уважении суверенитета, территориальной целостности государств. Представляется явно недостаточным простое декларирование принципа взаимного уважения суверенитета государств. Этот принцип важен и не вызывает возражения. Но сам по себе факт уважения суверенитета не означает установления принципа сохранения, укрепления и защиты государственного суверенитета РФ. В Конституции США предусматривается именно принцип сохранения и защиты национально-государственного суверенитета [75].

Из более 50 законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, приведенных в исследовании и более-менее предметно регулирующих вопросы сохранения и укрепления суверенитета, фактически нет ни одного нормативно-правового акта, который бы прямо и системно был направлен на охрану, защиту суверенитета, на предупреждение и пресечение посягательств на него.

Основной причиной слабости и фактического упадка правового механизма укрепления суверенитета РФ в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования (нормативно-правовой стороны) этого механизма, с одной стороны, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования, с другой стороны. Противоречия, декларативность и бессистемность правовых актов и норм, регулирующих проблемы функционирования и укрепления суверенитета, обусловлены в свою очередь непониманием или нежеланием законодателя (государственной власти) понять диалектическую взаимозависимость реальности, стабильности, прочности и незыблемости суверенитета от основополагающих факторов общественного развития – экономики (экономического базиса), политики (политической надстройки), общественного сознания (идеологии) и культуры данного общества и государства.

Выше, при анализе понятия и сущности суверенитета лаконично указывалось на эту закономерную связь и взаимозависимость суверенитета от указанных факторов общественной жизни. В интересах иллюстрации и конкретизации этой зависимости кратко изложим основные элементы и логику взаимосвязи и взаимодействия основных элементов правового регулирования этого механизма и основополагающих факторов общественного развития, образующих в своем единстве, целостности и концептуальной направленности систему правового регулирования механизма сохранения, обеспечения и укрепления суверенитета.

Он, этот механизм, включает две основных стороны – социально-политическую, отражающую социальную сущность, направленность и содержательные характеристики системы правового регулирования системы (правового механизма) укрепления суверенитета, и формально-нормативную (правовую) сторону этой системы, выражающую роль права и правовых институтов в формировании и укреплении суверенитета.

Как указывалось, социально-политическая сторона суверенитета, то есть экономика (экономический базис), политика (политическая надстройка), общественное сознание и особенно идеология, а также культура, включая правосознание и правовую культуру:

- вместе взятые, образуют единую социальную систему данного общества и государства, характеризуют эту систему как систему отношений и правоотношений конкретно-исторического типа, вида, содержания и формы;
- составляют социальную среду, формирующую источники, основания, социальное целеуказание и социальную направленность формирования, динамику изменения, сохранения и укрепления суверенитета;
- определяют единство объективного и субъективного в сущности, содержании и форме правового механизма формирования и укрепления суверенитета как

диалектически взаимосвязанных элементов правовой системы, образующих правовой механизм его укрепления;
- являются коренной причиной и объективно-субъективным основанием возникновения, изменения и развития сущности, исторического типа, вида, динамики, содержания и формы суверенитета;
- отражают противоречивый характер сущности суверенитета, правового механизма и ее правовой системы его укрепления;
- характеризуют сложность, разный уровень, единство и противоположность связей и закономерностей развития правового механизма укрепления суверенитета и механизма правового регулирования всего процесса и всей системы этого механизма.

Связь и зависимость правового механизма укрепления суверенитета от фундаментальных основ общественной жизни (экономики, политики, права, идеологии, культуры) проявляется по-разному. Она, эта связь и зависимость, определяется сущностью и закономерностями функционирования и изменения (развития) каждого из указанных составляющих этих основ. Функциональная роль указанных основ в обобщенном интегрированном виде состоит в том, что:

- экономика, экономический базис, экономические интересы субъектов и носителей суверенитета являются материальной базой, социально-экономической причиной, инициирующей и вызывающей социальную потребность и необходимость формирования, развития и совершенствования суверенитета и правового механизма его укрепления;
- социально-экономические факторы определяют социально-политическую и политико-правовую сущность суверенитета, единство, взаимодействие социально-политической и правовой сторон суверенитета и механизма его укрепления;
- политика и политические элементы являются необходимыми и существенными элементами сущности и содержания, а также динамики суверенитета и правового механизма его укрепления;
- они, эти элементы, определяют правовую сущность и социальную направленность, а также количественно-качественные характеристики суверенитета и правового механизма его укрепления;
- идеология, культура и наука в их разнообразных видах и формах служат идейно-теоретическим и научным обоснованием процесса формирования и развития суверенитета, правового механизма его укрепления;
- они, идеология, культура и наука, выявляют закономерности динамики этого процесса, с одной стороны, и служат субъективным (социально-психологическим, пропагандистским) прикрытием социальной сущности и направленности суверенитета и всех системных элементов его укрепления, с другой стороны.

Покажем механизм проявления взаимосвязи и взаимодействия указанных факторов и правового механизма укрепления суверенитета хотя бы на отдельных характерных примерах. Возьмем экономическую, то есть самую внешне удаленную сторону правового регулирования механизма укрепления суверенитета.

Существенным правовым актом, регулирующим внешнеэкономическую деятельность государства, является федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» [21]. Этот Закон, как и многие другие законы, о чем говорилось, не ставит задачу укрепления и защиты суверенитета, хотя по его смыслу он, вроде бы, направлен на это. Основными принципами валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации провозглашаются:

1) приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования;
2) исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов;
3) единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации;
4) единство системы валютного регулирования и валютного контроля;
5) обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций [21, ст. 5].

Необходимость этого закона не вызывает сомнения. Не вызывает удивления и его содержание, социальная направленность. Этот закон

вызван к жизни так называемой рыночной, то есть капиталистической природой современного способа производства в России, где господствует основной закон этого производства – закон прибавочной стоимости, производство прибыли как его главная цель. И провозглашенные в Законе принципы валютного регулирования полностью соответствуют экономическим законам капитализма. Главный акцент Закон делает на недопустимости или самом минимальном участии государства во внешнеэкономической деятельности. Политическую сторону этой деятельности и в частности – сохранение и укрепление суверенитета – Закон тихо оставляет «за кадром».

На практике Закон открывает широкую дорогу господству доллара, иностранной валюты в РФ. Он распахивает дверь теневой экономике, организованной экономической преступности, коррупции [70, стр. 3-6]. Доля теневой экономики в структуре российской экономики доходит до 40% [70, стр. 4; 73].

В этой связи нелишне вспомнить, что в СССР, когда господствовал противоположный капиталистическому тип производственных отношений, законодательство, в том числе на уровне Конституции устанавливало строгую монополию внешней торговли [68, ст. 1, 3, 29]. Оно ставило под строгий контроль финансовые потоки как своей страны, так и зарубежных стран. Основой валютного регулирования был рубль, имевший свободное валютное конвертирование. Устанавливалось строгое соотношение рубля и иностранной волюты [69].

Выводы.

1. Укрепление суверенитета Российской Федерации – это система общественных отношений и юридических норм, характеризующих направления, способы и средства деятельности государства, общественных организаций и граждан по всестороннему совершенствованию суверенитета, повышению его эффективности, достижению реальности и созданию гарантий соблюдения конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Сущность правового механизма укрепления суверенитета составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по его осуществлению и обеспечению. Содержательной основой этого механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих суверенитет.

2. Правовое регулированием механизма укрепления суверенитета – это систематизированное воздействие норм права на отношения, составляющие сущность деятельности субъектов реализации суверенитета по его сохранению, обеспечению и защите. Оно, это регулирование, является основой системы мер по укреплению суверенитета.

3. Основными особенностями правового регулирования механизма укрепления суверенитета РФ являются:

- множественность, обилие, разнородность нормативно-правовых актов и правовых норм, регулирующих правовой механизм обеспечения суверенитета;
- отсутствие единого системного законодательного акта, регулирующего механизм этого обеспечения;
- отсутствие системности и внутренней связи между различными нормативно-правовыми актами и правовыми нормами, имеющими единый предмет правового регулирования;
  – приоритет предписывающих и разрешительных правовых норм и нормативно-правовых актов, составляющих правовую базу укрепления суверенитета;
- малозначительность законодательных актов, регулирующих борьбу с нарушениями суверенитета и посягательствами на него, приоритет правового регулирования этой борьбы подзаконными, исключительно ведомственными нормативно-правовыми актами;
- дефицит легитимности правовых актов, регулирующих основополагающие принципы укрепления суверенитета;
- декларативность нормативно-правовых актов, регулирующих военную мощь государства, обеспечивающих и гарантирующих реальность сохранения и укрепления вооруженной защиты суверенитета;
- приоритет законов непрямого действия;
- второстепенность и производность государственно-правовой роли силовых структур государства – Вооруженных сил РФ, Федеральной службы безопасности, правоохранительных органов, органов внутренних дел в обеспечении прочности,

стабильности и незыблемости суверенитета;
- существенные множественные и разнородные противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих указанный механизм;
- излишнее упование и даже признание верховенства норм международного права в сохранении и укреплении национально государственного суверенитета Российской Федерации.

4. Основной причиной слабости и ограниченности правового механизма укрепления суверенитета РФ в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования этого механизма, с одной стороны, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования, с другой стороны. Эта причина обусловлена непониманием или нежеланием государственной власти понять диалектическую взаимозависимость реальности, стабильности, прочности и незыблемости суверенитета от основополагающих факторов общественного развития – экономики, политики, общественного сознания (идеологии) и культуры данного общества и государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Официальный текст. – М.: Норма-Плюс, 1999.
2. Воздушный кодекс от 19.03.1997 № 60-ФЗ (с изм. от 08.07.1999 № 150-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.11.2004 № 127-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть I от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 31. 1998. Ст. 3824; часть II от 05.08.2000 №117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
4. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.06.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2064.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (принят ГД ФС Российской Федерации 21.12.2001) (в ред. Федерального закона от 27.04.2004 № 32-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
8. Федеральный закон от 04.05.2000 № 55-ФЗ «О пограничной службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 19. – Ст. 2021.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ» (с изм. от 22 апреля 2003 г., от 30 июня 2003 г., от 11 ноября 2003 г.; в ред. Фед. закона от 22 августа 2004 г. . – № 122-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3833.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе РФ» (в ред. Федеральных законов от 10.02.1999. – № 32-ФЗ, от 08.08.2001. – № 126-ФЗ, от 22.04.2003. – № 50-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 11.11.2003. – № 148-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ (ред. 29.12.2004)) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 49. – Ст. 4694.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» (в ред. Федеральных законов от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 11.11.2003. – № 141-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ, от 02.11.2004. – № 127-ФЗ) // Российская газета. – 2002. – № 140.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию» (в ред. Федеральных законов от 18.07.1998. – № 110-ФЗ, от 24.06.1999. – № 118-ФЗ, от 10.01.2003. – № 7-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 29.06.2004. – № 58-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.1998. – № 2-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №34. – Ст. 4029.
13. Федеральный закон Российской Федерации от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (в ред. Федеральных законов от 09.10.2002. – № 123-ФЗ, от 19.06.2004. – № 51-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №7. – Ст. 799.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ» (в ред. Федеральных законов от 16.07.1998. – № 97-ФЗ, от 05.08.2000. – № 118-ФЗ (ред. 24.03.2001), от 21.03.2002. – № 31-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), с изм., внесенными Федеральными законами от 30.12.2001. – № 194-ФЗ, от 24.12.2002. – № 176-ФЗ, от 23.12.2003. – № 186-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1014.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (с изм., внесенными Федеральными законами от 27.12.2000. – № 150-ФЗ, от 30.12.2001. – № 194-ФЗ, от 24.12.2002. – № 176-ФЗ, от 23.12.2003. – № 186-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998 – № 22. – Ст. 2331.
16. Федеральный закон Российской Федерации от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. Федеральных законов от 21.07.1998. – № 117-ФЗ, от 07.08.2000. – № 122-ФЗ, от 07.11.2000. – № 135-ФЗ, от 12.02.2001. – № 15-ФЗ, от 12.02.2001. – № 16-ФЗ, от 19.07.2001. – № 102-ФЗ, от 13.02.2002. – № 20-ФЗ, от 21.05.2002. – № 56-ФЗ, от 28.06.2002. – № 75-ФЗ, от 25.07.2002. – № 112-ФЗ, от 25.07.2002. – № 113-ФЗ, от 25.07.2002. – № 116-ФЗ, от 30.12.2002. – № 186-ФЗ, от 22.02.2003. – № 27-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 11.11.2003. – № 141-ФЗ, от 22.02.2004. – № 4-ФЗ, от 22.04.2004. – № 20-ФЗ, от 26.04.2004. – № 29-ФЗ, от 19.06.2004. – № 53-ФЗ, от 29.06.2004. – № 58-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ, от 01.12.2004. – № 149-ФЗ, с изм., внесенными Фед. законом от 23.12.2003. – № 186-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (в ред. Федерального закона от 10.01.2003 № 15-ФЗ) // Российская газета. – 1995. – № 39.
18. Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.11.2004 № 127-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 23.12.2003 № 186-ФЗ) // Российская газета. – 2003. – № 135.
19. Федеральный закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. Федеральных законов от 25.07.2002 № 112-ФЗ, от 30.10.2002 № 131-ФЗ, от 28.07.2004 № 88-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч.1). – Ст. 3418.
20. Федеральный закон Российской Федерации от 14.07.1992 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (в ред. Федеральных законов от 28.11.1996 № 144-ФЗ, от 31.07.1998 № 144–ФЗ, от 02.04.1999 № 67-ФЗ, с изм., внесенными Фед. законами от 31.12.1999 № 227-ФЗ, от 27.12.2000 № 150-ФЗ, от 30.12.2001 № 194-ФЗ, от 24.12. 2002 № 176-ФЗ, от 23.12.2003 № 186-ФЗ) // Российская газета. – 1992. – № 190. – 26 августа.
21. Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в ред. Федерального закона от 29.06.2004 № 58-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
22. Федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.
23. Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (в ред. Федеральных законов от 30.12.1999. – № 223-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 11.11.2003. – № 141-ФЗ, от 29.06.2004. – № 58-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ (ред. 29.12.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
24. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке» (в ред. Федеральных законов от 30.06.2003 № 86-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 143.
25. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г.. № 2446-I «О безопасности» (с изм. от 25 декабря 1992 г., 24 декабря 1993 г., 25 июля 2002 г.) // Российская газета. – 1992. – № 103. – 06 мая.
26. Закон Российской Федерации от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе РФ» (в ред. Федеральных законов от 10.08.1994. – № 23-ФЗ, от 29.11.1996 . – № 148-ФЗ, от 19.07.1997. – № 106-ФЗ, от 24.07.1998. – № 127-ФЗ, от 31.07.1998. – № 153-ФЗ, от 31.05.1999. – № 105-ФЗ, от 07.11.2000. – № 135-ФЗ, от 05.08.2000. – № 118-ФЗ (ред. 24.03.2001), от 30.12.2001. – № 196-ФЗ, от 24.12.2002. – № 178-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 29.06.2004. – № 58-ФЗ, от 22.08.2004. – № 122-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.1997. – № 16-П) // Ведомости СНД и ВС Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 594.
27. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (в ред. Федеральных законов от 06.10.1997. – № 131-ФЗ, от 30.06.2003. – № 86-ФЗ, от 11.11.2003. – № 153-ФЗ, от 29.06.2004. – № 58-ФЗ, от

22.08.2004. – № 122-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.1996. – № 8-П, определениями Конституционного Суда Российской Федерации от 10.11.2002. – № 293-О, от 10.11.2002 . – № 314-О) // Российская газета. – 1993. – № 182.
28. Закон Российской Федерации от 19.02.1993. – № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (в ред. от 07.08.2000) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 52. – Ст. 5110; 2000. – № 33. – Ст. 3348.
29. Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (в. ред. Федеральных законов от 28.11.1995 № 186-ФЗ, 27.12.1995 № 211-ФЗ, от 19.12.1997 № 153-ФЗ, от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 01.06.1999 № 110-ФЗ, от 06.12.2000 № 141-ФЗ, от 17.04.2001 № 47-ФЗ, от 10.01.2002 № 3-ФЗ, от 04.03.2002 № 22-ФЗ, от 29.05.2002 № 60-ФЗ, от 12.06.2002 № 68-ФЗ, от 30.06.2002 № 78-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 10.01.2003 № 2-ФЗ, от 30.06.2003 № 68-ФЗ (с изм., внесенными Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2001 № 46-О, Федеральным законом от 30.12.2001 № 104-ФЗ) // Ведомости СНД Российской Федерации и ВС Российской Федерации. – 1993. – № 9. – Ст. 328.
30. Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2000 № 706 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 17. – Ст. 1852.
31. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2004 № 1082 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3538.
32. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2004 № 1083 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 21.10.2004 № 1346) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3539.
33. Указ Президента Российской Федерации от 07.06.2004 № 726 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 24. – Ст. 2392.
34. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.1999 № 1441 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 225.
35. Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1999 № 1237 (в ред. Указов Президента Российской Федерации от 15.10.1999 № 1366, от 10.04.2000 № 653, от 26.06.2000 № 1175, от 17.04.2003 № 444) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 38. – Ст. 4534; № 42. – Ст. 5008; 2000. – № 16. – Ст. 1678.
36. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – № 3010.
37. Указ Президента Российской Федерации УТОЧНИТЬ // Российская газета. – 2000. – № 133. – 11 июля.
38. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 18.01.2000 № 24) // Российская газета. – 1997. – № 247. – 26 декабря.
39. Утв. Президентом Российской Федерации 27.07.2001 ПР-1387 // Российская газета. – 2001. – № 172. – 07 июля.
40. Утв. Президентом Российской Федерации 09.09.2000 № ПР-1895 // Российская газета. – 2000. – № 187. – 28 сентября.
41. Конституция Республики Татарстан. – Казань, 2017.
42. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) (ред. от 10.07.2003) / утвержден Законом РС (Я) от 17.10.2002 № 445-II)* (в данном виде документ опубликован не был; первоначальный текст документа: Якутские ведомости. – 1992. – № 7. – 26 апреля.
43. Конституция Республики Мордовия (ред. от 28.01.2004) / Принята Конституционным собранием РМ 21. 09. 95) // Известия Мордовии. № 180. 22.09.1995.
44. Устав Москвы от 28.06.1995 (в ред. Законов г. Москвы от 13.07.2001 № 32, от 06.11.2002. – № 54, от 19.03.2003. – № 17, от 22.10.2003. – № 61, с изм., внесенными определением Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2001. – № 5-г01-149) // Ведомости Московской городской Думы. 2001.- № 8. – 14 сентября.
45. Устав Санкт-Петербурга от 28.01.1998 (принят ЗС СПб 14.01.98) (в ред. Законов Санкт-Петербурга от 28.02.1998. – № 13-4, от 11.09.2000. – № 386-42, от 23.02.2001. – № 110-13, от 22.06.2001. – № 495-63, от 06.06.2002. – № 217-18, от 24.06.2003. – № 310-39, от 10.10.2003. – № 578-85, от 30.12.2003. – № 743-113) // Вестник Уставного суда Санкт-Петербурга. – № 1(5), 2003 // Приложение к журналу «Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга»: «Новое в законодательстве Санкт-Петербурга» (специальный выпуск). – 2003. – 12 марта.
46. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – 1995. – № 33. – Ст. 3424; 1995. – № 35. – Ст. 3395.
47. Постановление Конституционного суда Российской федерации от 22 января 2002 г. № 2-П // Вестник

Конституционного суда Российской федерации. – 2002. – № 3.
48. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О // Российская газета. – 2000. – № 142. – 25 июля.
49. Декларация съезда народных депутатов РСФСР от 12.06.1990 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.
50. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 03.09.2003 № 23/162-4 // Российская газета. – 2003. – № 182. – 12.сентября.
51. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 № 9 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2003 № 2) // Российская газета. – 2000. – № 39. – 24 февраля.
52. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации / Принят на совместном совещании полномочными представителями федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов власти суверенных республик в составе Российской Федерации – УТОЧНИТЬ
53. Договор о статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории республики Армения, и условиях их функционирования. – Ереван, 30.09.1992 // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 6.
54. Договор «О таможенном союзе и едином экономическом пространстве» (между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией) от 26.02.1999 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 42. – Ст. 3983.
55. Договор о создании Союзного государства (между Республикой Беларусь и Российской Федерацией): Совместный проект на 27.07.1999 (Россия ратифицировала Договор с оговоркой): Федеральный закон от 22.05.2001. – № 55-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 42. – Ст. 3983.
56. О взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора // Российская газета. – 1997. № 102. – 28 мая.
57. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН «О праве на развитие» / Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 41 / 128 04.12.1986.
58. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом ООН / Принята Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.1970 // Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. – С. 151-155.
59. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. – Нью-Йорк, 09.12.1999 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 12. – Ст. 1059.
60. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. – Нью-Йорк, 15.12.1997 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 35. – Ст. 3513.
61. Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90). – Страсбург, 27.01.1977 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 202.
62. Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом // Правовые основы деятельности органов внутренних дел: Сб. нормативно-правовых актов в 3-х тт. / Под общ. ред. Министра МВД Российской Федерации Б.В. Грызлова. Т. 3. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 161-167.
63. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Дипломатический вестник. – 2002. – № 3. – С. 51-56.
64. Конвенция против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. – Вена, 20.12.1988 // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII.- М., 1994. – С. 133-157.
65. Конвенция о борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций: Конвенция, принятая 21.11.1997 г. Конференцией полномочных представителей стран – членов ОЭСР // Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения). – С. 200.
66. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию; подписана 27.01.1999 г. Министром внутренних дел России С.В. Степашиным // Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. Приложение 2. – М.: ЮрИнфоР, 2000.– С. 54-64.
67. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка / Принят 17.12.1979 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 34/169 // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 319-325.
68. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. –М.: Политиздат, 1978.
69. Закон СССР от 11.12.1990 № 1828 -1 «О государственном банке Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости СНД СССР. – 1990. – № 52. – Ст. 1154.
70. Александров С.Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией (сравнительно-правовое исследование

на примере Российской Федерации и ведущих зарубежных стран). Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: СПб ун-т МВД России, Московский ун-т МВД России, 2005. С. 3-6.
71. Вихров А.А., Александров С.Г. Правовые основы борьбы полиции с коррупцией: Монография / Под ред. В.П.Сальникова. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2004.
72. Интервью Начальника НЦБ Интерпола в России полковника милиции Т. Лахонина «Парламентской газете» // http://www.mvd.ru/index.php?dosie=2480.
73. Ленин В.И. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 29.
74. Российская теневая экономика – черная кошка в темном углу // Правда. – 2005. – 5 октября.
75. The United States Constitution. – Wash., 1994. Art. 2.

ГЕР Олег Евгеньевич,
доцент кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: oeger60@gmail.com

ИВАНОВСКАЯ Анна Евгеньевна,
доцент кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА В ТРУДАХ С.А. КОТЛЯРЕВСКОГО

Аннотация. *Рассматриваются взгляды С.А. Котляревского на устройство правового, конституционного государства. Отмечается, что ученому удалось глубоко проанализировать как исторические предпосылки возникновения правового, конституционного государства, так и наиболее сложные теоретические вопросы, связанные с формированием его элементов и функционированием*

Ключевые слова: *правовое государство; конституционное государство; доктрина; политические течения; государственное строительство.*

GER O.E.
IVANOVSKAYA A.E.
SAL'NIKOV S.P.

CONCEPTS OF THE LEGAL AND CONSTITUTIONAL STATE IN S.A.KOTLYAREVSKY'S WORKS

The summary. *S.A.Kotlyarevsky's sights at the device of the legal, constitutional state are considered. It is noticed, that the scientist managed to analyse deeply as historical preconditions of occurrence of the legal, constitutional state, and the most difficult theoretical questions connected with formation of its elements and functioning*

Key words: *a lawful state; the constitutional state; the doctrine; political trends; the state building.*

Прежде чем проанализировать сущность теоретических концепций С.А. Котляревского, отметим, что в российской и западноевропейской историко-правовой мысли начала XX в. существовало многообразие теорий происхождения государства, базировавшихся на открытиях представителей естественнонаучных и позитивистских школ. [16, стр. 74]

Методом историко-сравнительного анализа С.А. Котляревскому удалось выделить в них наиболее рациональные для его построений элементы. Так, например, он часто ссылается на труды немецкого философа права Г. Еллинека (1851-1911), который рассматривал религиозно-теологическую теорию происхождения государства, теорию силы, патримониальную, договорную и некоторые другие [2, стр. 196-210]. У С.А. Котляревского мы находим не только анализ работ Г.Еллинека, Р.Иеринга, но и диалог с ними. В периодической печати начала века содержится множество отзывов на работы ученого как положительного, так и отрицательного характера*. Имеются также договоры С.А. Котляревского с крупными издательствами, в которых отмечалось, что его работы отличаются теоретической глубиной и, в то же время, легко читаются. [1; 10]

Актуальность работ ученого определялась также политической обстановкой в стране после выхода российских «Основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. Государство Российское провозглашалось единым и нераздельным, где императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. В то же самое время указывалось, что империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. Сила законов обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, прибывающих в Российское государство. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и получить силу без утверждения государя императора [20]. Однако провозглашение основных принципов правового государства еще не означало, что таковое государство утвердилось в Российской империи. По справедливому утверждению современного философа права В.С.Нерсесянца, в подобном случае можно говорить только об определенном самоограничении, принятии на себя обязательств действовать в рамках изданных нормативных актов, при сохранении права изменять и отменять их [18, стр. 55].

Выделим наиболее важные положения теории происхождения государства и права, поднятые С.А. Котляревским, который писал, что можно допустить существование общества, в котором нет никаких следов того, что, принято называть политическою властью, что понятие права вполне независимо от понятия политической власти. Но хотя, по словам некоторых социологов, и существуют человеческие общества, в которых не проявляется никаких следов политической дифференциации, тем не менее, почти во всех человеческих обществах, как в наиболее слабых и варварских, так и в наиболее могущественных и цивилизованных, мы замечаем индивидов, приказывающих другим, и, в случае нужды, заставляющих их при помощи материального принуждения исполнять свои приказы [6, стр. 50-51].

Если И.Кант считал, в связи с этим, что честолюбие и корыстолюбие ведут к стремлению иметь власть над другими людьми, то у С.А. Котляревского властные отношения присутствуют на любом этапе социального развития: лица, отдающие приказы, являются правителями; лица, которым они приказывают, являются управляемыми. В этих обществах существует политическая власть. Эта политическая власть всегда и повсюду носит один и тот же характер, наблюдаем ли мы ее в примитивном состоянии в орде, где она принадлежит вождю или группе стариков, или в общине, где она принадлежит главам семейств, или в больших современных странах, где она принадлежит более или менее сложной совокупности лиц или групп, князей, регентов, королей, императоров, парламентов и т. д. Но всегда политическая власть есть социальный факт одного и того же порядка. Есть разница лишь в степени, но нет разницы в природе [6, стр. 51].

В наиболее общем смысле С.А. Котляревский дает определение государства, которое, по его мнению, обозначает всякое человеческое общество, в котором существует политическая дифференциация между правящими и управляемыми, одним словом, политическая власть. Но надо оговориться, писал С.А. Котляревский, что слово государство специально служит для обозначения обществ, где политическая дифференци-

ация достигла известной степени и где политическая власть представляет некоторые характерные черты, которые будут определены в дальнейшем изложении. Мы впрочем, писал ученый, не скрываем искусственности этих определений, но это лишь опыт дать юридическую конструкцию современного государства [12, стр. 15].

Власть предполагает повиновение, а значит и насилие. Длительное обсуждение этой проблемы не подвинули ее ни на шаг вперед к разрешению. Не будем этому удивляться, писал ученый. Решить ее невозможно, потому что никогда нельзя будет доказать, чтобы человек, как таковой, мог иметь законную власть насильно подчинять своей воле другого человека. Эта власть может быть законной не от качества тех, кто ею пользуются, и не благодаря своему происхождению, а лишь в силу свойства того, что она приказывает [6, стр. 53]. Отметим, что на этот счет существовали и другие подходы. Н.М.Коркунов писал, что всегда необходимо исходить из трех моментов существования общества: настоящих условий жизни, прошедших и тех, которые образовались на основании прошедшего опыта [5, стр. 204]. В государственно-правовых концепциях марксистского направления происхождение государства и власти как органа насилия всегда связывалось исключительно с развитием материальных условий жизни людей.

С.А. Котляревский видел главную цель политической власти в реализации права. Право обязывает ее делать все то, что находится в ее силах, для обеспечения царства права. Государство основано на силе; но эта сила законна только тогда, когда она применяется согласно праву. Современные авторы вообще, утверждал ученый, различают три цели государства. Среди них: поддержание своего собственного существования; реализация права; культура, т.-е. развитие общественного благосостояния и умственной и моральной цивилизации. Если идти в глубь вещей, эта тройная цель, приписываемая государству, сводится к одной: реализации права [5, стр. 204].

В самом деле, писал ученый, если государство или, точнее сказать, правители, обладающие публичной властью, обязаны обеспечить развитие культуры и содействовать материальному, умственному и моральному прогрессу, то вытекает это из того, что они обязаны реализовать право. Правовая норма возлагает на правителей, как и на всех лиц, положительные и отрицательные обязанности, сводящиеся целиком к следующим двум общим обязанностям: не делать ничего противного социальной солидарности и по мере возможности содействовать ее реализации [15, стр. 115]. Более точен, в этом плане, по нашему мнению Л.И. Петражицкий, который писал, что государственная власть есть социально-служебная власть. Она не есть воля, могущая делать что угодно, опираясь на силу, а представляет собой общее право повелений и иных воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе. Важнейшим же служением общему благу со стороны государственной власти является служение праву; и государственная власть есть власть служебная, прежде всего и преимущественно по отношению к правам граждан и праву вообще [19, стр. 181]. Подобным путем вызревало такое представление о власти, которое основывалось на ее главной функции – реализации права. Совершенным признавалось лишь такое общество, где имеет место верховенство права, в т.ч. и над властью. Существовали и другие теории. Например, социально-генетическое истолкование природы государственной власти на принципах человеческой солидарности предложил М.М.Ковалевский. Проблему власти и права Г.Ф.Шершевич (1863-1912) решал исходя из представления об определяющей роли государственной власти в выборе форм права, или фактических источников права. Под источником права понимались силы, творящие право (Бог, народ, идеи справедливости, государственная власть) [3, стр. 10].

Проблему правового государства ставил и Б.А.Кистяковский (1868-1920). Любопытно, что он одним из первых поставил вопрос о перспективе правового социалистического государства в сопоставлении с правовым буржуазным государством. Основные признаки правового государства – ограничение и подзаконность власти он распространил на будущее социалистическое государство. Власть в таком государстве по прогнозу Б.А.Кистяковского сохраниться, но формы ее воздействия на людей будут ослаблены, как и в «современном правовом государстве, где имеет место эволюция власти в направлении смягчения репрессий и принуждения» [4, стр. 17] Ученый не мог предвидеть, что власть в тоталитарном государстве в состоянии создать

право, усиливающее репрессии, особенно в отношении своих политических противников.

В 1915 г. С.А. Котляревский публикует свою фундаментальную работу «Власть и право. Проблема правового государства», в которой пишет, что идея господства права (правового государства) вошла в обиход цивилизованных обществ. Господство же права представляет собой не столько «единообразное поступательное движение учреждений и идей, сколько некий постоянный ритм принципа господства и противоположных ему принципов» [6, стр. 15-16]. С.А. Котляревский в качестве исходных компонентов своих рассуждений о правовом государстве утверждает, что власть – это система юридических норм, « на которых держится, и по которым действуют государственные учреждения». Устойчивыми элементами государственного строя является «материальное право и текущая государственная деятельность».

Представляется также крайне важным утверждение С.А. Котляревского, что государство, обладая абсолютной монополией принуждения, являясь в то же время, единственным создателем права и руководствуется собственным интересом. Государство никогда не создаст право в ущерб собственным интересам [6, стр. 15-16]. И даже в подлинно правовом государстве, где государство и право как бы равноправны, степень проникновения его правом крайне различна. Решить проблему создания правого государства можно лишь при условии участия народа в законотворчестве и при условии его контроля над исполнением законов (народном представительстве, или парламентаризме). В.М Гессен считал, что парламентаризм есть основной признак не только правового, но и конституционного государства. Также Ф.Ф.Кокошкин считал, что конституционное государство есть практическое осуществление государства правового [17, стр. 208].

Совершенно иной, и наш взгляд, более прагматичный подход к определению конституционного и правового государства у С.А. Котляревского. Он также рассматривал конституционное государство как воплощение правового, но в то же время возражал против отождествления этих понятий. Он, в частности, утверждал, что юридически конституционным государством можно признать всякое государство, где народное представительство участвует в осуществлении государственной власти, т.е. законом признается в формальном смысле лишь акт, изданный с согласия народного представительства [6, стр. 205-206]. В этом определении заключается указание на тот путь, каким конституционное государство обеспечивает верховенство закона среди других актов государственной власти, причем материального закона. Только общность закона обеспечивает равенство перед ним. В сравнении с этим, писал С.А. Котляревский, остальные признаки, как бы они не были важны, например, наличие или отсутствие ответственного правительства пред народным представительством, не имеет решающего значения. Но принципы правового государства воплощаются в неодинаковой степени. Так, в монархическом государстве существуют признаки правового, конституционного (при наличии народного представительства), если монарх является органом государства, но не стоит над государством. Степень осуществления правового государства, бывает очень различна, но ни в каком государстве не бывает полной [6, стр. 302].

Любопытно, что С.А. Котляревский видит создание государства, как падение права. Но, по его мнению, деятельность государства может выражаться лишь в согласии с правом и в его сфере. Государственные акты логически должны быть классифицированы по действию, которое они оказывают в мире права. Таким образом, естественно приходят к различению таких функций государства как законодательная, юрисдикционная и административная**.

Путем законодательной функции государство формулирует объективное право или норму права. Оно создает закон, обязательный для всех, для правящих и для управляемых, ибо он является выражением объективного права, которое обязательно для всех. Путем юрисдикцинной функции государство постановляет относительно нарушения субъективного права и относительно споров о существовании и объеме субъективного юридического положения; когда имеет место нарушение субъективного права, оно, смотря по случаю, предписывает восстановление, репрессию или аннулирование; оно предписывает меры, необходимые для обеспечения субъективного юридического положения, существование и объем которого оно признало. Путем административной функций государство совершает юридические акты, в собственном смысле слова, т.е., вступая в границы объективного права, оно

создает субъективные юридические положения [15, стр. 115-116]. В отношении юридической конструкции государства, С.А. Котляревский справедливо отметил, что главным образом в течение XIX в. люди пришли к убеждениям, что существенная цель публичной власти состоит в осуществлении права, и что люди, обладающие властью, подчинены праву и связаны им. Почувствовалась всеми потребность в создании юридической конструкции государства. Под вполне законным влиянием этой потребности создана была современная господствующая теория, которую можно назвать теорией государства – субъекта права или теорией юридической личности государства.

Государство, по мнению С.А. Котляревского, есть субъект права. Юридическими элементами его составляющими являются коллективность, территория, на которой живет эта коллективность, и правительство, выражающее волю этой территориальной коллективности. Государство, по справедливому утверждению С.А. Котляревского, это также обладатель публичной власти, в смысле субъективного права, т.е. права давать приказы и принуждать к повиновению им путем принуждения. Ученый отмечал, что в терминологии французского публичного права, это право обыкновенно называется суверенитетом. Государство понималось ученым как носитель не только права публичной власти, но также и патримониальных прав [15, стр. 115-116]. Объем и число этих патримониальных прав, писал С.А. Котляревский, в современную эпоху увеличиваются с каждым днем; это естественно проистекает от постоянного расширения роли государства во всех областях человеческой деятельности. Государство, субъект патримониальных прав, есть, в силу этого самого, и субъект патримониальных обязательств; совокупность же прав и обязательств образует имущество, обладателем которого является государство, как патримониальное лицо. Государство есть субъект права, являющиеся с необходимостью обладателем субъективного права на публичную власть и могущий быть,- как это почти всегда и бывает в действительности, – носителем субъективных патримониальных прав. Даже более того, в представлении этой доктрины государство в том виде, как его создали история и обстоятельства, объявляется, высшей коллективностью, существующей на определенной территории, поскольку оно возведено на степень личности и обладает органами управления и правительства [8, стр. 111]. Если государство представляет собою высшую олицетворенную коллективность, существующую на данной территории, то это превосходство предполагает за ним власть повелевать индивидуальными и коллективными лицами, находящимися на этой территории, предписывать им свою волю, как таковую, только потому, что это его воля. Эта власть олицетворенной коллективности есть то, что принято называть суверенною властью, или суверенитетом. Из всего изложенного, писал С.А. Котляревский, вытекает, что государство являясь субъектом права, слагается из четырех элементов: 1) совокупности человеческих индивидов; 2) определенной территории; 3) суверенитета; 4) правительства [8, стр. 111].

Заслуживает внимания концепция национального устройства государства С.А. Котляревского. В частности, он отмечал, что существуют три главные формы, в которые должны были облечься с течением времени человеческие общества, достигшие известной ступени цивилизации, суть: семья, община и нация. В самом деле, современные нации являются социальными образованиями бесконечной сложности и состоят из элементов, из которых следует выдвинуть на первый план лишь важнейшие. Нации вышли из античного мира через посредство феодального режима, в течение нескольких столетий господствовавшего во всей Европе и оказавшего на наши идеи и современные учреждения глубокое влияние, все еще продолжающееся, хотя часто и остающееся незаметным.

Но в чем заключается существенный фактор, породивший и поддерживающий национальную связь? Выдвинута была вперед общность политической власти, общность расы и языка, общность религиозных верований. Эти различные факторы, бесспорно, действовали или сообща, или в отдельности, но ни один из них не был достаточно силен, чтобы создать самостоятельно национальную солидарность. Факты, доказывающие это, очень многочисленны.

Единство политической власти, права, языка, религии, естественные границы – все это только второстепенные элементы. Существенный элемент национального единства следует искать в общности традиции, потребностей и стремлении. С другой стороны, члены одной и той же нации соединены между собою в особен-

ности узами солидарности, благодаря разделению труда; находясь в постоянном соприкосновении между собою, они, естественно, чаще и легче обмениваются услугами, которые они могут оказывать друг другу в виду различия своих способностей [8, стр. 115].

Нация, являясь в настоящее время общей формой политических коллективностей, не исключает, однако, сохранения предшествующих социальных форм, – семьи и общины. Член нации может быть в то же время членом семьи и общины. Однако мы вынуждены констатировать, что в современной нации семья, как социальная группа, подвергается распаду, и что современная община по причинам, лежащим вне настоящего исследования, оказывается бессильной основать в пределах нации тесные и крепкие группировки.

Теория государства, которая господствует в настоящее время, писал С.А. Котляревский, и которая вполне согласуется в этом пункте с принципами, сформулированными нашими конституциями, допускает, что территория есть конститутивный элемент государства. Коллективность может быть государством только тогда, когда она осела на территории с определенными границами. Без этого нет государства. Характер государства может и должен признаваться только за коллективностью, располагающей политической властью и обитающей, на определенной территории.

Признак территории, по мнению С.А. Котляревского, «имеет важность» с двух точек зрения: отрицательной, в том смысле, что, кроме самого государства, никакая другая держава не может осуществлять какой-либо власти на принадлежащей ему территории; положительной, в том смысле, что все индивиды, находящиеся в действительности на территории какого-либо государства, подчинены этому государству [8, стр. 112].

Территория есть субъективный элемент государства, или, пользуясь менее сжатой формулой, государство есть юридическое лицо, оно является носителем, субъектом политической власти, рассматриваемой, как субъективное право, и осуществляет ее при помощи органов; территория есть конститутивный элемент этого лица, т.е. это юридическое лицо, этот носитель политической власти, не может существовать, если не существует территории, принадлежащей исключительно той коллективности, которая служит основой государства [8, стр. 112].

Всякое государство, по своему определению, обладает политической властью. Власть же политическая есть возможность отдавать безусловный приказания, т.е. предписания, не подчиненный никаким ограничениям, лежащим вне воли тех, кто их отдает. Если государство обладает публичною властью именно в таком смысле, то последняя может осуществляться только под условием, чтобы известная территория была исключительно предназначена для ее осуществления. Предположим, в самом деле, две политические власти, претендующие на господство над одной и той же территорией. Всегда можно представить себе противоречащие предписания. Тогда или одна из властей уступит и подчинится приказаниям, исходящим от другой, тем самым она перестает быть властью государственной, и на территории водворяется одно государство; или обе власти начнут взаимно ограничивать и обусловливать себя, и тогда они оба перестанут быть властями государственными.

Таким образом, писал С.А. Котляревский, исключительная принадлежность территории одной коллективности является необходимой для существования государства и именно потому, что иначе коллективность не могла бы располагать политической властью. Другими словами, исключительность территории есть условие политической власти. А так как политическая власть является преимущественным, выражением личности государства, то исключительность территории является условием самой личности государства. В этом смысле мы и говорим, что территория есть субъективный элемент государства, конститутивный элемент юридической личности государства.

В отношении территории государства С.А. Котляревский писал, что она, составляя элемент государственной личности, она нераздельна, как и эта личность. Наоборот, если бы территория являлась объектом публичной власти и только объектом, она вовсе не должна бы непременно быть нераздельной, потому что ничто не препятствует раздельности объекта права. Из субъективного характера территории вытекало второе следствие – неприкосновенности территории. Оно именно обуславливает право государства воспрещать все акты чужого государства, способные угрожать его территориальной неприкосновенности, а также воспре-

щать всякий акт политической власти чужого государства.

Это – принцип невмешательства, о котором, однако, можно сказать, что он связывается с общей обязанностью государства уважать личность других государств. Исключительность территории – третий логический вывод из субъективного характера, признанного за территорией, что территория составляет элемент самой личности государства, и что два государства не могут осуществлять совместно своей политической власти на одной территории. Последним выводом из теории территории, как элемента личности государства, является не отчуждаемость территории. Логически рассуждая, следует признать, что государство не может уступить всю или часть своей территории, окончательно или на ограниченный срок, и что всякая целостная или частичная уступка, на время или навсегда, должна повлечь за собой смерть уступающего государства. При этом не важно, является ли уступка добровольной или вынужденной, т.е. продиктованной победителем [8, стр. 112].

В исследованиях С.А. Котляревского, в русле общей теории государства, указывается на необходимость уточнения понятия «суверенитет» государства. В его время слово «суверен» часто употребляли для обозначения высшего органа государства, понимаемого, как орган, от которого непосредственно или посредственно берут свое начало все остальные органы государства. Так говорили, что в абсолютной монархии, монарх, является сувереном или обладает суверенитетом, так как от него прямо или косвенно происходят все остальные органы государства. Суверенитет в таком его понимании мы оставляем совершенно вне нашего рассмотрения. Этот орган, называемый сувереном, в действительности осуществляет только власть государства, приписываемый ему суверенный характер определяет только его отношение к остальным органам рассматриваемого государства, а вопрос, кто является таким суверенным органом, разрешается конституционным законом страны.

Слова «суверен» и «суверенитет» употреблялись еще для обозначения характера какого-либо органа или агента, который, согласно положительному праву страны, постановляет решения, не подлежащие отмене или, по крайней мере, обжалованию. Все выше сказанное показывает, что для определения понятия суверенитета совершенно не следует рассматривать той или другой формы государства, того или другого государственного органа, но нужно обратиться к государству, взятому в себе самом, как юридическое лицо, какова бы ни была его форма, и каковы бы ни были его органы. С другой стороны, С.А. Котляревский рассматривает суверенитет исключительно во внутренних отношениях государства, т.е. в его отношениях с находящимися на его территории индивидуальными и коллективными лицами.

Во французской доктрине, которая, как известно, является точным выражением нашего положительного права, писал А.С.Котляревский, внутренний суверенитет есть просто публичная власть, и таким образом суверенитет является самим элементом государства с точки зрения его внутреннего строения. Если в международных отношениях могут существовать не суверенные государства, то им совершенно нет места в праве внутреннем, так как, по самому определению своему, государство облечено властью повелевающею, а суверенитет и есть именно эта повелевающая власть. Подлежит анализу суверенитет именно в таком понимании, потому что это понятие не так просто, как это может казаться на первый взгляд [13, стр. 324].

Определения, даваемые суверенитету, как это отмечал С.А. Котляревский, весьма многочисленны. У каждого исследователя есть свое собственное определение. Мы не станем давать нового, отмечает ученый; наша цель заключается в анализе внутренней природы суверенитета, наблюдаемого в своих различных проявлениях. Таким образом, быть может, нам удастся определить его истинную природу.

Государство есть субъект и опора публичной власти. Эта власть, естественно не признающая над собой высшей или конкурирующей власти в отношениях, которыми она управляет, называется суверенитетом. Она обладает двумя сторонами: внутренними суверенитетом, или правом повелевать всеми гражданами, составляющими нацию, и даже всем, кто обитает на национальной территории. Суверенитет есть существенное свойство государства. Он означает: хотеть власти, повелевать, независимо повелевать.

Быть может, было бы точнее сказать, что суверенитет есть воля лица, образуемого территориальной корпорацией, снабженной правительством, и являющегося государством, поскольку

оно облечено известными полномочиями. В силу остающегося не объясненным явления, когда нация организуется в государство, эта национальная воля сообщается государству, хотя ее сущность и остается за нацией. Проще говоря, нация не различается от государства, которое является организованной нацией, утвердившейся на определенной территории, суверенитет же есть воля государства-нации. Суверенитет является для государства-личности тем же, чем воля для индивида – личности. Из понимания суверенитета, как власти государства хотеть, вытекает, что он этим самым рассматривается, как субъективное право, носителем которого является государство. Во всяком случай, мы вынуждены всегда сводить понятие субъективного права к понятию власти хотеть. Какое бы основание ни давать субъективному праву, о лице можно сказать, что оно обладает субъективным правом только тогда, когда оно действительно может хотеть определенной вещи и когда воля, выраженная в силу этой власти, обязательна, как таковая, для других воль. Именно, в таких чертах и представляется нам суверенитет. Следовательно, это есть субъективное право, носителем которого является государство.

Государство обладает властью хотеть и эту свою волю делать обязательной. Эта власть принадлежит всякому субъекту права, проявляющему свою волю в границах своей юридической сферы. Всякое индивидуальное, и коллективное лицо может делать свою волю обязательной для других воль, когда оно желает того, что ей юридически предоставлено хотеть. Государство обладает этою властью; но оно располагает большим, чем эта власть: оно имеет власть делать свою волю обязательной, как волю повелевающую. Проявления его воли носят повелительный характера, они являются приказами. Повеление, приказы предполагают высшую волю, обращающуюся к воле низшей. Приказ есть односторонний юридический акт. Однако существует много односторонних юридических актов, не являющихся приказами. Односторонний акт, не являющийся приказом, может произвести правовое действие; но тогда это происходит не потому, чтобы воля лица, совершающего акт, стояла над другими волями, а потому, что она выражается в границах своей юридической способности и ради цели, признанной объективным правом законной. В современной литературе на этот счет высказываются иные мнения. Ведь речь идет, фактически об «указном праве», которое не должно быть традицией правотворчества, а осуществляться в исключительно определенном времени и пространстве [22, стр. 37].

В выводах С.А. Котляревского заслуживает внимания утверждение, что суверенитет един. Это значит, что на одной и той же территории может существовать лишь один суверенитет и что одно и то же лицо может быть подчинено только одному суверенитету. Предположим, в самом деле, в целях анализа, что один и тот же индивид подчинен двум волям, называющим себя суверенными, и что эти две воли отдают ему противоречивые повеления. В виду этого противоречия, рассматриваемый индивид или не будет обязан повиноваться ни той, ни другой воле; тогда ни одна, ни другая не будет волею суверенною. Или, наоборот, индивид будет обязан повиноваться повелениям одной воли и, следовательно, не повиноваться повелению другой воли, противоречащей первой. Тогда одна из повелевающих воль не будет в состоянии осуществить своего приказа, так как приказ, отданный другою, будет стоять над нею, и только этому приказу обязан повиноваться управляемый. Такими образом одна из повелевающих воль не является волею независимой, так как ей оказывается повиновение, лишь при условии соответствия ее приказов с повелениями другой воли. Она, следовательно, лишена суверенитета, и из двух рассматриваемых воль только одна является суверенной. На одной и той же территории может существовать только одна суверенная воля. Если оставить в стороне субъективный характер территории и допустить, что территория является границей повелевающей власти государства, т.е. указывает лиц, на которых простирается эта власть, то все-таки приходится возвратиться к только что высказанной гипотезе и еще раз повторить, что на одной и той же территории не могут сосуществовать две или несколько суверенных воль, потому что люди, населяющие эту территорию, не могут быть подчинены двум или нескольким суверенитетам.

Если, наоборот, считать вместе с некоторыми авторами, что территория служит объектом суверенитета, то одна и та же территория не может быть объектом двух суверенитетов, так как суверенитет есть абсолютное превосходство, неспособное ни к увеличению, ни к уменьшению,

и из всех воль, которые обнаруживаются на данной территории, только одна может носить такой характер. Принцип неделимости суверенитета был провозглашен уже Ж.Ж. Руссо в Общественном договоре на том основании, что суверенитет является не чем иным, как волею коллективного лица. Всякая воля нераздельна, как и само лицо, служащее ее основой. Начиная с 1789 г., принцип неделимости стал своего рода догматом. Он торжественно провозглашен в нескольких наших конституциях: «Суверенитет... неделим. Он принадлежит нации; никакая часть народа и никакой индивид не может приписывать себе его осуществление». (Декларация прав 1793 г., ст. 25.) Разделение властей, как понимали его авторы декларации прав 1789 года (ст. 16), конституции 1791 г. (ст. III, введ.), декларант прав (ст. 22) и конституция III года (ст. 45) и конституции 1848 г. (ст, 19), логически несовместимо с понятием неделимого суверенитета. Действительно, в представлении, которое стремились осуществить наши учредители, власти явились частями, оторванными от суверенитета и вверенными различным органам, а не функциями только, отдельно отправляемыми различными органами от имени суверенитета, остающегося единым и неделимым. Три созданных органа: парламент, глава государства и судебная власть не были только облечены, различными функциями; они являлись каждый носителем некоторой доли суверенитета и поэтому-то они и считались властями. Создавалось три суверена: в законодательной области; в исполнительной; в судебной [21, стр. 115]. Ж.-Ж. Руссо в свое время развивал идею не отчуждаемости суверенитета. «Таким образом, я утверждаю, что суверенитет, будучи только осуществлением общей воли, никогда не может отчуждаться, и что суверен, являющийся существом только коллективным, может быть представлен лишь самим собою: передаваться может власть, но не воля». Автор остался верным чистой логике системы: суверенитет является личностью нации, насколько она наделена повелевающей волей; но очевидно, что личность не может отчуждаться. Отчуждаясь, она исчезает, перестает быть личностью. Без сомнения, суверенитет есть право, а право может отчуждаться. Но суверенитет представляет собою право, сложившееся благодаря самому характеру личности, которая является его носителем» [21, стр. 115]. Так обстоит дело потому, что нация есть нация, обладающая суверенитетом, и, если бы она лишилась суверенитета, то исчезла бы, как нация.

Другими словами, суверенитет является одновременно и нераздельно личностью нации и правом повелевать. Нация не может отчуждать одно, не отчуждая другого. Но так как личность нации неотчуждаема, то так же неотчуждаем и суверенитет. С другой стороны, утверждение неотчуждаемости суверенитета предполагало полный отказ от старого представления патримониального государства, где суверенитет является собственностью, в принципе отчуждаемою подобно всякой собственности.

По справедливому утверждению С.А. Котляревского федеральное государство, приведенное к своим простым элементом является государством, состоящим из определенного числа государств, или, по немецкому выражению государством государств, так что желающие построить теории феодального государства должен к определенным выше элементам (нация, территория, суверенитет) прибавить четвертый элемент, соединение известного числа государств. Из этой структуры вытекает, что политические проявления, совершающиеся в федеральном государстве, относятся к двум порядкам: проявления самого феодального государства и проявления слагающих его государств, называемых государствами-членами; существует публичная власть федерального государства и публичная власть каждого из государств-членов.

Необходимо остерегаться, писал А.С.Котляревский, смешивать федеральное государство и конфедерацию государств, где нет центрального государства; существует только политическая власть каждого из союзных государств. Каждый член конфедерации сохраняет свою полную автономию; лишь путем договора международного права установлено соглашение, чтобы известные дела, признаваемые общий интерес, регулировались и велись сообща. Собрание, которое ведет эти дела, является не парламентом государства, а дипломатической конференцией, состоящей из делегатов от каждого государства. В федеральном государстве, наоборот, существует центральное государство; и федеральные органы являются органами этого центрального государства.

В конфедерации государств индивиды подчинены лишь одной власти, именно того из союзных государств, подданными которого они

состоят, или на территории которого находятся; в федеральном государстве индивиды всегда подчинены двум властям: власти центрального государства и власти того государства-члена, подданными которого они состоят, или на территории которого находятся. Именно здесь возникает крупная проблема федерального государства. Из понятия суверенитета следует, что одна и та же территория и одни и те же индивиды никогда не могут быть подчинены двум суверенитетам; но в федеральном государстве, по самому определенно его, одни и те же индивиды и одна и та же территория всегда подчиняются двум суверенитетам: суверенитету центрального государства и суверенитету государства-члена.

Одни авторы, по утверждению С.А. Котляревского, которые занимались этим вопросом, были вынуждены признавать, или что федеральное государство не имеет суверенитета и не является настоящим государством, или что государства – члены не представляют государств, потому что не обладают суверенитетом. Другие авторы, наоборот, доказывают, что в федеральном государстве существует лишь одно центральное государство, что только в нем можно видеть суверенное государство, что суверенитетом обладает лишь одно это центральное государство, и что, следовательно, составным части, как бы их ни называли, никогда не являются государствами. По-видимому, в действительности, федерализм характеризуется правом слагающих государств участвовать в суверенитете. И здесь необходимо согласиться с давно установившей точкой зрения, что каждое входящее в состав федерации государственное образование обладает суверенитетом, нарушение которого не может быть оправдано даже конституционным актом. Ж. Боден (1530-1596) заявил об этом в своем главном труде «Республика» (1575) [23, стр. 54].

Говоря о функциях государства в юридическом смысле, С.А. Котляревский утверждал, что, очевидно, это те, функции, которая проявляются в области права. Посредством законодательной функций государство формулируете объективное право; посредством административной – создает состояние субъективного права; посредством юрисдикционной – констатирует существование и объем правовой нормы или правового состояния, а в случае нарушения или оспаривание их, предписывает необходимые мероприятия, чтобы обеспечить уважение к ним [8, стр. 102].

Законодательная, ведущая функция, по мнению ученого, очевидно, есть та функция, в которой по преимуществу выражается суверенитет государства, так что часто смешивали даже законодательство с суверенитетом, полагая, что закон не может исходить иначе, как от органа, в котором воплощается государственный суверенитет, и что всякий акт, исходящий от этого органа, есть закон. Необходимо соединять с понятием закона отмеченное уже выше различие его с формальной и материальной точек зрения. С формальной точки зрения законом будет всякое определение, исходящее от органа, который в данной стране рассматривается, как непосредственный выразитель суверенной воли коллективности, образующей основу государства. С материальной точки зрения законом будет всякий акт, который по самому своему существу является законом, независимо от государственного органа, его создавшего. Это законодательный акт по самой своей природе, который может в то же время быть формальным законом, но который также может им и не быть и, действительно, очень часто им не бывает.

Когда хотят определить, что такое законодательная функция, то должны вполне, выяснить характер законодательного акта в материальном смысле. С материальной точки зрения закон является актом, посредством которого государство формулирует норму объективного права или создает правила и организует учреждения, обеспечивающие применение этой нормы. Законодательная функция, естественно, есть государственная функция, предназначенная для создания законов в указанном смысле.

Положительный закон, если смотреть на него, как на простую формулу правовой нормы, принятую в данное время, или как на совокупность правил, предназначенных для обеспечения применения этой правовой нормы,- всегда имеет в своей основе норму объективного права. Часто спрашивается, могут ли существовать законы без санкции. Закон, по существу своему, есть формула нормы права. С другой стороны, какого бы мнения ни держались относительно обоснования права, признают также, что объективное право есть социальная норма. Следовательно, закон, заключающий формулу объективного права, является, как таковой, социальной нормой. После того, как это установлено, ясно, что вопрос о санкции закона возни-

кает лишь тогда, когда один из индивидов, подчиненных закону, совершает акт, противный или согласный законам, делает то, что закон позволяет ему делать, или то, что закон запрещает ему делать. Если совершается акт, согласный с законом, который, по определению, является социальной нормой, то этот акт тем самым есть уже социальный акт, имеет социальную цену и социально признан. Это социальное признание социальной цены акта, согласного с законом, составляет самую санкцию закона. Наоборот, акт противный закону, будет непременно, антисоциальным актом, без социальной цены, и, следовательно, неизбежно вызовет социальную реакцию, которая и явится санкцией закона [8, стр. 102]. Таким образом, закон носить в самом себе свою собственную санкцию. В действительности, не может быть закона без санкции.

Существует много законов, для которых абсолютно невозможна санкция государственною силою. Следовательно, в действительности никогда нет принуждающей силы, способной прямо обеспечить применение закона. Это не значить, что принуждения нет совсем, но оно проявляется косвенным путем. Оно производится, в случае нарушения закона, для обеспечения репрессии, исправления или аннулирования акта, сделанного в нарушение закона. Когда акт был совершен согласно закону, оно производится, чтобы обеспечить наступление законно желаемого последствия. По-видимому, уголовные законы непосредственнее всех санкционированы принуждением. И, однако, даже и относительно этих законов нельзя сказать, что принуждение употребляется с целью непосредственно обеспечить их применение. Они не направлены против какого-нибудь определенного лица. Они лишь проявление публичной силы, как бы предостережение всем тем, кто попытался бы нарушить закон, о том, что есть сила, обеспечивающая репрессию за нарушение закона. Если запрещаемое есть материальный факт, то сила выступит только тогда, когда компетентный агент констатирует факт и предпишет произвести возмещение. Силою будет выполнено это юрисдикционное решение, а не закон. К повелительным относились те законы, которые предписывают определенным лицам совершать известный взнос, известное действие, например, законы о налогах. Для законов этого рода также нет прямой санкции силою.

В своих работах С.А. Котляревский неизменно подчеркивает на сложность определения в условиях правового государства юрисдикционной функции (судебной), хотя последнее выражение было более общеупотребительно. Выводы из современного представления о правовом государстве, по мнению ученого, с особенною силою проявляются также при осуществлении юрисдикционной функции, ибо в силу этого представления мы утверждаем, с одной стороны, что государство обязано вмешаться, если к нему обращается частное лицо, а с другой стороны, что государство-судья строго связано изданным им законом, и что, кроме того, государство связано юрисдикционным решением, постановленным им посредством судьи [15, стр. 7].

Даже в «абсолютно-бюрократическом» строе, писал С.А. Котляревский, известная автономия судебных учреждений может значительно смягчать беспощадное проведение приказного начала. Образуется особое судебное сословие. Из его среды вырабатываются традиции, накапливаются профессиональные навыки, и чувство профессиональной чести. Всем этим создаются преграды для безраздельного господства в государственной жизни формальной воли монарха фактического полновластия бюрократии. По мнению ученого, русские судебные уставы 1864 г. не смогли противостоять давлению, окружающего их полицейско-бюрократического режима, и все же, введенные ими начала глубоко изменили жизнь государственного организма и явились одним из тех ферментов, которые рано или поздно должны были привести его к гражданской и политической свободе [8, стр. 235].

Имея в виду Россию, С.А. Котляревский отмечал, что государство оказывается монополистом принуждения: юридически это выражается в том, что его власть истолковывается как первоначальная, ниоткуда не заимствованная, – и в этом усматривается даже его критерий. Такая отдаленность государственной власти от повинующихся, сообщает ей некоторый абстрактный характер: эта власть уже не осложняется теми интимными, патриархальными переживаниями, которые связываются с положением человека в роде, общине, даже в крепостной зависимости. В отношении западных государств он сделал новый для его времени вывод, что верховенство закона в конституционном государстве предполагает постоянное и правильное функциониро-

вание парламента. Естественно, что для создания этого органа народного представительства необходимо ввести всеобщее избирательное право. В связи с этим С.А. Котляревский отмечал, что вера в чудодействующую силу всеобщего избирательного права достаточно поколеблена горьким историческим опытом. Известны примеры, когда всеобщее избирательное право отрекалось от свободных учреждений и освещало деспотизм. Были примеры, когда избирательные бюллетени становились предметом торговли. Нередко победителями выборов становились люди, явно отстаивавшие интересы своекорыстные, противные общему благу [11, стр. 359]. Например, направляемое религиозным фанатизмом и национальной ненавистью всеобщее избирательное право может сделаться одним из могущественных и беспощадных орудий угнетения.

Поэтому, совершенно справедливо ученый отвергал абсолютное поклонение перед всеобщим избирательным правом, но считал, что всеобщее избирательное право «служа культурным ценностям, одухотворенное исканиями социальной справедливости и человеческого права, даже разумно и широко понимаемое классовыми интересами, оно может являться необходимой силой на пути прогресса» [11, стр. 360]. Но именно для этого посредством просвещения людей предохранить общество от идолопоклонства перед правом.

В русле теории правового государства А.С.Котляревский разрабатывал также некоторые правила организации и проведения референдума. Он писал, что с помощью этого демократического института всем гражданам открывается не только возможность дать то или иное направление государственной жизни посредством избрания своих представителей, но и ответить на вопрос о желательности тех или других законодательных мер. Таким образом, отмечал ученый, как будто создается незаметное средство направить всю законодательную всю законодательную власть государства сообразно с самыми глубокими и насущными интересами масс. Однако референдум часто обнаруживает косность, страх пред крупными социальными реформами, что он высказывается в пользу мер явно противоречащих нравственному сознанию, выработанному среди данного общества [11, стр. 360]. В связи с этим высказыванием С.А. Котляревский пишет, что, и референдум как демократический институт вполне может исполнить роль, при которой демократические формы мало соответствуют своему содержанию. Вероятно, стоить добавить и то, что даже в условиях демократического государства исход референдума в значительной степени зависит от момента его проведения по отношению к конкретному вопросу, кто и с какой целью его инициировал, насколько государственный аппарат заинтересован в референдуме и др. обстоятельства. Вероятно, автор эти обстоятельства учел лишь в общих чертах.

Анализируя положительные и отрицательные черты государственных демократических институтов, С.А. Котляревский сумел указать на средство, которое наполнит их формы подлинным демократическим содержанием. Это духовная культура общества. Он писал, что есть крайний предел, перед приближением к которому право и обязанность всех руководителей духовной жизни общества возвысить предостерегающий голос. И предел этот ученый крайне точно определяет. Это когда «мораль приближается к поглощению ее политикой, когда партийная дисциплина становиться заповедью, перевешивающей все нравственные обязанности, когда образование ценится постольку, поскольку оно дает оружие тем или другим борющимся группам, когда относительное поставлено на место абсолютного и обратно, когда наступает время апеллировать к сознательности и к чувству общественного самосохранения…» [11, стр. 367].

Ученый понимал, что в России его времени многие политические решения принимаются исходя из корыстных интересов представителей правящего самодержавного режима, что гегемония политики над культурой присутствует. Свобода и равенство, по справедливому замечанию С.А. Котляревского неотделимы от понятия человеческой личности, духовное самосохранение которой требует возможности выражать мысли и чувства, входить в общение с другими людьми. В подобных рассуждениях нельзя не услышать аббата Фелисите де Ламеннэ, но у С.А. Котляревского через осуществление его идей коллективного духовного спасения, но не через религиозное воспитание, а через воспитание чувства человеческого достоинства и осознания им возможностей его неотъемлемых прав.

Для нашего времени, писал С.А. Котляревский, правовое государство осуществимо в тех пределах, в каких оно осуществимо вообще,

только через конституционный строй [6, стр. 205]. Это положение, по его мнению, было бесспорно, хотя отождествление правового и конституционного государства решительно должно быть отвергнуто. При этом предполагалось, что первое понятие есть понятие метаюридическое; второе совершенно умещается в рамках юридического анализа, который устанавливает отчетливую грань между государством конституционным и абсолютным. В политическом отношении между ними можно было найти ряд промежуточных форм. Юридически конституционным нужно признать всякое государство, где народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, т. е. где законом в формальном смысле признается лишь акт, изданный с согласия народного представительства. Но если имеется твердый критерий, отличающий это последнее, то в его пределах умещаются различные типы. Они до такой степени различные, что само существование единого конституционного права подвергается сомнению. Принцип правового государства воплощается здесь не в одинаковой степени. Сам выбор типов конституционного государства представляет большие трудности: Конституционное государство может быть монархическим и республиканским. Юридически это различие сводится к двум признакам, которые, в сущности, тесно связаны друг с другом. В монархии глава государства наследственный. В республике или его нет вообще, или он выборный и ответственный, писал С.А. Котляревский [6, стр. 205].

В республиканском строе выдерживается полное юридическое единство стиля, тогда как в монархии наличность наследственной и безответственной власти как бы представляет контраст с другими элементами ее строя – конституционными и демократическими. В этом рассуждении верно одно: республика в большей степени укладывается в чисто юридические рамки, чем монархия. Последней присущ известный иррациональный элемент: она обычно представляет собой не только институт, но часть быта, в этом источники ее силы и ее слабости, в этом, вероятно, лежит причина, почему в колониях и в странах, где быт создается заново, так часто устанавливается республиканская форма. В монархии давность имеет гораздо большее значение, чем в республике. Отсюда, однако, не следует, что между монархией и принципом правового государства существует неудержимое расхождение, которого нет в республике. И здесь и там субъектом власти является государство; юридически с этим несовместим ни суверенитет народа, ни суверенитет монарха – хотя бы эти принципы имели за себя политическое оправдание.

Верховенство закона требует подзаконности указов, но это правило общее и для монархий, и для республик. Можно указать еще на то, что Д.Локк называл федеративной властью – объявление войны, заключение международных договоров и т. п. Обычно в монархиях компетенция главы государства шире, чем в республике. Монарх объявляет войну, не спрашивая согласия палат, необходимого в республиках, он ратифицирует договоры и т.п. Признание же в данном случае правового верховенства предполагает лишь, что монарх является органом государства, а не стоит над государством. С этой стороны, конструкции, утверждающие за монархом качество субъекта государственной власти, есть полное отрицание правового государства, отмечал А.С.Котляревский [6, стр. 213]. Но с последним был несовместим и так называемый монархический принцип: монарху принадлежит вся полнота государственной власти, и он связан участием народного представительства лишь в осуществлении некоторых отдельных своих полномочий. Отсюда презумпция – относить к компетенции монарха все то, что не относится по конституционному тексту к ведению народного представительства. Монарх, при всей исключительности своего положения и широте своих полномочий есть лишь орган, и получает свою власть от единственного ее субъекта – государства.

Ни один орган государства не может делегировать своей власти другому – так как она есть не его собственность, а его компетенция. Если, таким образом, отказаться от патримониальных пережитков, сохранившихся особенно в немецкой литературе, и видеть в монархе лишь орган, осуществляющий государственную власть, то между монархией и республикой вовсе не получится принципиальной противоположности. Запрос на сильную правительственную власть, который так характерен для новейшего развития государства, одинаково может быть удовлетворен в рамках монархической и республиканской конституции.

Сама конституционная монархия, отмечал

С.А. Котляревский, представляет такие разновидности, как Пруссия и Япония, с одной стороны, Англия и Бельгия – с другой. Коренные перемены в характере монархической власти могут совершаться без того, чтобы изменилась буква конституции. Подобные же существенные разновидности мы находим и в группе республик: достаточно сопоставить Соединенные Штаты, где конституция так заботливо охраняет самостоятельность президента от возможных посягательств конгрессам Швейцарию, где вообще нет президента – главы государства [8, стр. 105]. Понимаемый в широком смысле парламентарный строй, к которому тяготеет развитие конституционного государства, одинаково легко совмещается и с монархической, и с республиканской формой.

Современное конституционное государство С.А. Котляревский понимал как государство представительное. Важнейшие акты государственной власти – законы, в формальном смысле слова, создаются в нем при участии не самих членов государственного союза, а их представителей. Все они, пользуются автономией: положительное конституционное право единодушно отвергает «обязательность мандата», что всякий депутат должен представлять не только свой округ, но и всю страну. С.А. Котляревский писал, что депутаты не могут быть связаны инструкциями своего околотка, являясь депутатами всей нации. Депутат обязан поддерживать известную программу, заявленную им во время выборов, программу и если он своими вотумами в палате нарушает принятое обязательство, то может быть лишен полномочий [9, стр. 325]. Так С.А. Котляревский пытался разрешить проблему предоставления свободы политической деятельности народным избранникам. Но он понимал, что в России добиться этого не легко. На долю первого русского народного представительства выпали безмерные трудности. Это полное государственное обновление России и социальное творчество чрезвычайно крупного масштаба. С другой стороны, народным избранникам надо было вести борьбу с бюрократией, менее всего готовой примириться с утратой своего всевластия. Но, с другой стороны, психологически, писал ученый, это требование обязательного мандата именно в России нас не может удивлять. Оно связано с громадностью ожиданий, с тем страшным напряжением, которое проникает русское крестьянство, которое дает своим представителям короткий наказ «возвращаться с землей и волей или вовсе не возвращаться». Но ведь вся упорная и трудная борьба с пережитками приказного строя не может вестись по заранее расписанным инструкциям. [9, стр. 327]. Два великих начала, по мнению С.А. Котляревского необходимы были для разрешения кризиса русской жизни: чувство великой ответственности у избранников народа и чувство доверия народа к ним.

Ученый детально проанализировал выборные системы в развитых государствах мира. По его мнению, референдум оказался во многих отношениях более отсталым и уязвимым в деле социального творчества, чем представительное собрание. Так С.А. Котляревский пишет о том, что в Швейцарии референдум восстановил смертную казнь, отверг право на труд, расширение школьной организации. Его пугали крупные издержки на самые производительные цели [9, стр. 325].

Таковы объективные факты и психологические их истолкования, с которыми приходится считаться, когда рассматривается воплощение правового государства на соответствующем историческом материале. Несомненно, Ж.Ж.Руссо был неправ в самой постановке вопроса: отношение представителя к избирателю вовсе не предполагает мистического единения воль. Оно предполагает лишь известную солидарность, которая должна обеспечиваться самим фактом выбора, а также его обстановкой с ее особыми гарантиями. Ж.Ж.Руссо в этой критике представительного строя был пленен своим призраком общей воли, в которой сливаются до полного растворения воли отдельных людей, и которая указана в законе [21, стр. 186-187].

В представительном строе избиратель осуществляет определенную функцию, которую на него возлагает государственный порядок, выраженный в конституции. Но, с точки зрения правового государства, невозможно ему приписывать только функцию и упускать из виду присущее право. Соответственный взгляд, который отрицал этот элемент права и усматривал здесь исключительно рефлекс объективного правопорядка, не только односторонен, но он искажает сам смысл представительного правления. Если его принять, то и выборность представителей потеряет всякий правовой смысл и

останется вопросом техники и целесообразности. Ясно между тем, что в представительстве выборность есть основное условие, и что такие верхние палаты, как палата наследственных лордов или пожизненно назначенных итальянских сенаторов, этого представительного характера не имеют. Вообще стремление в новой юридической литературе к чистому объективизму, отрицание или умаление субъективного права сказывается и в данном вопросе, но при этом разрешение его в соответствии с духом правового государства становится безнадежно трудным. Лишь признание субъективного, публичного права вносит простоту и ясность. Представитель получает правомочия от конституции, избиратель выполняет функцию, но выполнять ее он имеет право, и это последнее обеспечивается судебной или судебно-административной защитой [6, стр. 221]. Соблюдение указанного права является одним из условий, обеспечивающих за парламентом способность авторитетно выражать общественное мнение, – условий, которые не суть только требования политического благоразумия и морали, а подлинные правовые условия, и вне их у парламента нет правомерной деятельности.

Солидарность избирателя и представителя есть как бы внешняя форма, в которую облекается требование более глубокой и принципиальной солидарности гражданина и закона. Чем живее проявляется последняя солидарность, чем менее на закон смотрят как на внешнюю силу, тем более он получает правовое обоснование.

Государство, писал С.А. Котляревский, может обладать конституцией гибкой, подобно Англии и Венгрии, где формально конституционные законы не отличаются от обычных, и малоподвижной, где их создание и пересмотр требует особенного, более или менее осложненного порядка. Нельзя сказать, что в смысле более или менее полного воплощения правового государства эта подвижность или неподвижность безразличны. Правовому принципу, вообще говоря, более отвечает признание особой авторитетности за конституционными законами. Они являются высшим выражением государственной власти, от них получают полномочия и законодательные учреждения, в рамках их протекает законодательная жизнь страны. Можно сказать, что им, в высшей степени, присущ признак общности, отличающий законы вообще [6, стр. 221].

Создается как бы представление, что не все законы в материальном смысле слова обладают равным значением, и что этому материальному различию должно соответствовать и некоторое различие формальной процедуры. Но главная оговорка лежит в другом. Суверенитет парламента обычно ограничивался весьма бережным его применением: юридическая незащищенность конституционных норм возмещается моральным их авторитетом для самого парламента. Характерно, что гибкие конституции обычно в наибольшей мере проникнуты историзмом, составляют как бы часть общественного быта и, в конце концов, вовсе не обнаруживают тенденции к быстрому изменению; уклад политической жизни при них отличается своеобразным консерватизмом. Но поскольку мы говорим о самом принципе формального тождества основных и обычных законов, едва ли он оправдывается с точки зрения правового государства. То же самое, однако, следует сказать и о конституциях столь малоподвижных, что легальный пересмотр их надолго исключается. Наиболее яркие образцы дают здесь французские конституции революционной эпохи, так тщательно забронированные от непостоянства законодательных собраний и в то же время столь бессильные перед разрушающей силой фактов. Подобное закрепление, помимо своей политической нецелесообразности, не имеет правового обоснования; при нем может получиться почти неустранимый легальным путем разлад наличного порядка с общественным и народным правосознанием. Именно изменения в правосознании не может предупредить провозглашенная неизменность законодательных и конституционных норм.

Отсюда следует, писал С.А. Котляревский, что с принципом правового государства в наибольшей степени гармонируют конституции не абсолютно гибкие, но и не слишком малоподвижные. В каких пределах колеблется этот средний тип, сказать, конечно, трудно: подвижность конституций имеет слишком много степеней. Юридический анализ федеративного устройства, вообще говоря, принадлежит не только к наиболее трудным, но и наименее благодарным отделам государственного права. Нигде, быть может, не сказывается до такой степени вся роковая искусственность юридических определений, вся непреодолимая труд-

ность дать юридически точное выражение тем оттенкам, уклонам и своеобразиям, которые отличают реальную жизнь политических организаций, писал С.А. Котляревский [14, стр. 7].

Классическая теория союзного государства основана на том, что существует определенный юридический критерий, позволяющий различать несамостоятельное государство и автономную провинцию, критерий наличия или отсутствия собственного права. И вот оказывается, что автономные провинции, подобные Канаде и Австралии, хотя не имеют «собственного права», обладают неизмеримо более широкой самостоятельностью даже в области создания новых правовых норм, чем ряд не суверенных государств.

Наконец, появляются многочисленные образования, которые вообще не укладываются в старые рубрики и вынуждают создавать такие понятия, которые означают нечто среднее между государством и самоуправляющейся областью. Появляются своеобразные автономии. Одновременно замечается движение в сторону централизации в федеративных странах и децентрализации в унитарных. Все эти новые факты глубоко интересны и для политика, и для юриста, писал С.А. Котляревский. Но в пределах поставленной задачи имеет особое значение контраст двоякого рода государств: таких, где центральная власть обладает свободой менять по своему усмотрению организацию отдельных частей страны, и таких, где она в этом смысле связана обязательным участием тех или иных органов, представляющих указанные части. Это различие не вполне соответствует различию федеративных и унитарных государств, как оно обычно проводится. Хорватия, например, обычно признавалась лишь автономной провинцией, а Венгрия – унитарным государством, хотя по Соглашению 1868 г. установленное в этом акте взаимоотношение Венгрии и Хорватии не может быть изменяемо без согласия Загребского сейма [8, стр. 116].

Все же представляется наиболее целесообразным сопоставлять эти две группы, рассматривая их под углом зрения осуществления начал правового государства. Если считать, что всякая правовая связанность государственной власти приближает последнюю к такому осуществлению, то можно было бы думать, что федеративные организации обладают в этом смысле абсолютными преимуществами перед унитарными. Но подобная предпосылка приводит к совершенно неприемлемым выводам. Неужели Болгария была ближе к идеалу правового государства до 1908г., когда она признавалась за вассальное княжество под турецким сюзеренитетом, чем после, сделавшись независимой. Неужели связанность, которая создается для государственной власти в результате тяжкого поражения, которая заставляет отказываться от известных вполне нормальных актов властвования, заставляет соглашаться на представление признака более полного воплощения правового государства. Очевидно, не всякая связанность имеет такую цену. Если мы возьмем обычные категории суверенного и несуверенного государства, оставив в стороне возражения, которые вызывает само понятие суверенитета, для нас будет ясно, что не суверенное государство никакими правовыми преимуществами не обладает. Подчинение стоящей выше власти и подчинение праву, совершенно равноценные проявления жизни государства. Здесь у С.А. Котляревского строго выделены два вопроса. Один касается соблюдения уже признанных правовых обязательств в государствах федеративного типа, обязательств, которые отсутствуют в государствах унитарных. Соблюдение их есть правовое требование: оно вытекает из верховенства федеральной конституции и выражает утверждение за входящими государствами, штатами, кантонами и т. п. неотчуждаемых прав. По его мнению, подобная связанность центральной и местной власти приучает и властвующих, и подвластных граждан более наглядно представлять правовое самоограничение: «…мы видели, что распространение в Германии взглядов на суверенитет задерживалось там двойственностью имперской и территориальной властей. Но в настоящее время известная степень признания прав за отдельными гражданами и их союзами свойственна всякому конституционному, хотя бы унитарному государству. Трудность, присущая федеративной организации государства, лежит в том, что здесь имеется в виду соблюдение не только буквы, но и духа тех норм, которые определяют взаимные отношения центральных и периферических органов; а между тем во всех современных федерациях мы видим растущий запрос на более широкие полномочия центральной власти – запрос, связанный и с расширением

государственного вмешательства вообще, и с обострением международного соперничества, и с общим стремлением объединить правовой оборот, даже не останавливаясь перед границами отдельных государств. Нет сомнения, эта тенденция может сказываться и в таких ограничениях прав отдельных входящих государств, которые, во всяком случае, не соответствуют духу федеративного устройства» [8, стр. 116].

Правовой смысл федеративного строя, справедливо отмечал С.А. Котляревский, обеспечение самостоятельности и равенства в известных пределах для тех государств, которые стояли друг к другу в отношениях международного характера и которых теперь политическая необходимость и культурная потребность заставляет соединиться в едином государстве. Здесь скорее охраняется старое право, чем создается новое, и эта охрана, в общем, соответствует принципу правового государства. Возможны, конечно, случаи, когда эта предшествующая самостоятельность носила искусственный характер, выражала лишь династические притязания или дипломатические случайности и совсем не отражалась в народном сознании как действительно правомерный порядок. Однако подобно федерации и автономия может создавать связанность центральной власти – связанность, притом идущую иногда весьма далеко; но последняя здесь не вытекает из предшествующего самостоятельно-государственного существования автономной области. Автономия есть самоограничение власти в унитарном государстве, основанное на признании не только особых интересов данной области, но и особого права удовлетворять эти интересы при помощи местных органов. Можно сказать, она есть расширение местного самоуправления, при котором функции, обычно осуществляемые в данном государстве центральной властью, передаются местным органам, и в то же время за членами государственного союза, живущими в данной области, признается соответственное право на участие в той или в другой форме в этих органах. Отсюда вытекает важное следствие, писал С.А. Котляревский: «автономия вовсе не предполагает равноправия наделенной ею части государственного целого со всеми другими» [8, стр. 116].

Наоборот, она обычно есть своеобразная привилегия, основанная на исключительных материальных и культурных условиях данной области: наличие автономии в одной части государства не дает никаких прямых оснований для домогательств других частей. Понятно также, что если в государстве несколько автономных областей, – широта существующего в них самоуправления может подлежать самым большим колебаниям. И действительно, конкретные примеры автономий в современном государственном праве чрезвычайно разнообразны. Можно говорить о типическом распределении правомочий в союзном государстве, но совершенно невозможно было бы говорить о типической автономии. Итак, автономия есть выражение растущей децентрализации центрального государства: политически ее введение может быть оправдываемо, между прочим, старыми вольностями и правами данной области. В этом смысле она вполне соответствует принципу правового государства, устанавливая правоспособность там, где история подготовила почву для дееспособности, не только совместимой с общим благом, но и осуществляемой в его интересах. Образование автономии лишь подводит юридический итог социально-культурному процессу, выделившему данную область из общей государственной территории. В настоящее время, отмечал С.А. Котляревский, в науке господствует государственная теория самоуправления, усматривающая известную форму государственного управления. Но даже, исходя из нее, нельзя отрицать, что при этой форме создаются субъективные публичные права членов местного союза, подобные субъективным публичным правам членов союза общегосударственного. Но такое создание есть важный шаг в сторону правового государства.

В своей теории государства С.А. Котляревский уделяет внимание также вопросам организации народного представительства. Он отмечает, что наиболее распространенным является его двухпалатный вариант. Двухпалатное устройство сложилось задолго до того времени, когда начались попытки его рационализировать. Так, английский парламент разделился на две части, которые намечались при самом его образовании в XIII веке: одну составили члены, являющиеся по личному приглашению, другую – представители, избираемые на основании приглашений, посылаемых шерифам. Этому различию в XIV-XV в.в. соответствовало различие функций, причем идея представительства тесно сплетается с правом вотировать налоги и вообще давать денежные

субсидии. Все развитие двух палат и их взаимодействие носило самобытный характер [8, стр. 116].

И в унитарном государстве, писал С.А. Котляревский, современные верхние палаты часто являются представительством местных самоуправляющихся единиц, представительством, приуроченным к органам местного самоуправления. Впервые в Европе подобного типа палата создана была в Нидерландах в 1848 г. С правовой точки зрения, нужно только, чтобы избирательный закон, создавая субъективные права, не создавал сознательно привилегий – давая, например, представительство капиталу в промышленности, давал бы его и труду. Такая палата интересов не может законодательствовать вопреки нижней палате, не может вести самостоятельной бюджетной политики, но она сохраняет важное контролирующее значение. Поскольку она дополняет представительство всей массы населения, у нее могут быть сравнительно ограниченные правомочия – например, решение споров между палатами, в конечном счете, может зависеть от нижней палаты или ее избирателей [8, стр. 212].

Таким образом, даже при формальном равенстве палат, устанавливается фактическое неравенство, которое в силу столь обычного процесса превращается в правовое. Это различие компетенций вообще имеет правовое оправдание и тогда, когда верхняя палата по способу своего образования гораздо ближе к нижней, когда, как указывалось, она есть представительство местного самоуправления или профессиональных интересов.

В демократическом правовом государстве, народное представительство, есть законодательный орган. Однако центр тяжести законодательной работы все более переходит на правительство, которое одно фактически в состоянии осуществлять законодательную инициативу. Так как мы рассматриваем, писал С.А. Котляревский, конституционный строй в аспекте правового государства, то основой этого строя является правило, что формальный закон есть акт, созданный с согласия народного представительства. Это приводит к другому правилу: лишь с согласия народного представительства может создаваться и изменяться правовая норма – всякие из этого исключения должны быть особо оговорены в конституционном или обычном законе [7, стр. 384].

Отсюда следует, что совершенно определенная юридическая грань разделяет представительство конституционное и совещательное. Можно убедительно доказывать, что введение последнего существенно повлияет на жизнь государства. Юридически, верховенство закона останется здесь столь же мало обеспеченным, как и при чистом абсолютизме. А так как это верховенство есть основное требование правового устроения государства, то последнее в настоящее время невозможно без представительства, участвующего в осуществлении законодательной власти. И если это относится ко всяким общим нормам, то особенно необходимо участие народного представительства при изменении старых и создании новых прав и обязанностей, принадлежащих физическим и юридическим лицам. Законодательные полномочия современных парламентов, несмотря на неизменность относящихся сюда конституционных текстов, ограничиваются растущей для них необходимостью считаться с национальным мнением и мнением компетентных и заинтересованных организаций и лиг [6, стр. 257].

Важно противопоставить парламентскому произволу право сопротивления граждан. Воздержание от этого произвола до известной степени обеспечивается лишь периодическими возобновлениями палат и давлением общественного мнения: но сама эта обязанность парламента все более и более рассматривается как правовая, а не только моральная, и, несомненно, такая новая точка зрения отражает принцип правового государства, который не может оправдывать парламентского абсолютизма. Можно предполагать, что и само верховенство закона в будущем получит выражение, значительно отличающееся от того, которое ему дается в рамках классического конституционного государства, что в законе гораздо понятнее будет отражаться народное мнение как равнодействующая интересов, стремлений и идеалов, присущих членам и группам данного общества. Но путь к этому будущему законодательству все же идет через действительное конституционное представительство, и только через него. Вторая общепризнанная функция народного представительства – бюджет; периодическая смета государственных доходов и расходов должна проходить через народное представительство. Правовой смысл этого требо-

вания ясен: финансовые жертвы, требуемые с населения, могут быть устанавливаемы лишь с его, косвенного хотя бы, согласия и ради целей, на которые это согласие дано. Такой порядок совершенно обычен в конституционном государстве, но юридическая природа бюджетного права вызывает большие споры, которые связаны с его двойственным характером: материально бюджет есть акт управления, формально – акт законодательный.

В современном конституционном государстве формально бюджет есть закон, т. е. его создание требует тех же самых условий, что и создание закона; он как бы признается одинаковым по важности с законами актом. Отсюда неправомерность всякого бюджета, который применяется без парламентского утверждения. Материально бюджет есть акт управления. Отсюда правовая недопустимость изменения законов в бюджетном порядке – изменения путем отказав средствах, без которых наличный закон не может действовать. Гарантии против злоупотреблений бюджетным правом оказываются односторонними и не только с точки зрения целесообразности, но и права. Право парламента рассматривать и санкционировать бюджет, по-видимому, предполагает и право его отклонить. В действительности, такое отклонение нельзя признать правомерным. Подобный акт приостанавливает ход всего государственного аппарата, часть которого составляет и парламент. [6, стр. 262].

Как разрешаются эти бюджетные антиномии с точки зрения правового государства? Лишь признанием, что народное представительство не может принять своих бюджетных правомочий иначе, как в смысле осуществления актов государственного властвования и соответственно должно ограничивать себя, применяя эти правомочия. В этом правовом самоограничении, ожидаемом от парламента, нет чего-либо исключительного. Конституционные обязанности высших государственных органов остаются обязанностями правовыми, хотя бы нельзя было вынудить их исполнения, хотя бы против их нарушения не существовало никакого ракурса. Правовое государство требует не только известных объективных норм, без которых не может осуществляться верховенство права, оно требует точного соблюдения определенных правовых процедур со стороны представителей власти вообще, и особенно со стороны высших государственных органов. Например, отклонение бюджета всегда означает глубокий и болезненный правовой кризис, и поскольку режим парламентаризма, политической солидарности представительства и правительства предупреждает подобный конфликт, он в этом отношении имеет чисто правовое преимущество.

Третья основная отрасль парламентской деятельности – контроль над управлением, также весьма давнего происхождения, как и давняя потребность, предупреждать злоупотребления власти. История сословных штатов в различных странах Европы дает множество примеров подобных стремлений у сословий и их представителей следить за управлением страны. В немецких территориях особенно развился институт жалобы, приносимой сословными чинами влиятельному князю на действия местных властей. Институт, который перешел и в ранние немецкие конституции и встретил сочувствие сторонников монархического принципа.

В современном государстве эта контролирующая деятельность парламента тем важнее, чем неизбежнее в нем усиление правительственной власти, держащей в своих руках нити законодательной и бюджетной работы. Сюда относятся такие акты парламента, как запросы, учреждение следственных комиссий и т. п. Их правовой смысл совершенно ясен: если парламент участвует в осуществлении законодательной власти, он не может быть равнодушен. Если бы мы захотели классифицировать современные конституционные государства по тому признаку, который в наибольшей степени отражается на всей их жизни, на всем осуществлении конституционного принципа, едва ли мы могли бы найти что-нибудь более существенное, чем наличие или отсутствие так называемой политической ответственности министров.

Прежде всего, нужно установить содержание понятия. Парламентаризм, нам кажется, может быть с достаточной точностью определен таким образом: это есть режим обязательной политической солидарности между правительством и органами власти. Понятие политической солидарности гораздо яснее и, что особенно важно, точнее, чем обычно применяемое здесь понятие политической ответственности. Какая может быть ответственность там, где нет ни вины, ни профессионального риска.

Парламентарный строй в Англии вырос исто-

рически без малейшего влияния каких-нибудь отвлеченных доктрин или теорий, вырос постепенно так, что его трудно приурочить к какой-нибудь хронологической дате. Долго он не составлял части английской конституции, не был закреплен ни в одном законодательном акте; ни кабинет, ни глава его не имели никакого официального существования. Несомненно, в сложившемся парламентарном строе обязательность солидарности представительства и правительства есть обязательность правовая, а не только морально-политическая. Важно, что при сложившемся парламентарном строе указанная солидарность признается условием правомерного существования правительства, равным по своей обязательности другим конституционным нормам. Трудность состоит в том, что между чистым парламентаризмом и чистым дуализмом существует ряд постепенностей, и не всегда бесспорно объективно могут здесь быть проведены грани.

Парламентаризм предполагает солидарность правительства не с партиями, а с представительством, которое, конечно, и в парламентарных и в непарламентарных странах разделяется по партиям; но само представительство в современном парламентаризме рассматривается как авторитетное выражение народного мнения, а вовсе не как привилегированная и безответственная корпорация; поэтому от него можно апеллировать к избирателям. Основной принцип парламентаризма – требование солидарности правительства с органом или органами, которые признаются авторитетными показателями народного мнения, – находится в полном соответствии с принципом правового государства: здесь в возможной мере устранима противоположность между природой государственной власти и предъявляемыми к ней извне требованиями правового самоограничения. Пусть парламентаризм не есть господство партий; но, заставляя власть следовать за общественными силами, он превращается в господство классов, т. е. в господство более сильных над более слабыми. Парламентаризм способен отражать всякие классовые взаимоотношения – и ожесточенную их борьбу, которая едва сдерживается в пределах легальности, и достигнутую социальными реформами относительную степень согласия, и беспощадную в преследовании своих интересов олигархию, и подлинную, проникнутую уверенностью в своих силах, демократию. И если право беспартийно, никак нельзя сказать, что оно может быть совершенно оторвано от этих общественных взаимоотношений, которые отражаются необходимым образом и в парламентарном строе.

Ни право, ни государство нельзя мыслить, находясь вне социальной среды, отмечал С.А. Котляревский, хотя ученый в своих рассуждениях нередко игнорирует собственный постулат. Он ссылается на то, что существуют сомнения в способности парламента создать сильную власть: эта власть здесь привязана к общественным классам и политическим партиям, а такое ограничение отнимает у нее самостоятельность и энергию, превращает ее в простое отражение сменяющихся общественных настроений. Связь с общественными классами есть в то же время связь с национальным доверием, другую сторону которого составляет ответственность: то и другое суть несомненные гарантии равновесия между государственной властью и общественным правом [6, стр. 264].

Изменения в правительстве могут совсем не затрагивать того административного аппарата, при помощи которого удовлетворяются ежедневные, так сказать, потребности государственной жизни. Напротив того, при парламентаризме легче разделить правительство, связанное этой обязательной политической солидарностью, и управление, решающее технические задачи.

Правовое государство в современном понимании, предоставляя органам управления всю инициативу и весь простор, соответственный их расширяющимся задачам, ожидая от них напряженной энергии, требует лишь подзаконности и ответственности этих органов. Подзаконность не нуждается в пояснениях: ее обязательность признается еще до перехода к конституционному строю. Но лишь в последнем, закон получает точное формальное отличие от административного акта. Правовое государство невозможно без местного самоуправления. Степень широты самоуправления в пределах данного государства есть один из самых главных признаков того, насколько оно способно осуществлять принцип правового государства. Не будет преувеличением сказать, что в современной обстановке местное самоуправление есть такая же необходимая предпосылка этого осуществления, как и конституционный строй. Указанному принципу отвечает лишь контроль над действиями местных органов,

но ему противоречит контроль за целесообразностью, ибо такой контроль нарушает саму природу самоуправления.

Совершенно ясно, какое место в современном государстве, стремящемся к подобному воплощению, принадлежит суду. В порядке историческом – это первый государственный орган, в котором явственно сказалось начало правового самоограничения. Даже в эпоху законченного абсолютизма судебная власть пользуется известной самостоятельностью. Поэтому при переходе к конституционализму суд обычно менее всего изменяется в своем положении. Из принципа правового государства вытекает требование независимости суда, которое выражается, прежде всего, в судебной несменяемости.

В развитие этой позиции следует требование подсудности всех лиц «общему суду», как выражение равенства перед законом. Можно, так или иначе, оценивать суд присяжных – наиболее сильные доводы в его пользу скорее политического, чем судебного характера – но раз он является в данном государстве «общим судом», всякие отклонения от него суть ограничения правового принципа, нуждающиеся, разумеется, не в простых ссылках на государственную необходимость, которыми здесь так легко злоупотреблять, а в весьма веских оправданиях. Чаще всего, это умаление правового статуса проявляется в расширенной юрисдикции военных судов – и не случайно во многих конституциях это расширение обставляется особыми конституционными гарантиями. Ясно, что принцип правового верховенства требует возможности для судьи проверять закономерность актов исполнительной власти.

Мы разбирали различные элементы в устройстве современного государства, как они представляются в свете идеи правового государства. Но остается еще огромный вопрос о его деятельности – не о ее форме, а самом ее содержании. Ценность всякой социальной организации, в конце концов, познается по этому содержанию. Между тем у многих слова «правовое государство» вызывают представление, будто единственной здесь целью является поддержание правопорядка и что вообще для него характерна решимость, как можно более ограничить вмешательство в жизнь членов государственного союза. Правовым признаем мы государство, писал С.А. Котляревский, не по тому, что оно делает, а по тому, как оно действует. Поэтому с правовым государством совместимы и самые широкие программы социальной политики. Надо помнить, что осуществление права есть форма, а не содержание государственной деятельности, поэтому оно и не составляет особой цели государства [6, стр. 264]. Из начал правового верховенства вытекает лишь требование равенства перед законом и уважение к субъективным правам – единоличным и коллективным. Здесь открывается широкий простор, и каждая эпоха заполняет его по-своему.

Из принципа правового государства далее вытекает равноправие в смысле предоставления известного минимума субъективных прав каждому члену государственного союза, против которого нет веских моральных и правовых презумпций. Особенно резко он нарушается неравноправием сословным и национальным, для отдельного гражданина, связанное с принадлежностью его к данному сословию или данной национальности. Один из самых ярких примеров такого неравноправия представляет правовое положение евреев в России. Из этого, однако, не следует равноправия национальностей в том смысле, что отдельные национальные группы должны занять в государстве одинаковое положение: провозглашать такое равенство между неравными по численности и по культуре группами было бы просто бесполезным делом.

Правовое обоснование может иметь только признание за каждой народностью минимума национально-культурной свободы, которая особенно сказывается в области языка. Установить равновесие между обеспечением интересов государственного языка, выражающего государственное единство, и культурными потребностями различных национальных групп, есть дело великого законодательного такта, и возможно это лишь путем текущего законодательства, а не путем общих провозглашений.

Главнейшую задачу правового государства С.А. Котляревский видел в уважительном отношении к правовой личности всякого члена государственного целого и союза этих членов, хотя государственная политика не может определяться исключительно этой заповедью. Она всегда идет по равнодействующей: но чем более в ней запечатлелось это уважение, тем высшую ступень занимает данное государство на лестнице правовых организаций [6, стр. 297].

Государство, например, не имеет права оставаться равнодушным к тому, что благосостояние его граждан опускается ниже известного уровня. И если признание этой связанности еще не входит отчетливым признаком в образ государства как признание гражданской свободы и равноправия, если правовым может оставаться государство, значительно отставшее в области социальной политики, то в будущем, расширенные социальные возможности поведут к расширенному пониманию принципа правового верховенства. Простое уважение к правовой личности одного члена государственного целого или союза этих членов неизбежно приводит к положительной заботе об их благосостоянии. Мы рассмотрели, писал С.А. Котляревский, воплощение принципа правового государства в рамках современного конституционализма, как раньше рассматривали его в рамках уже отошедших в прошлое политических организаций. Здесь для нас должна стать еще более ясной невозможность отождествить этот принцип с каким-нибудь из этих его воплощений, например, поставить знак равенства между ним и государством конституционным. В конце концов, правовое государство выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности. Правовое государство относится к миру идей, но идей, неизменно осуществляющихся и преобразующих факты.

В заключение следует отметить, что С.А. Котляревскому удалось глубоко проанализировать как исторические предпосылки возникновения правового, конституционного государства, так и наиболее сложные теоретические вопросы, связанные с формированием его элементов и функционированием. Для современных правоведческих исследований развитие этих аспектов теоретических построений ученого по-прежнему является актуальным.

Примечания

* См. Вопросы философии и психологии.1905.Кн.6 (76); 1906.Кн.3 (83).Исторический вестник. 1902. №4,6; Научное слово.1905. Кн.2,3; Свобода и культура.1906. №5,6.

** «Падение права» в данном выражении следует, по нашему мнению, понимать, с одной стороны, как сокращение сферы действия естественного права, обычного права, а с другой, стремление к узурпации права государственными органами и должностными лицами в условиях авторитарного государства.

Список литературы

1. Архив издательства «Огни» // Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. – Ф.212. – Д.113. – Л.1-8.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб.: Юридический центр Пресс. 2004. – 752 с.
3. История политических и правовых учений XX в./ Отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Наука.1995. – 347 с.
4. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление // Вопросы права. – 1911. – Кн. VIII (4).
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1898.
6. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Фонд «Университет»; Лань, 2001. – 368 с. – (Мир культуры, истории и философии).
7. Котляревский С.А. Избирательный закон // Полярная звезда. – 1906. – № 6.
8. Котляревский С.А. Конституционное государство: Опыт политико-морфологического анализа. – СПб., 1907.
9. Котляревский С.А. Обязательный мандат // Свобода и культура. – 1906. – № 5.
10. Котляревский С.А. Письмо Н.М. Минскому, где сообщается о характере работ последнего времени // Институт русской литературы… // Фонд З.А. Венгеровой. – Ф.39. – Д. 252. – Л.1-2.
11. Котляревский С.А. Политика и культура // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. IV(84).
12. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М., 1993.
13. Котляревский С.А. Предпосылки демократии // Вопросы философии и психологии –.1906. – Кн.77.
14. Котляревский С.А. Программа для испытаний по государственному праву для слушателей экономического отделения (1914-1915) Московского коммерческого института. – М., 1914.

15. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма. – М., 1913.
16. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник для вузов по специальности 021100 – Юриспруденция. – М.: Проспект, 2005. – 768 с.
17. Нерсесянц В.С. История буржуазного конституционализма в XIX в. – М.: Наука. 1986. – 279 с.
18. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. – М.: Норма, Инфра-М. 1999. – 832 с.
19. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.1910.
20. Полное собрание законодательства Российской империи.– 1906. – Т.XXVI. – Ст. 27805/4.
21. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Дрофа, 2003.
22. Твердохлеб М.А. Указная законность, или указ вне законности. – М., 1999.
23. Философский словарь / Сост. Г. Шмидт. – М.: Республика, 2003. – 575 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ЛЫСОВА Галина Константиновна,
магистр юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: galinalysova@bk.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

СОГЛАСИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ НА ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация. *Рассматривается взаимное добровольное согласие мужчины и женщины как основное условие заключения брака. Анализируется законодательная регламентация данного условия в различных государствах. Приводятся примеры из практики по материалам Европейского Суда по правам человека, отмечается тенденция мирового сообщества к легализации однополых союзов лиц.*

Ключевые слова: *брак; взаимное согласие; принцип добровольности; однополые браки.*

LYSOVA G.K.

THE CONSENT OF THE MAN AND THE WOMAN TO THE INTRODUCTION INTO MARRIAGE AS THE PRECONDITION AND A CONDITION OF ITS CONCLUSION

The summary. *The mutual voluntary consent of the man and the woman as the basic condition of a marriage is considered. The legislative regulation of the given condition in the various states is analyzed. Examples from practice on materials of the European Court under human rights are resulted, the tendency of the world community to legalisation of the unisex unions of persons is marked.*

Key words: *marriage; a mutual consent; a voluntariness principle; unisex marriages.*

Основными материальными условиями вступления в брак, установленными большинством национальных нормативно-правовых актов различных государств, а также международными нормативными предписаниями, являются:

а) взаимное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак (т.е. выраженное сознательно, свободно и добровольно);
б) достижение ими брачного возраста.

Два этих условия и формируют систему обязательных условий заключения брака, предусмотренных семейным законодательством Российской Федерации.

Традиционно в семейно-правовой доктрине

«условия заключения брака подразделяются на положительные и отрицательные, под первыми подразумеваются обстоятельства, существование которых необходимо для заключения брака (ст.ст. 12, 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)), а под вторыми – обстоятельства, отсутствие которых делает возможным его заключение (ст. 14, п. 3 ст. 15 СК РФ)» [26]. Д.И. Мейер считал, что это деление не имеет практического значения, потому что значение условия для брака нисколько не зависит от положительного или отрицательного его характера, некоторые положительные условия, будучи нарушенными, влекут за собой недействительность брака точно так же, как и некоторые отрицательные, тогда как нарушение других положительных и отрицательных не влечет недействительность брака [24, стр. 715].

Действующий в настоящее время СК РФ, а именно п. 1 ст. 12, устанавливает, что для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. Таким образом, взаимное добровольное согласие мужчины и женщины на вступление в брак признается российским законодательством в качестве одного из материальных условий для заключения брака. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации и международные правовые нормы исходят из того, что одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей. На это же обращается внимание в отечественной литературе о традиционной российской семье [3; 4; 6; 8; 11; 19; 20; 27; 29; 38]. Учитывая изложенное, а также национальные традиции отношения к браку как социобиологическому союзу мужчины и женщины, СК РФ устанавливает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии, в частности, с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (ст. 1 СК РФ).

Таким образом, федеральный законодатель в рамках предоставленной ему компетенции к условиям заключения брака отнес взаимное добровольное согласие мужчины и женщины. Ни из Конституции Российской Федерации, ни из принятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола, при том что само по себе отсутствие такой регистрации никак не влияет на уровень признания и гарантий в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина. В то же время для нашего Отечества социальной ценностью выступает традиционная российская семья, базирующаяся на браке мужчины и женщины. Однополые же браки для нас не выступают общественной ценностью; то скорее для России псевдоценность, и она характерна для западноевропейских государств и США [7; 9; 12; 16; 17; 18; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 40].

Аналогичным образом условия заключения брака определены и закреплены законодательно в России в ст. 12 СК РФ. Полагаем, что целью обозначенных законодательных установлений является обеспечения прочности порождаемых брачно-семейных правоотношений и стабильности заключаемого брака на будущее.

По справедливому определению Л.М. Пчелинцевой, «условия заключения брака – это обстоятельства, наличие которых необходимо, чтобы брак имел правовую силу», а их соблюдение обеспечивает законность заключенного брака» [28, стр. 87].

Первое материальное условие, касающееся взаимного согласия лиц, вступающих в брак, является одним из фундаментальных базовых принципов не только института брачно-супружеских отношений, но и всего семейного права, гарантированным не только национальным законодательством, но и различными международно-правовыми актами. Так, п. 2 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека закрепляет, что брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон. Подобные правила установлены и в других международных соглашениях (например, п. 1 ст. 10 Международного пакта Об экономических, социальных и культурных правах [23]; п. 3 ст. 17 Американской Конвенции о правах человека [5]).

Указанный принцип добровольности заключения брака является одним из значимых достижений современного права. Здесь заслуживает отдельного внимания приводимое в литературе обоснование значимости данного условия. Воля лиц, вступающих в брак, должна быть выражена независимо и беспрепятственно, без психологи-

ческого или физического насилия; какое-либо произвольное ограничение волеизъявления недопустимо. Вместе с тем, право любого государства определяет условия, необходимые для заключения брака, и обстоятельства, препятствующие вступлению в брак. Данное положение является важным завоеванием современного мирового сообщества. Истории человечества известны периоды, когда браки совершались помимо воли брачующихся или одного из них, как правило женщины, браки-сделки заключались между семьями жениха и невесты задолго до достижения ими брачного возраста. Одним из аспектов данной проблемы является наличие у лица, сочетающегося браком, душевной болезни или слабоумия, в связи с чем, данное лицо не способно адекватно оценивать свои действия и их правовые последствия [21, стр. 45].

В большинстве зарубежных государств также предусматривается добровольность вступления в брак, которая выступает одним из основных и обязательных его условий. В отдельных странах указанное правило имеет конституционное закрепление, например, в Испании и Португалии.

Весьма показательна и специфична регламентация данных отношений в Китае применительно к институту брака и семьи, а именно, в Уголовном кодексе КНР содержатся составы преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за вмешательство путем насилия в осуществление свободы брака третьими лицами (ст. 257 УК КНР), повторное вступление в брак при наличии супруга (супруги) или вступление в брак с лицом, заведомо состоящим в браке (ст. 258 УК КНР) [39].

Во Франции действует правило «нет брака, если нет согласия» (ст. 146 ГК Франции). Германское гражданское уложение предусматривает личное заявление брачующихся о желании заключить брак, которое невозможно под условием (§ 1311, 1312).

В соответствии со ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности. Аналогично российскому семейному законодательству, по мнению исследователей, белорусское в качестве условий заключения брака предусматривает взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака [10, стр. 528; 21, стр. 45].

Мусульманское право аналогично гарантирует свободу воли при заключении брака. Волеизъявление выражают обе стороны или их представители при свидетелях. Помимо обоюдного объявления согласия при совершении акта бракосочетания требуется предварительное согласие женщины, желающей вступить в брак. Это согласие выражают совершеннолетние и находящиеся в здравом уме. По попечению можно отдавать замуж только тех дочерей, которые слабоумны и не способны управлять собою [22, стр. 58].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 12) закрепляет, что мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

За мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью при удовлетворении условий, предусмотренных внутренним законодательством, с учетом того, что такие условия не затрагивают принцип недискриминации, установленный в конвенции (п. 2 ст. 17 Американской Конвенции о правах человека).

В отличие от действующего СК РФ, устанавливающего «взаимное согласие мужчины и женщины», в предыдущем КоБС РСФСР для заключения брака требовалось «взаимное согласие лиц», вступающих в брак. Очевидно, что употребление в прежнем законе общего понятия «лица» вполне может быть объяснено тем, что заключение брака возможно только между мужчиной и женщиной как естественный (биологический) союз, следовательно, именно такое соглашение является единственно приемлемым вариантом его заключения. Поэтому для обозначения субъектов брачного правоотношения: мужчины и женщины, законодатель применил формальное понятие «лицо».

Таким образом, законодательством Российской Федерации, которое, является приоритетным при решении вопросов заключения браков, не предусмотрена возможность регистрации брака между лицами одного пола, что вполне оправ-

данно. Иной подход ряда европейских государств, допускающий заключение однополых браков, не может оказывать влияния на государственную политику Российской Федерации в области семейных отношений, основные начала которой базируются, в частности, на принципе противоположности полов лиц, вступающих в брак, исходящим из отношения к браку как биологическому союзу только мужчины и женщины, и не допускающим нахождения в браке лиц одного пола [2].

Рассмотрим пример из практики по материалам Европейского Суда по правам человека. По делу обжаловалась жалоба на отказ органа записи актов гражданского состояния в заключении гражданского брака либо зарегистрированного партнерства между заявителями, являющимися гомосексуальными парами.

Заявители, две гомосексуальные пары, обратились в отдел записи актов гражданского состояния с заявлениями о заключении брака, добавив, что, если им не будет разрешено жениться, они хотели бы обратиться с заявлениями о заключении зарегистрированного партнерства, но только если оно заключается в отделе записи актов гражданского состояния. Их заявления о заключении гражданского брака были отклонены, поскольку согласно Гражданскому кодексу Австрии гражданский брак может быть заключен только двумя лицами противоположного пола. Отдел записи актов гражданского состояния также отклонил их заявление о заключении зарегистрированного партнерства, так как заключение зарегистрированного партнерства может быть произведено только в районной администрации органа. Заявители безуспешно обжаловали это решение в административные органы и внутригосударственные суды.

Заявители жаловались в соответствии со статьей 14 Конвенции Конвенция о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, что они подверглись дискриминации по признаку своей сексуальной ориентации, поскольку зарегистрированные партнерства (заключение которых открыто исключительно для однополых пар) заключаются в районных администрациях, а гражданский брак (который может быть заключен только двумя лицами противоположного пола) заключается в отделе записи актов гражданского состояния.

Жалоба коммуницирована властям государства-ответчика в контексте статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции [13].

Как представляется, весьма важно учитывать традиции, особенности правосознания населения, его социальной психологии, менталитета, правовой культуры. Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос, касающийся отказа в регистрации заключения брака между лицами одного пола и невозможности заключения брака между лицами одного пола, а также между мужчиной и двумя женщинами (невестами), подчеркнул, что семья как социальный институт, прежде всего, создается для рождения и воспитания детей. В преамбуле Конституции РФ отмечается, что ее принятие продиктовано ответственностью народа за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями и государственной защитой семьи, материнства и детства. Из этого следует, что семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства [25, стр. 25].

Несмотря на наличие традиций в южных регионах России относительно многоженства, Конституционный Суд РФ четко определил, что не допускается заключение брака одновременно с двумя женщинами (невестами), поскольку такая государственная регистрация противоречит, в частности, статье 12 Семейного кодекса Российской Федерации. Российская Федерация является светским государством, а потому те или иные религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов, иной подход к решению этого вопроса в ряде других государств, не могут оказывать влияния на государственную политику в области семейных отношений, основные начала которой характеризуются, в частности, принципом единобрачия (моногамией), исходящим из отношения к браку как биологическому союзу только одного мужчины и одной женщины, что не допускает одновременного нахождения в нескольких браках [1].

Вместе с тем, в настоящее время в мировом сообществе отчетливо проявилась тенденция к одобрению однополых союзов лиц, что с неизбежностью привело к появлению, и, в дальнейшем, к увеличению числа стран, в законо-

дательстве которых такие союзы легализованы (США, Дания, Норвегия, Швеция, Франция, Германия и др.).

В ЕСПЧ была подана жалоба на отсутствие юридического признания брачных партнерств лиц одного пола. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Заявители – три пары, живущие в стабильных однополых отношениях, которым не разрешалось публиковать объявления о предстоящем бракосочетании, поскольку Гражданский кодекс Италии предусматривал, что супруги должны быть противоположного пола. После обжалования со стороны первой пары суд второй инстанции обратился в Конституционный суд Италии с запросом по поводу конституционности соответствующего законодательства. В апреле 2010 года Конституционный суд признал жалобу заявителей неприемлемой для рассмотрения по существу и сделал вывод, что право на вступление в брак, как оно гарантировано Конституцией Италии, не распространяется на гомосексуальные союзы и предназначается для обозначения брака в его традиционном понимании. В то же время Конституционный суд указал, что это парламент должен регулировать во времени и средствами и в сроки, установленные законом, юридическое признание прав и обязанностей, относящихся к однополым парам. Соответственно, жалоба была отклонена.

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Европейский Суд уже устанавливал предыдущих делах, что отношения сожительствующих однополых пар, живущих в стабильных партнерских отношениях, де-факто подпадают под понятие «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции. Европейский Суд также признавал, что однополые пары нуждаются в правовом признании и защите их отношений, как подчеркивали Парламентская Ассамблея и Комитет министров Совета Европы.

Европейский Суд считает, что правовая защита, в настоящее время доступная в Италии однополым парам, не обеспечивает основных потребностей соответствующих пар в стабильных серьезных отношениях. Начиная с декабря 2013 года однополые пары получили возможность заключать «соглашения о сожительстве», которые, однако, имеют довольно ограниченную сферу применения. Они не обеспечивали некоторых базовых потребностей, имеющих основополагающее значение для регулирования стабильных отношений между лицами, составляющими пару, таких как взаимная материальная поддержка, алиментные обязательства и наследственные права. Кроме того, такие договоренности были открыты для всех совместно проживающих лиц, что означало, что они не в первую очередь направлены на защиту пары. Вместе с тем они требуют от соответствующей пары состоять в гражданском браке, в то время как Европейский Суд уже признал, что сожительство не является условием существования стабильного союза между партнерами, учитывая, что многие пары – будь то в браке или в зарегистрированном партнерстве -переживали периоды, в течение которых они поддерживали свои отношения на большом расстоянии, например, по профессиональным причинам.

Следовательно, существует противоречие между социальными реалиями заявителей, живущих открыто как пары, и не предоставление им в законе официального признания их отношений. Европейский Суд не счел особенно обременительными для властей Италии обеспечить признание и защиту однополых союзов и находит, что форма гражданского союза или зарегистрированного партнерства позволит им иметь юридически признанные отношения, что будет иметь непреходящую ценность для соответствующих лиц.

Европейский Суд далее отметил тенденцию среди государств – членов Совета Европы в движении в направлении правового признания однополых пар, и уже 24 из 47 государств-членов приняли законодательство в пользу такого признания. С учетом вышеизложенного Европейский Суд заключил, что власти Италии не выполнили свое обязательство обеспечить, чтобы у заявителей были в распоряжении специальные правовые нормы, регулирующие обеспечение признания и защиты их союза. Дабы установить обратное, Европейский Суд должен был бы не принимать во внимание изменяющиеся условия в Италии и не желать применять Конвенцию в том смысле, который практичен и эффективен [14].

Семейное законодательство РФ абсолютно оправданно исключает браки между однополыми лицами, что отразилось в конкретизации

условий заключения брака и уточнения субъектов брачных правоотношений. Исходя из смысла п.1 ст.12 СК РФ, «для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак» т.е. брак может быть заключен между представителями противоположных полов, а разнополость лиц, вступающих в брак, имеет самостоятельное юридическое значение как составляющая обязательного условия заключения брака.

Итак, первым необходимым условием заключения брака является «взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак» (ст.12 СК РФ). Обоюдная воля лиц на заключение брака должна быть выражена лично, т.е. непосредственно исходить от лиц, сочетающихся браком, свободно и независимо. Соблюдение данного требования дает возможность должностным лицам органа ЗАГС удостовериться в подлинной добровольности желания мужчины и женщины заключить брак.

Традиционно, в соответствии с современным развитием цивилистической доктрины, взаимное согласие на вступление в брак рассматривается как согласованное встречное волеизъявление будущих супругов, направленное на возникновение брачного правоотношения, что свидетельствует об обоюдной осознанной готовности совместно создать семью.

Добровольное и взаимное согласие мужчины и женщины на вступление в брак проявляется в подаче их совместного письменного заявления о заключении брака в орган ЗАГС, выражается путем их личного присутствия и устного словесного подтверждения согласия непосредственно в процессе государственной регистрации заключения брака и закрепляется личными подписями в книге регистрации актов гражданского состояния, что является одной из гарантий соблюдения принципа добровольности заключения брака, установленного в п.3 ст.1 СК РФ.

Свободное личное волеизъявление и взаимность согласия определяется и тем, что каждый из будущих супругов имеет желание и намерение заключить брак не с любым представителем противоположного пола, а с конкретным человеком, указанным в совместном заявлении, поданным в орган ЗАГС. Л.М. Пчелинцевой в отношении волеизъявления брачующихся справедливо отмечено, что это – «свободное, осознанное волеизъявление заключить союз с конкретным человеком, намерение создать с ним семью, приобрести права и обязанности супругов» [28, стр. 88].

Желание, согласие и воля людей, решивших связать себя «брачными узами», должны быть сформированы свободно, осознанно и самостоятельно каждым из них, без воздействия постороннего влияния или принуждения со остороны иных лиц, которое может быть инициировано родителями, родственниками, иными лицами. В данном вопросе принципиальным моментом является отличие советов, наставлений, имеющих рекомендательный характер, и действий, ограничивающих или исключающих свободный личный самостоятельный и осознанный выбор человека.

В ЕСПЧ по делу «Лашин против России» обжаловалась невозможность вступления в брак лиц, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства.

Исходя из материалов дела установлено, что заявитель страдает от шизофрении и в 2000 году был признан недееспособным. В 2002 году он и его невеста обратились в компетентный орган с целью регистрации брака. Однако им было отказано, поскольку статья 14 Семейного кодекса России запрещает заключать брак лицам, признанным судом недееспособными вследствие психического расстройства.

Жалоба признана приемлемой, что касается статьи 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции (принято единогласно).

Европейский Суд также признал приемлемой жалобу заявителя, что касается пунктов 1 и 4 статьи 5 и статьи 8 во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции [15].

Личный свободный выбор своего спутника жизни каждым из потенциальных супругов означает не только стремление к созданию семьи с этим человеком, но и отсутствие принуждения в каком-либо виде, как физического, так и психического. Принудительное воздействие на волю лица может происходить с помощью обмана, шантажа, угроз, иного давления в отношении человека, в результате чего волеизъявление лица будет не свободным и осознанным, а вынужденным.

Итак, принцип добровольности вступления в брак является основополагающим в современном действующем в семейном законодательстве РФ.

По общему правилу СК РФ не предусматривает согласия третьих лиц, включая роди-

телей (усыновителей, попечителей), на заключение брака. Поэтому их согласие или, наоборот, возражения против снижения брачного возраста не имеют какой-либо юридической силы. Они могут снизить брачный возраст с учетом интересов несовершеннолетних, достигших шестнадцати лет, и вопреки мнению их законных представителей. В соответствии с действующим законодательством, правоустанавливающее значение имеет только мнение желание самих будущих супругов.

В отношении определения правовой природы согласия мужчины и женщины на вступление в брак как предпосылки его заключения и обязательного условия необходимо сформулировать отдельные выводы.

1. Условия заключения брака определены императивно и закреплены законодательно в Российской Федерации в ст. 12 СК РФ. Полагаем, что целью обозначенных законодательных установлений является обеспечения прочности порождаемых брачно-семейных правоотношений и стабильность заключаемого брака на будущее.

2. Определены наиболее важные, существенные особенности материальных условий вступления в брак, которые состоят в следующем: 1) брачный возраст установлен с восемнадцати лет и равен совершеннолетию; 2) законодательством Российской Федерации, как и других государств предусмотрена возможность установления условий и порядка вступления в брак лицами, не достигшими возраста брачного совершеннолетия; 3) применение порядка вступления в брак лицами, не достигшими брачного возраста, возможно по заявлению таких лиц (лица); 4) национальное законодательство различных государств предусматривает различные материальные условия вступления в брак, основными из которых и гарантированными международными правовым актами являются добровольность и достижение брачного возраста.

3. Добровольность согласия желающих заключить брак означает, что волеизъявление лица к вступлению в брак не сформировано под влиянием незаконного воздействия на него со стороны иных лиц и обстоятельств, а само лицо находится в состоянии, при котором возможно осознанно анализировать происходящее и отдавать отчет своим действиям.

4. Добровольность предполагает не только отсутствие принуждения к заключению брака, но и наличие осознания лицами, вступающими в брак, характера совершаемых ими действий. Осознанный характер волеизъявления означает, что человек понимает значение своих действий и их последствий. При отсутствии данного признака, что возможно в результате сильного алкогольного, наркотического опьянения, воздействия определенных лекарственных препаратов, регистрация брака не должна производиться.

5. Доказана необходимость укрепления семьи, основанной на законном браке, повышения авторитета института зарегистрированного брака в современном обществе и сознании лиц, желающих создать семью посредством брачного союза. Считаем, что данное направление неизбежно приведет к постепенному изменению морально-нравственного состояния и брачно-семейных ценностей в сознании населения, осознании необходимости соблюдения законной процедуры заключения брака. Свободное, осознанное волеизъявление на его совершение должно основываться на истинной внутренней воле брачующихся.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязапова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
2. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 7 октября 2013 г. по делу № 33-2656/2013 // СПС Консультант Плюс; Апелляционное определение Липецкого областного суда от 18 ноября 2013 г. по делу № 33-3014/2013 // СПС Консультант Плюс.
3. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.

4. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
5. Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. // OAS Treaty Series № 36.
6. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
7. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – №4. – С. 181-188.
8. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
9. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
10. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. II. – М.: Международные отношения, 2006.
11. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
12. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
13. Информация о ЕСПЧ по делу «Диц и Суттасом (Dietz and Suttasom) против Австрии» (жалоба N 31185/13), «Херманн и Мосер (Hormann and Moser) против Австрии» (жалоба № 31176/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 10(160).
14. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 21.07.2015 по делу «Ольяри и другие (Oliari and Others) против Италии» (жалобы № 18766/11 и 36030/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 11(161).
15. Информация о Решении ЕСПЧ от 06.01.2011 по делу «Лашин (Lashin) против России» (жалоба № 33117/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 7.
16. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
17. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
18. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
19. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
20. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
21. Косарева И.А. Некоторые проблемы принципа добровольности заключения брака // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 45-48.
22. Манукян Ю.К. Современное семейное право Российской Федерации и шариат. – Ростов-на-Дону: АПСН, 2003. – 110 с.
23. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» (ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г.№ 4812-VIII)
24. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 830 с.
25. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 21-30.
26. Наумов Я.В. Право на заключение брака: проблемы правового регулирования условий и препятствия его заключения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 3. – С 135-139.
27. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10. – С.79-104.
28. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 688 с.
29. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013.

– № 12. – С. 104-110.
30. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
31. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
32. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
33. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
34. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
35. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
36. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
37. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
38. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
39. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: Принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г.
40. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

РАХИМЗОДА Рамазон Хамро
(Рахимов Рамазон Хамроевич),
министр внутренних дел Республики Таджикистан, профессор кафедры организации управления правоохранительной деятельностью Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Таджикистан, генерал-лейтенант милиции (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: rahimov50@inbox.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПОЛИТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В БОРЬБЕ С УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *Анализируются оперативно-розыскные мероприятия: прослушивание и запись телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; образование юридического лица, предусмотренные законодательством Республики Таджикистан. Приводятся условия и особенности проведения перечисленных мероприятий, правила оформления результатов.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие; Республика Таджикистан.*

RAKHIMZODA R.Kh.

THE OPERATIVELY-SEARCH POLICY AND OPERATIVELY-SEARCH ACTIONS IN STRUGGLE AGAINST CRIMINALITY

The summary*. Operatively-search actions listening and record of telephone conversations are analyzed; removal of the information from technical communication channels; operative introduction; controllable delivery; operative experiment; formation of the legal person, the Republics Tajikistan provided by the legislation. Conditions and features of carrying out of the listed actions, rules of registration of results are resulted.*

Key words: *the operatively-search policy; operatively-search activity; operatively-search action; Republic Tajikistan.*

Оперативно-розыскная политика реализуется в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые законодательно определены в Республике Таджикистан Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 марта 2011 г. (в редакции от 26 июля 2014 г.) [1]. Закон закрепляет следующие оперативно-розыскные мероприятия:

1) оперативный опрос;
2) наведение справок;
3) оперативный сбор образцов для сравнительного исследования;
4) личный сыск;
5) оперативная проверочная закупка;
6) оперативное исследование предметов, документов и иных объектов;
7) оперативное наблюдение;
8) оперативное отождествление личности и иных объектов;
9) оперативное обследование жилища, помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
10) оперативный контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
11) прослушивание и запись телефонных переговоров;
12) снятие информации с технических каналов связи;
13) оперативное внедрение;
14) контролируемая поставка;
15) оперативный эксперимент;
16) образование юридического лица.

Большинство из этих мероприятий мы рассмотрели в прежних своих публикациях [38; 39]. В данной статье мы рассмотрим оставшиеся оперативно-розыскные мероприятия.

Прослушивание иных переговоров (кроме телефонных) (сыскной контроль устных сообщений) – (вид контроля речи человека) – совокупность действий по конспиративному слуховому контролю (т.е. контролю речевой информации, включая тонально-эмоциональную) любых, кроме телефонных, переговоров (устного общения между двумя или более лицами) или односторонних устных сообщений (без использования ими электрических сетей), и, как правило, их фиксации с целью обнаружения сведений о преступной деятельности лица, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению задач ОРД.

Данная разновидность оперативно-розыскной деятельности дополняет такое оперативно-розыскное мероприятие, как прослушивание и запись телефонных переговоров [7; 8; 11; 12; 19; 20; 21; 22; 23; 27; 28; 48; 50].

Фонограммы, полученные в результате прослушивания иных переговоров хранятся в ОРО в опечатанном виде в условиях, исключающий возможность их прослушивания посторонними лицами.

В случае возбуждения уголовного дела в отношении лица, переговоры которого прослушиваются в соответствии с Законом об ОРД, фонограмма и бумажный носитель записи переговоров передаются следователю для приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол.

Прослушивание иных переговоров следует отличать от таких оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и снятие информации с технических каналов связи [32]. При проведении прослушивания иных переговоров санкция прокурора или судебное решение не требуется.

Результаты оперативно-розыскного мероприятия в виде прослушивание иных переговоров оформляются справкой, актом или сводками и при необходимости прилагается магнитные носители.

Снятие информации с технических каналов связи – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в получение, преобразование и фиксации с помощью технических средств различных открытой (незашифрованной) информации (видов сигналов), передаваемых по любым техническим каналам связи (телефакс, телетайп, селекторные и радиорелейные каналы передачи данных, компьютерные сети и др.), для решения оперативно значимых задач [13; 14; 15; 16; 17; 18; 24; 33].

Это мероприятие, проводиться только на основании ходатайству уполномоченного прокурора и санкции уполномоченного на то судьи.

В зависимости от конкретных условий и целей

снятие информации осуществляется гласно, негласно или зашифровано с использованием сил и средств органов национальной безопасности, органов внутренних дел, Агентства по контролю за наркотиками при Президенте РТ и Агентства по государственного финансового контроля и борьбе с коррупцией в порядке, определяемом Законом об ОРД, ведомственными нормативными правовыми актами и (или) соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [1] их специализированными подразделениями или непосредственно сотрудником оперативного аппарата – инициатора данного оперативно-розыскного мероприятия.

Порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия специализированными подразделениями и оформление его результатов регламентируются межведомственными и ведомственными нормативными актами.

Гласное снятие информации проводится непосредственно сотрудником оперативного подразделения с привлечением при необходимости добровольно содействующих ему лиц или специалистов. Если при этом зашифровывается цель снятия информации, обязательно участие представителя предприятия, учреждения, организации, от имени которых проводится мероприятие.

Результаты оперативно-розыскного мероприятия оформляются рапортом, справкой или актом. В случаях использования для снятия информации компьютерных дискет или иных носителей копированной информации, сведения об этом оформляются в виде приложений к ним или отдельных документов (справок, актов).

Носители информации, снятой с технических каналов связи, а также приложения к ним и отдельные документы могут использоваться в процессе доказывания по уголовным делам при условии сохранения государственной тайны.

Оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендированном вводе (продвижении) сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие, в преступную (криминальную) среду (например, в преступное сообщество или его окружение) и (или) в вербовке лица из числа членов объекта оперативного интереса, в целях разведывательного сбора информации, необходимой для решения оперативно значимой задач [6; 42; 43; 44; 45; 49].

В.И. Михайлов полагает, что оперативное внедрение – это осуществляемая в целях решения задач ОРД совокупность взаимосвязанных органов или лица, оказывающего ему содействие в решении возложенных на них задач, в преступное формирование и совершаемых им в составе преступного формирования общественного опасных действий (бездействия), хотя и имеющие все признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК, и причиняющие реальный вред, но вынуждено совершаемые с соблюдением установленных законодательством условий и пределов в целях пресечения деятельности преступных формирований [34, стр. 47].

Оперативное внедрение проводится на основании постановления, утвержденного руководителем оперативно-розыскного органа В постановлении обосновывается необходимость внедрения, имеющиеся возможности для его осуществления, решаемые при этом задачи, реферат письменных заданий внедряемому лицу для действий в экстремальных ситуациях и другие необходимые сведения.

Оперативное внедрение осуществляется с согласия внедряемых лиц.

Оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (то есть, гласных штатных сотрудников), за исключением негласных штатных работников, допускается только с разрешения руководителей органов, указанных в ч. 1 ст. 13 Закона об ОРД – руководителей правоохранительных органов.

В тактическом плане это мероприятие основано на установлении доверительных отношений между внедренным лицом и лицами, подозреваемыми в подготовке или совершении преступлений, и лицами, связанными с ними и обладающими оперативно-значимой информацией. Организация и тактика оперативного внедрения регламентируются ведомственными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В результате оперативного внедрения правоохранительные органы и спецслужбы имеют возможность получать необходимую информацию о членах преступной группы, наличии у них наркотиков (название, происхождение, количество, место хранения), преступных связях (в том числе из числа граждан иностранного государства), времени и способах (их маскировке)

поставок наркотиков, преступных намерениях. Для добывания сведений в ходе контактов с представителями криминальной среды так, чтобы они не знали, что в отношении них проводятся оперативно-розыскные мероприятия, применяется проникновение в эту сферу под легендой.

В процессе оперативного внедрения в целях конспирации могут использоваться документы, зашифровывающие личность внедряемых должностных лиц и лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также ведомственную принадлежность предприятий, помещений, используемых транспортных средств.

В процессе проведения оперативно-розыскного мероприятия в преступную среду могут внедряться:

- штатные негласные сотрудники;
- штатные сотрудники;
- лицо оказывающим оперативно-розыскным органам содействий на конфиденциальной основе;
- любой гражданин республики на добровольной основе.

Лица, внедренные в преступную среду, в том числе организованные преступные группы и организации, могут имитировать преступную деятельность. Однако в случаях, когда это неизбежно, допускается причинение ими вреда правоохраняемым интересам (то ест совершить общественно опасное деяние) при защите жизни и здоровья граждан и обеспечении безопасности общества и государства от преступных посягательств при условии, что они действуют правомерно (при юридической оценке в данном случае следует, прежде всего, руководствоваться положениями о необходимой обороне и крайней необходимости – ст.ст. 40 и 42 Уголовного кодекса РТ).

При оперативном внедрении причинение вреда признается правомерным если внедренное лицо:

- допускает такой вред при правомерном выполнении своего служебного или общественного долга, и если при данных обстоятельствах этот долг не мог быть выполнен иным образом;
- допускает такой вред при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

При соблюдении этих условий такое лицо не подлежит уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в уголовном законе, и в пределах процедур, закрепленных в уголовно-процессуальном и оперативно-розыскном законах.

Применительно к оперативному внедрению в Уголовном кодексе, например, кроме необходимой обороны и крайней необходимости, закреплены такие обстоятельства, как задержание лица, совершившего преступление, обоснованный риск, психическое или физическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения. При этом умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти лица, в рамках оперативно-розыскной деятельности по уголовному законодательству допустимо только в условиях необходимой обороны либо крайней необходимости.

Сведения о сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, внедренных в преступные формирования, окружение лиц, подозреваемых в преступной деятельности, составляют государственную тайну. Предание их гласности возможно только с их письменного согласия. Вывод лиц, внедренных в преступные формирования, осуществляется в рамках специальной операции, которая регламентируется специальным нормативным правовым актом.

Результаты оперативного внедрения оформляются рапортом оперативного работника или сообщением лица, конфиденциально содействующего органу, осуществляющему ОРД.

Контролируемая поставка – это оперативно-розыскное мероприятие, обеспечивающее контроль за перемещением (перевозкой, пересылкой) предметов, веществ, продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также предметов, товаров, грузов, денежных средств, находящихся в свободном обороте, но добытых преступным путем, сохранивших на себе следы преступления, орудия и средства совершения преступления и т. п. в целях получения информации, необходимой для решения задач ОРД* [26; 34].

В случае принятия решения о проведении контролируемой поставки, если государство, на чью территорию предусмотрен ввоз наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, является иностранным государством, то в Республике Таджикистан уголовное дело не возбуждается и о принятом решении немедленно информируется Генеральный прокурор Республики Таджикистан.

Контролируемая поставка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров также может проводиться в пределах территории Республики Таджикистан с ведома и под контролем органов (подразделений), имеющих право на проведение оперативно-розыскной деятельности [2].

Контролируемая поставка предметов, изделий, веществ, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД.

Контролируемые поставки разделяются на:

- внутренние (проводимые на территории РТ);
- внешние (осуществляемые на территориях нескольких государств в соответствии с порядком, установленным международными соглашениями и договорами);
- транзитные – (проводимые через территорию РТ на основании запросов государственных органов других стран).

В зависимости от тактики проведения контролируемые поставки разделяются на обычные (обнаруженные товары, вещества не изымаются до завершения операции) и «чистые» (с тем, чтобы не потерять контролируемые предметы или по соображениям безопасности в процессе оперативно-розыскного мероприятия они изымаются частично или полностью с подменой их муляжами, а предметы, представляющие повышенную опасность (взрывчатые вещества, вещества, служащие основой изготовления оружия массового поражения и т. п.) подлежат безусловной замене) [34, стр. 10, 11].

При проведении контролируемой поставки в ряде случаев осуществляются и другие оперативно-розыскные мероприятия – опрос, наблюдение, наведение справок, прослушивание телефонных переговоров и пр.

Проведение контролируемой поставки, наряду с Законом РТ об ОРД, также регламентировано ст. 227 Таможенного кодекса РТ, в которой предусмотрена возможность осуществления этого оперативно-розыскного мероприятия в отношении наркотических средств и психотропных веществ в целях пресечения их международного незаконного оборота.

В соответствии с ТК РТ, контролируемая поставка может быть использована и в отношении орудий и средств совершения преступлений, предметов, добытых преступным путем либо являющихся контрабандным товаром**.

Организация и тактика проведения контролируемой поставки регламентируются ведомственными нормативными актами.

Результаты контролируемой поставки оформляются рапортом, справкой, актом контролируемой поставки, объяснениями граждан, ее проведение может фиксироваться с использованием видеозаписи, фото- и киносъемки.

Все носители информации о контролируемой поставке могут использоваться в процессе доказывания, за исключением тех, которые получены при участии лиц, оказывающих органам, осуществляющим ОРД, конфиденциальное содействие.

Оперативный эксперимент – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в искусственном создании негласно контролируемой ситуации, условия которой способствуют проявлению преступных намерений оказавшихся под наблюдением лиц, пресечению их преступных действий и задержанию с поличным [5; 10; 25; 40; 41; 46].

Проведение оперативного эксперимента допускается на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжкого и особо тяжкого преступления, а также виновных в этом лиц.

Условия, созданные для проведения оперативного эксперимента:

- не должны провоцировать оказавшееся в контролируемой ситуации лицо на совершение преступлений;
- должны быть, как минимум, двухвариантными, т. е. оставлять ему свободу выбора между преступным и правомерным поведением;
- должны исключать опасность для жизни и здоровья контролируемого лица и отдельных лиц, привлеченных с их согласия непосредственно к участию в эксперименте, и быть минимально опасными для проводящих эксперимент сотрудников оперативно-розыскных подразделений;
- должны исключать неизбежность причинения вреда, который влечет необратимые, общественно опасные последствия;

- не должны унижать честь и достоинство, быть оскорбительными для участников эксперимента.

Оперативный эксперимент может иметь целью выявление неизвестных преступников, совершающих, в частности, серийные преступления, путем применения «приманок» и «ловушек» (например, женщин, в одиночестве находящихся в безлюдных местах в вечернее и ночное время, наркоманов, пытающихся приобрести наркотическое средство, вещей, оставленных в автомобиле, и т.п.) и лиц, в отношении которых уже есть обоснованные подозрения (во взяточничестве, сбыте наркотических средств и психотропных веществ, торговле оружием, мошенничестве, незаконных операциях с валютой и др.).

Если в ходе оперативного эксперимента контролируемое лицо совершило преступление, оно в зависимости от обстоятельств задерживается с поличным или (и) его действия фиксируются с применением кино-, фото-, аудио-, видеосъемки. Соответственно результаты оперативного эксперимента могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, процессуального задержания и привлечения к уголовной ответственности контролируемого лица.

Организация и тактика оперативного эксперимента регулируются ведомственными нормативными актами.

Результаты оперативного эксперимента оформляются рапортом сотрудника оперативного подразделения, а в случае выявления преступлений или лиц, к ним причастных – актом оперативного эксперимента, который по своей форме и содержанию в максимально допустимых пределах должен соответствовать требованиям, предъявляемым к составлению протокола следственного эксперимента, без указания в нем сведений, составляющих государственную тайну.

Образование юридического лица – это оперативно-розыскное мероприятие, направленное на создание легендированных предприятий, учреждений (деловых учреждений, частных фирм, представительств, филиалов и т.п.) или организаций, осуществляемое в целях эффективной и целенаправленной борьбы с организованной преступностью, коррупцией и теневой экономикой.

Опыт использования образования юридического лица в интересах борьбы с преступностью очень велик. Специально создаваемые юридические лица в интересах борьбы с терроризмом использовались еще в Российской империи, да после революции 1917 года в Советской России. Авторство его отдают начальнику Особого отдела Департамента полиции МВД Российской империи С.В. Зубатову [47]. В первые годы Советской власти этот метод активно применялся в борьбе с террористическими центрами. Широкую известность он приобрел в результате проведения операции «Трест» [9; 35; 37].

По действующему законодательству создание данного вида юридического лица может быть использовано только при раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, при наличии элементов коррупции или связанных с «отмыванием» денег, полученных противозаконными путями от нелегального предпринимательства, наркобизнеса, а также других экономических преступлений, когда иным путем невозможно обеспечить выполнение задач оперативно-розыскной деятельности.

Образование юридического лица осуществляется на основании утвержденного постановления одного из руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в порядке, определенном ведомственным нормативным правовым актом и в установленном порядке, предусмотренном законодательством Республики Таджикистан [1].

Данный вид оперативно-розыскного мероприятия проводится после составления мотивированного рапорта оперативного сотрудника о необходимости создания юридического лица, где отражаются конкретные задачи для проведения названного оперативно-розыскного мероприятия. Рапорт представляется руководителю органа, имеющего право давать согласие на образование юридического лица.

Создаваемые оперативными подразделениями юридические лица, могут быть коммерческими организациями, т.е. преследующими извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, и не коммерческими, т.е. не имеющие такой цели и не распределяющими полученную прибыль между участниками.

В целях осуществления оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступностью, носящей межгосударственный и международный (транснациональный) характер [3; 4; 29; 30; 31; 36], по согласованности с руководителями оперативных подразделений иностранных государств

в соответствии с межгосударственными (межведомственными) соглашениями можно создавать представительства или филиалы юридического лица на территории других государств или наоборот.

После выполнения задач, поставленных перед легендированным предприятием, оно прекращает свою деятельность в соответствии с действующим законодательством, если нет необходимости в его дальнейшем использовании. Основанием для прекращения является мотивированное постановление оперативного работника о прекращении деятельности юридического лица.

Примечания

* Согласно ст. ст. 227, 228 Таможенного Кодекса РТ и ст. 14 Закона РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» с целью пересечения международного незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров и выявления лиц, участвующих в таком обороте, уполномоченные в соответствии с законом органы Республики Таджикистан в каждом отдельном случае, в соответствии с договоренностью с компетентными органами иностранных государств, или на основе международных договоров, признанных Республикой Таджикистан, используют метод контролируемой поставки, т.е., под своим контролем допускают ввоз в Республику Таджикистан, вывоз из Республики Таджикистан или транзит через территорию Республики Таджикистан наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

** На практике возникла необходимость в проведении контролируемой поставки лица путем активного осуществления других видов ОРМ, в частности, наблюдения в целях выявления других участников ОПГ на территории другого государства.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» в редакции от 26 июля 2014 г., № 1090 // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=43137C2.
2. Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 года № 873. Статья 14 // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2319C7.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
4. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
5. Алферов В.Ю., Ильиных В.А. Оперативный эксперимент и провокация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 169-170.
6. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. – М.: Спарк, 1999. – 108 с.
7. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – 128 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
8. Гаврилин Ю.В., Дубоносов Е.С. Использование контроля и записи телефонных и иных переговоров в раскрытии и расследовании преступлений: Учебное пособие. – М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2003. – 70 с.
9. Гаспарян А.С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921-1937 гг. – М.: Вече, 2008. – 95 с.
10. Грошев С.Л. Некоторые аспекты правовой характеристики оперативного эксперимента // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (актуальные проблемы обнаружения преступлений с помощью негласных возможностей): Вневедомств. сб. науч. работ. Вып. 3. / Под ред. А.Ю. Шумилова. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2000.
11. Данилюк С., Виноградов С., Щерба С. Как прослушать телефонный разговор // Социалистическая законность. – 1991. – № 2. – С. 32-33.
12. Доля Е.А. Прослушивание телефонных переговоров – следственное ли это действие? // Советская юстиция.

– 1992. – № 19-20.
13. Евстратиков Б.М. О вопросах представления результатов оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в уголовное судопроизводство // Право, политика, экономика: проблемы развития и взаимосвязи: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 19. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
14. Евстратиков Б.М. Особенности использования результатов оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в доказывании по уголовным делам о терроризме // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. Ч. 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
15. Евстратиков Б.М. Понятие оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Государственно-правовая политика России: проблемы и перспективы развития: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 20. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
16. Евстратиков Б.М. Правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых на каналах связи: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
17. Евстратиков Б.М. Роль оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи в обеспечении национальной безопасности России // Общество и право. Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. Ч. 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003.
18. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
19. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
20. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3(266). – С. 135-141.
21. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. О регламентации условий проведения прослушивания телефонных переговоров как оперативно-технического мероприятия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 223-229.
22. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Специально предусмотренные условия проведения оперативно-технических мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 182-188.
23. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16.
24. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
25. Захарцев С.И., Спиридонов П.Е., Шахматов А.В., Третьяков И.Л. Оперативно-розыскное мероприятие оперативный эксперимент как эффективный инструмент в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 215-219.
26. Зоиров Д.М. Контролируемая поставка и совершенствование мер против незаконного оборота наркотиков // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 3(8). – С. 50-52.
27. Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И. Об истории возникновения и регламентации оперативно-розыскных мероприятий на технических каналах связи // История государства и права. – 2006. – № 5. – С. 2-3.
28. Козырев Г. Документирование прослушивания и звукозаписи телефонных и иных переговоров // Законность. – 1993 . – № 4. – С. 32-36.
29. Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135.
30. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
31. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В.,

Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
32. Машков С.А. Прослушивание телефонных и иных переговоров: нерешенные вопросы и возможности применения результатов // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Оперативно-розыскная теория и практика в государствах-участниках СНГ): Вневедомственный сборник научных работ. Вып.6; (8) / Под ред. А.Ю. Шумилова. – М., 2003. – С. 61-69.
33. Медведев В.Н. Правовое регулирование снятия информации с технических каналов связи в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003.
34. Михайлов В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: Учебно-практическое пособие / Под ред. А.Ю. Шумилова. – М., 1998. – 96 с.
35. Никулин Л.В. Мертвая зыбь // Роман-газета – 1966. – № 16.
36. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
37. Прянишников Б.В. Незримая паутина. ВЧК ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. 2-е изд. – СПб.: Час пик, 1993. – 464 с.
38. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика и проведение оперативно-розыскных мероприятий // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 125-132.
39. Рахимзода Р.Х. Правовая регламентация и общая характеристика оперативно-розыскной политики по обеспечению некоторых оперативно-розыскных мероприятий // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 135-143.
40. Селезнев М. Эксперимент или провокация ? // Российская юстиция. – 1996. – № 5. – С. 50-51.
41. Спиридонов П.Е. Эксперимент в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
42. Федоров А.В., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная деятельность и граждане: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
43. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
44. Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Лекция. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 172 с.
45. Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Учебное пособие. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. – 140 с.
46. Шахматов А.В, Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 113-117.
47. Шахматов А.В., Родичев М.Л. Феномен С.В. Зубатова: исторические ретроспективы развития агентурной работы в оперативно-розыскной деятельности и опыт противодействия терроризму в России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 106-117.
48. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Проблемы совершенствования правовой регламентации прослушивания телефонных переговоров и содействие в борьбе с преступностью // Российской следователь. – 2005. – № 2. – С. 36-38.
49. Шахматов А.В., Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 1. – С. 113-117.
50. Юрина Л.Г.. Юрин В.М. Контроль и запись переговоров: Учебное пособие. – М.: Приор, 2002. – 112 с.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

ОГАНЕСЯН Степан Мхитарович,
профессор кафедры теории и истории права и государства Юридического института Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО С ПОЗИЦИЙ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОТРАСЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Рассматриваются отдельные права и обязанности граждан РФ, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и содержащиеся под стражей. Подробно анализируются избирательные права граждан названной категории, отмечается, что на них в полной мере распространяются Положения Гражданского кодекса РФ о правоспособности и дееспособности. Анализируется законодательная основа использования труда заключенных в местах лишения свободы.*

Ключевые слова: *пенитенциарное право; лишение свободы; права и свободы; избирательное право; обязанность трудиться.*

BRYLEVA E.A.
OGANESYAN S.M.
SAL'NIKOV M.V.

PENITENTIARY LAW ABOUT A LEGAL STATUS OF THE PERSON OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF BRANCHES OF THE MODERN RUSSIAN LEGISLATION CONDEMNED FROM POSITIONS

The summary. *The separate rights and duties of citizens of the Russian Federations suspected and accused of fulfilment of crimes and held in custody are considered. Suffrages of citizens of the named category are in detail analyzed, it is noticed, that on them Positions of the Civil code of the Russian Federation about capacity to the full extend. The legislative basis of use of work of prisoners*

in imprisonment places is analyzed.

Key words: *penitentiary law; imprisonment; the rights and freedom; the suffrage; the duty to work.*

Будучи комплексной отраслью права, «пенитенциарное право» взаимосвязано с административным, гражданским, уголовным, уголовно-процессуальным, семейным, трудовым правом и другими отраслями права, а некоторые общественные отношения, традиционно регулируемые указанными отраслями права, «пенитенциарное право» регулирует, исходя из специфики деятельности пенитенциарных учреждений.

Уголовное наказание, исполняемое в пенитенциарных учреждениях, порядок его назначения, предусмотрены нормами уголовного права [30; 33; 34; 35; 37]. Уголовное законодательство предусматривает основания освобождения от наказания в связи с болезнью, отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение от наказания. Указанные аспекты реализации уголовного наказания выступают составной частью уголовно-правовой политики государства [13; 14; 15; 22; 26; 36; 43; 46]. Эти вопросы решаются судом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством (это уже проявление уголовно-процессуальной политики [9; 10; 11; 12; 32; 42; 44]), по представлению администрации пенитенциарного учреждения. Порядок обращения с ходатайством об освобождения от наказания, контроль за лицами, освобожденными от наказания, регулируется уголовно-исполнительным законодательством и является элементом пенитенциарной политики [38; 39; 40; 41; 47].

Нормы уголовно-процессуального права служат основанием содержания под стражей в учреждениях, входящих в уголовно-исполнительную систему (следственных изоляторах), подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Уголовно-процессуальным правом регулируются вопросы, разрешаемые судом в стадии исполнения приговора. Начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 157 УПК РФ, правомочны, возбуждать уголовные дела о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами и производить неотложные следственные действия по этим делам. Уже в перечисленных ситуациях пенитенциарное право выступает в качестве комплексной отрасли.

Кроме того, управление пенитенциарными учреждениями входит в предмет административно-правового регулирования, а органы и учреждения уголовно-исполнительной системы относятся к органам, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях (ст. 23.4. КОАП РФ). В частности, они рассматривают дела о неповиновении законному распоряжению сотруднику органов уголовно-исполнительной системы и о передаче либо попытке передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы и следственных изоляторах.

Принципиальное значение для регулирования «пенитенциарным правом» применения меры пресечения в виде заключения под стражу и дальнейшего содержания под стражей имеет конституционный и уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности.

Конституционный принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 49 Конституции РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 49 каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Под федеральным законом в данном случае имеется в виду УПК РФ, в котором имеется специальный раздел III «Доказательства и доказывание». Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 2 и 3 ст. 49 Конституции РФ).

Уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 14 УПК РФ.

В ч. 1 ст. 14 УПК РФ дублируются положения ч. 1 ст. 49 Конституции РФ. В ч. 2 ст. 14 УПК РФ установлено, что подозреваемый и обвиняемый не обязан доказывать свою вину, а бремя доказывания и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежит на стороне обвинения. То есть в УПК РФ дополнение к соответствующему конституционному положению правило об освобождения доказывания своей вины распространяется не только на обвиняемого, но, и на подозреваемого и указано на кого возлагается бремя доказывания и опровержения доводов защиты. В ч. 3 ст. 14 УПК РФ повторяются положения ч. 3 ст. 49 УПК о том, что неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

Презумпция невиновности является также и общепризнанным международно-правовым принципом. В ст. 11 Всеобщей Декларации установлено, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». В ч. 2 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах и в ч. 2 ст. 6 Европейской Конвенции сказано, что «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» [29, стр. 40–41, 57, 541]. Как видно, Конституция РФ и особенно УПК РФ раскрывают принцип презумпции невиновности более подробно.

Презумпция невиновности подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений определяет особенности применения к ним принудительных мер, связанных с изоляцией от общества. Этот принцип воспроизводится и в ч. 1 ст. 6 ФЗ «О содержании под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» [1]. В этой правовой норме указано также, что обвиняемые и подозреваемые пользуются правами и обязанностями, установленными для граждан РФ, с ограничениями, предусмотренными ФЗ «О содержании под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» и иными федеральными законами. К ограничениям, предусмотренным ФЗ «О содержании под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» относятся; сама изоляция от общества; цензура переписки (ст. 20); возможность личного обыска, дактилоскопирования и фотографирования, досмотра их вещей, посылок и передач (ст. 34).

Остальные права и обязанности граждан РФ в отношении подозреваемых и обвиняемых действуют в полном объеме, в том числе и такие права, в которых ограничены лица, осужденные к лишению свободы. Прежде всего, речь идет об избирательных правах граждан, предусмотренных ст. 32 Конституции РФ, которых лишены только граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ). Подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся под стражей, пользуются избирательными правами, т. е. правом избирать и быть избранным, наравне со всеми дееспособными гражданами России. На подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей не распространяется обязанность трудиться, предусмотренная для лиц, осужденных к лишению свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 27 ФЗ «О содержании под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся под стражей, привлекаются к труду при наличии соответствующих условий и только по их желанию.

В ст. 32 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан, участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, которое осуществляется, прежде всего, посредством участия в выборах. В связи с этим встает вопрос об избирательном праве, лишенных свободы.

Долгое время вопрос об участии осужденных к лишению свободы в выборах в законодательном порядке урегулирован не был, что вызывало многочисленные споры в литературе. Но так было не всегда. Конституция РСФСР 1918 г. предусматривала лишение избирательных прав лиц, осужденных за корыстные и порочащие преступления, на срок, установленный законом или судебным приговором. В Конституции 1924 г. глава об избирательных правах граждан отсутствовала. Конституция СССР 1936 г. (ст. 135) предусматривала всеобщее избирательное право всех советских граждан, кроме умалишенных. Аналогичную норму содержали ст. 96

Конституции СССР 1977 г. и ст. 92 Конституции РСФСР.

Таким образом, получалось, что осужденные к лишению свободы после принятия в 1936 г. Конституции СССР и Конституции РСФСР не лишались избирательных прав. Однако постановление ЦИК СССР от 16 октября 1937 г. [8, стр. 315] указывало, что лица, имеющие ту или иную судимость или отбывающие наказание по суду, но без поражения в избирательных правах и не находящихся в местах заключения, а также спецпоселенцы вносятся в избирательные списки. В избирательные списки вносятся и лица, находящиеся под следствием, но не содержащиеся под стражей, если они по суду не лишены избирательных прав. Из этой нормы делался вывод: поскольку отбывающие наказание в виде лишения свободы в избирательные списки не вносятся, они лишаются права избирать. Впоследствии это ограничение было подтверждено в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1945 г. [7]

Но все эти акты были отменены Указом Президиума Верховного Совета от 28 марта 1962 г. «О признании утратившими силу законодательных актов Союза ССР по вопросам выборов в Советы депутатов трудящихся» [6]. После данного указа правоограничение в избирательном праве осужденных к лишению свободы лишилось последней, довольно несовершенной правовой основы. Нигде в нормативных актах оно ни прямо, ни косвенно не ограничивалось. И такой важнейший элемент политико-правового статуса, как право на участие в выборах осужденных к лишению свободы, остался нормативно не урегулированным.

Трудно объяснить, чем руководствовался законодатель в 1936 г. и последующие годы, оставив вопрос об избирательном праве осужденных не урегулированным. Видимо, это было сделано по идеологическим причинам. В то время считалось, как это определил XVIII съезд партии, что СССР, построив в основном социализм, вступив в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Упоминанием о преступниках, видимо, не хотели «портить» образ Конституции страны победившего социализма, которая была «самой демократической из всех конституций, известных истории» [24, стр. 418].

На XI сессии (октябрь 1989 г.) Верховного Совета РСФСР с последующими изменениями и дополнениями, принятыми V Съездом народных депутатов (ноябрь 1991 г.), в ст. 92 Конституции РСФСР были внесены изменения, в соответствии с которыми «в выборах не участвуют душевнобольные граждане, признанные судом недееспособными, и лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы по приговору суда» [3, стр. 1497].

В настоящее время правовое положение осужденных закреплено во II главе Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. В юридической науке специально и глубоко исследуется проблема в том числе и уголовно-правовой охраны избирательных прав и права на участие в референдуме [16; 17; 18; 19; 21; 23; 25; 27; 48; 49]. К числу ограничений, которые отражаются на правовом положении осужденных, относят и ограничение в избирательных правах (нельзя выставлял, свою кандидатуру на выборах), в выборах не участвуют лица, содержащиеся, по приговору суда в местах лишения свободы. Следует отметить, что лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения содержание под стражей, а также лица, в отношении которых приговор не вступил в законную силу, не лишаются права избирать и быть избранными.

Лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, не лишены прав, предусмотренных гражданским законодательством. Эти лица также несут гражданско-правовую (материальную) ответственность в случае причинения ущерба государству или физическим и юридическим лицам, а также за ущерб, причиненный пенитенциарному учреждению в виде дополнительных затрат, связанных с пресечением их побега, а также лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью (ч. 3 ст. 102 УИК РФ).

Положения Гражданского кодекса РФ о правоспособности и дееспособности граждан (ст. 1, 9, 17, 18, 21, 22, и др.) распространяются на осужденных с особенностями, обусловленными степенью их изоляции от общества. В п. 1 ст. 22 ГК РФ записано: «Никто не может быть огра-

ничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом».

Нормы об ограничении дееспособности граждан (ст. 30 ГК РФ) не предусматривают ограничения гражданина в дееспособности вследствие отбывания наказания в виде лишения свободы. В силу наделения гражданским законодательством термина «ограничение дееспособности» специфическим содержанием, в рамках данной работы термины «ограничение правоспособности и дееспособности» осужденных будут употребляться в значении прямых и косвенных ограничений их правового положения.

В местах изоляции от общества осужденный не лишается права собственности на принадлежащее ему имущество, но он ограничен в полномочиях собственника; он на общих основаниях имеет право наследовать и завещать, совершать любые не запрещенные законом сделки, участвовать в обязательствах, имеет полные права автора произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной собственности. Однако в связи с пребыванием в местах лишения свободы осужденный косвенно ограничен во вступлении в права наследника, в занятии предпринимательской деятельностью, совершении тех или иных сделок, избрании места жительства и др.

К объектам гражданских прав осужденных, как и всех граждан, относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

За осужденным сохраняется право собственности на принадлежащее ему имущество, оставшееся за пределами исправительного учреждения. Однако полномочия собственника у него косвенно ограничены. Он не может пользоваться принадлежащим ему имуществом, за исключением пользования предметами, полученными им в посылках, бандеролях или передачах.

Обладая имуществом, осужденный может передать его на время пребывания в исправительном учреждении в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему), что не влечет за собой перехода права собственности. На осужденном остается бремя содержания принадлежащего ему имущества. По существу в отношении имущества, оставшегося у осужденного на свободе, за ним остается право распоряжения им через институт представительства.

В силу полномочия, основанного на доверенности, указания закона либо акта уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, представитель осужденного непосредственно может создавать, изменять и прекращать его гражданские права и обязанности (например, отдавать имущество в залог, обременять его другими способами, распоряжаться им по усмотрению доверителя: продать, подарить и т. п.).

К нотариально удостоверенным доверенностям приравниваются доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверенные начальником соответствующего учреждения (ст. 182, 183, подп. 3 п. 3 ст. 185 и др. ГК РФ).

Через своего представителя осужденный вправе приобретать имущество на средства, имеющиеся у него за пределами исправительного учреждения.

В ст. 4 Трудового кодекса РФ 2001 г., а также в ч. 2 ст. 37 Конституции РФ установлено запрещение принудительного труда. Это одна из существенных новелл конституционного и трудового законодательства РФ. Весь предшествующий советский период труд считался обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина (ст. 60 Конституции СССР 1977 г., ст. 58 Конституции РСФСР 1978 г.) [5, стр. 22, 68], ему придавалось гипертрофированное значение. За ведение иного паразитического образа жизни, называемого в народе «тунеядством», была установлена уголовная ответственность (ст. 209 УК РСФСР). Использование принудительного труда многих тысяч осужденных в советский период в значительной степени обеспечивало ударные темпы развития экономики страны [28; 31]. Все это отразилось также в официальном наименовании отрасли права – исправительно-трудовое право, в названии соответствующей отраслевой юридической науки, в названиях соответствующих учреждений: исправительно-трудовые учреждения (ИТУ), а также исправительно-трудовые колонии (ИТК), воспитательно-трудовые колонии (ВТК), воспитательно-трудовые профилак-

тории (ВТП), лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), входящих в систему ИТУ. Действовал Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РФСФР 1970 г. В учебнике для слушателей вузов МВД СССР «Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть» было отмечено, что «Обязанность осужденных трудиться по своему содержанию шире аналогичной общегражданской обязанности, так как они от этой обязанности не освобождаются, даже если являются инвалидами и находятся в пенсионном возрасте. Эти лица привлекаются к труду с учетом их трудоспособности по заключению врачебной комиссии ИТУ. Ограниченно годные к труду используются преимущественно на работах по хозяйственному обслуживанию ИТУ» [45, стр. 222].

Запрещение принудительного труда в современном российском законодательстве базируется на требованиях ч. 2 ст. 8 Международного Пакта о гражданских и политических правах и ч. 2 ст. 4 Европейской Конвенции о том, что никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду. В настоящее время официальным наименованием отрасли права и соответствующей отраслевой юридической науки является уголовно-исполнительное право, Одновременно произошел отказ от терминов ИТУ, ИТК, ВТК, а ВТП, ЛТП были ликвидированы в начале 90-х гг. XX в. ИТУ стали именоваться просто исправительными учреждениями, ИТК – исправительными колониями, ВТК – воспитательными колониями. В настоящее время действует Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) РФ 1996 г., заменивший собой ИТК РСФСР 1970 г.

Несмотря на все эти переименования, одним из основных средств исправления осужденных по-прежнему остается общественно-полезный труд (ст. 9 УИК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, а администрация обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности. Эта статья почти буквально повторяет текст ст. 37 ИТК РСФСР: «Каждый осужденный обязан трудиться. Администрация исправительно-трудовых учреждений обязана обеспечивать привлечение осужденных к общественно полезному труду с учетом их трудоспособности и, по возможности, специальности» [4, стр. 18]. Однако, в ч. 2 ст. 193 УИК РФ имеется норма, которая отсутствовала в ИТК РСФСР о том, что осужденный мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством РФ о труде и законодательством РФ о социальной защите; несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством РФ о труде.

Тем не менее, в уголовно-исполнительном законодательстве РФ установлена прямая обязанность осужденных трудиться, что, на первый взгляд, не согласуется с конституционным принципом запрещения принудительного труда. Трудовой кодекс РФ 2001 г., в отличие от КЗОТ РСФСР, не только продублировал требования ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, но и разъяснил, какой труд является принудительным и какой труд для целей Трудового кодекса таковым не является. Так, согласно ч. 3 ст. 4 Трудового кодекса РФ, принудительный труд, для целей Трудового кодекса, не включает в себя, в частности, работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров. Текст ч. 3 ст. 4 Трудового кодекса РФ почти полностью совпадает с началом текста ч. 2 ст. 2 специальной Конвенции о принудительном труде, принятой 28 июня 1930 г. Генеральной конференцией Международной организации труда, в которой установлено, что термин «принудительный или обязательный труд», для целей Конвенции, не включает в себя, в частности, всякую работу или службу от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором или контролем государственных властей [29, стр. 515-516]. Оговорка «для целей» и в Трудовом кодексе РФ и в Конвенции о принудительном труде означает, что указанные в них работы, а принципе являются принудительными, но в контексте именно этих нормативных актов к таковым не относятся.

На наш взгляд, ч. 3 ст. 4 Трудового кодекса РФ требует официального толкования, поскольку

смысл ее не совсем ясен. Среди видов наказаний, предусмотренных уголовным законодательством РФ, в этой связи, следует выделить обязательные работы (ст. 49 УК РФ) и исправительные работы (ст. 50 УК РФ). Эти работы действительно должны выполняться вследствие вступившего в законную силу приговора суда. Можно прийти и к более широкому толкованию – это работы, выполняемые при исполнении назначенного судом наказания в виде лишения свободы, что вытекает из обязанности осужденных трудиться, закрепленной в ч. 1 ст. 103 УИК РФ.

Если обратиться к основным международно-правовым актам о правах человека, то в них можно найти более четкие указания на то, что при применении к лицу принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, его труд не является принудительным. В ч. 3 ст. 8 Международного Пакта о гражданских и политических правах и в с. 2 ст. 4 Европейской Конвенции установлено, что для их целей принудительный или обязательный труд не включает в себя работу, которую должно выполнять лицо, находящееся в заключении. Таким образом, обязательный труд лиц осужденных к лишению свободы, не согласуется с конституционным запрещением принудительного труда, но не противоречит международно-правовым актам о правах человека, следовательно, в данном случае должны действовать правила международного договора, каковыми и являются Международный Пакт о гражданских и политических правах и Европейская Конвенция.

Использование труда заключенных используется и в большинстве зарубежных стран. В ряде стран труд является обязательным (Болгария, Норвегия). В других странах труд заключенных является исключительно добровольным делом (Франция, Сирия) [20, стр. 24-32].

Труду осужденных к лишению свободы посвящен ряд статей УИК РФ: ст. 103 (привлечение к труду осужденных к лишению свободы), ст. 104 (условия труда осужденных), ст. 105 (оплата труда осужденных к лишению свободы), ст. 106 (привлечение осужденных к лишению свободы к работам без оплаты труда), ст. 107 (удержания из заработной платы и иных доходов осужденных к лишению свободы). Во всех остальных случаях действуют нормы трудового права. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 102 УИК РФ, за ущерб, причиненный осужденными при исполнении трудовых обязанностей, они несут материальную ответственность в размерах, предусмотренных трудовым законодательством.

Таким образом, пенитенциарное право как комплексная отрасль права изучает различные стороны правового статуса личности осужденного, используя возможности различных отраслей современного российского законодательства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
2. Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 38. – Ст. 4339.
3. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 45.
4. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. – М., 1977.
5. Конституция (Основной Закон) СССР, Конституции (Основные Законы) союзных советских социалистических республик – М., 1985.
6. Указ Президиума Верховного Совета от 28 марта 1962 г. «О признании утратившими силу законодательных актов Союза ССР по вопросам выборов в Советы депутатов трудящихся» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1962. – № 14. – Ст. 144.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1945 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1945. – № 72.
8. Постановление ЦИК СССР от 16 октября 1937 г. // Собрание законодательства Союза ССР. – 1937. – № 69.
9. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ):

Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
10. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 324 с.
11. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
12. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.
13. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
14. Баранов В.М., Сальников В.П., Милюков С.Ф. Эффективность уголовно-правовой политики: Рецензия на монографию Коробеева А.И., Усса А.В., Голика Ю.В. «Уголовная политика: тенденции и перспективы». – Красноярск, 1991. – 240 с. // Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны экономической системы. – Н. Новгород, 1993. – С 208-213.
15. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986. – 176 с.
16. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. – М.: Формула права, 2005. – 336 с.
17. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – 303 с.
18. Вискулова В.В. Гарантии избирательных прав граждан: вопросы теории и практики. – М.: МГУ, 2013. – 296 с.
19. Волков В.П., Дамаскин О.В., Шапиев С.М. Некоторые проблемы и пути их решения для обеспечения законности избирательного процесса в Российской Федерации: Научно-практическое пособие. – М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. – 288 с.
20. Гуржий В.И., Мелентьев В.П. Пенитенциарные системы зарубежных стран. – Киев: МВД Украины, 1993. – 104 с.
21. Дуксин П.А. Конституционные ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2010.
22. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
23. Игнатенко В.В. Юридическая ответственность и избирательный процесс. – М.: РЦОИТ, 2002. – 144 с.
24. История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1985.
25. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 384 с.
26. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
27. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных косктитуционных прав и свобод человека и гражданина в России. – Саратов: Сарат. ун-т, 2002. – 104 с.
28. Маруков А.Ф., Реент Ю.А. Уголовно-исполнительная система в структуре МВД России (хронология развития) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – С. 575-585. – в кн. 608 с.
29. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов / Сост. и вступ. ст. Г.М. Мелков. – М.: Юридическая литература, 1990. – 661 с.
30. Милюков С.Ф. Российская система наказаний / Науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 48 с.
31. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
32. Пономаренков В.А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 157-175. – в кн. 456 с.
33. Рагимов И.М. О нравственности наказания / Предисл. Х.Д. Алекперова. – СПб.: Юридический Центр, 2016. – 224 с.

34. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
35. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
36. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
37. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
38. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
39. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
40. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
41. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
42. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
43. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
44. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
45. Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть / Под ред. Н.А. Стручкова, В. А. Фефелова. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1987. – 351 с.
46. Федоров А.В. Основные тенденции развития российской законодательной уголовно-правовой антинаркотической политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3(14). – С. 114-135.
47. Фумм А.М., Яковлева О.Н. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: новые грани старых проблем // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 115-120.
48. Шапиев С.М., Биктагиров Р.Т., Шапиев А.С. Участники избирательного процесса: статус, полномочия, ответственность. – Грозный: Грозненский рабочий, 2011. – 336 с.
49. Шапиев С.М., Соктоев З.Б., Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: Научно-практическое издание / Под ред. С.М. Шапиева. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2016. – 192 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

АНТРОПОВ Олег Владимирович,
начальник главного следственного управления ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВНУКОВА Диана Рафиковна,
доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ФОРМЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие и сущность стадии предварительного расследования; формы предварительного расследования; понятие, значение и содержание общих условий предварительного расследования.*

Уметь: *разграничивать формы предварительного расследования: предварительное следствие, дознание, дознание в сокращенной форме; применять общие условия предварительного расследования.*

Владеть знаниями: *о формах предварительного расследования; об общих условиях предварительного расследования.*

Ключевые термины: *предварительное расследование; предварительное следствие; дознание; общие условия предварительного расследования; подследственность; территориальность; обязательное разрешение ходатайств; соединение уголовного дела; выделение уголовного дела; производство неотложных следственных действий.*

ANTROPOV O.V.
VNUKOVA D.R.

PRELIMINARY INVESTIGATION: CONCEPT, VALUE, FORMS AND A GENERAL CHARACTERISTIC. Lecture

As a result of studying of the given theme the trained should:

To know*: concept and essence of a stage of preliminary investigation; forms of preliminary investigation; concept, value and the maintenance of the general conditions of preliminary investigation.*

To be able*: to differentiate forms of preliminary investigation: preliminary investigation, inquiry, inquiry in the reduced form; to apply the general conditions of preliminary investigation.*

To know: *about forms of preliminary investigation; about the general conditions of preliminary investigation.*

Key words: *preliminary investigation; preliminary investigation; inquiry; the general conditions of preliminary investigation; подследственность; территориальность; the obligatory permission of petitions; criminal case connection; criminal case allocation; manufacture of urgent investigatory actions.*

Понятие, задачи, значение стадии предварительного расследования

Предварительное расследование – это самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, на которой специально уполномоченные органы и должностные лица (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и орган дознания) осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливается виновность (или невиновность) лица в совершении преступления, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Предварительное расследование следует рассматривать в двух аспектах: как самостоятельную стадию уголовного судопроизводства и как деятельность специально уполномоченных органов и должностных лиц.

Как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства предварительное расследование выступает как один из продолжительных, сложных и трудоемких этапов правоотношений и деятельности большого круга участников, «при определяющей роли органов дознания и следствия, осуществляемой под надзором прокурора и контролем руководителя следственного органа и ограниченным контролем суда, в ходе которой происходит определение предмета доказывания, то есть круга обстоятельств, подлежащих установлению для принятия законного, мотивированного и обоснованного решения по делу, изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, формирование позиции стороны обвинения, виновности данного лица в совершении инкриминируемого деяния и установлении целесообразности направления уголовного дела в суд» [23, стр. 163].

Предварительное расследование представляет собой деятельность органов дознания и предварительного следствия по собиранию, проверке и оценке доказательств о событии преступления; виновности лица его совершившего, а также о мотивах преступления; об обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности; об условиях, способствующих совершению преступления; о характере и размере вреда, причиненного преступлением. Это далеко не полный перечень обстоятельств, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законом требуется установить на этой стадии (ст. ст. 73, 421, 434 УПК РФ).

Всестороннее, полное и объективное расследование преступления обеспечивает не только правильное применение норм уголовного закона, но и предотвращает возможность привлечения в качестве обвиняемого лица, не совершавшего преступления, что предопределено назначением уголовного судопроизводства.

Задачи стадии предварительного расследования:

– быстрое и полное раскрытие преступления;

Это необходимо для того, чтобы обеспечить полное раскрытие преступления и неотвратимость наказания за его совершение. Преступление считается раскрытым полно, когда установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу (ст. 73 УПК РФ).

– изобличение виновных;

Заключается в том, что органы дознания и предварительного следствия должны собрать достаточно доказательств, на основе которых можно сделать однозначный вывод о наличии события преступления и состава преступления в деянии лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

– обеспечение правильного применения закона;

Означает точное и неуклонное исполнение органами дознания и предварительного следствия требований закона и соответствие ему всех

действий и принимаемых решений.

– выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению;

В соответствующие государственные органы, общественные организации или должностным лицам вносятся представления о принятии мер к устранению этих причин и условий.

– принятие мер по обеспечению возмещения материального ущерба в случае причинения преступлением такого ущерба;

Органы дознания и предварительного следствия в числе таких мер могут разыскать и изъять похищенное имущество, провести обыск в целях обнаружения и изъятия имущества, денег и ценностей, нажитых преступным путем, и т.д.

– укрепление законности и правопорядка;

Данная задача выражается в строгом соблюдении законов в деятельности самих этих органов, разъяснении и обеспечении прав всех участвующих в деле лиц и т.п.

Расследование называется предварительным потому, что оно предшествует производству в суде. Сделанные органами дознания и предварительного следствия первоначальные выводы о том, что преступление имело место, и о лице, его совершившем, является для суда предварительной версией органов предварительного расследования, осуществляющих в соответствии с уголовно-процессуальным законом уголовное преследование (ст. 20 УПК РФ), что подлежит всесторонней и объективной проверке в суде. Признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему справедливое наказание правомочен только суд (ст. 49 Конституции РФ). При этом суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены и нашли свое подтверждение при судебном рассмотрении уголовного дела. Однако очевидно, что предварительное расследование, проведенное органами дознания или следствия в соответствии с законом, является фактором, обеспечивающим всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела в судебном заседании, и в последующем постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Предварительное следствие и дознание как формы предварительного расследования

Уголовно-процессуальный закон предусматривает две формы предварительного расследования: дознание и предварительное следствие (ч.1 ст. 150 УПК РФ).

Предварительное следствие *– это основная форма предварительного расследования, осуществляемая по большинству уголовных дел следователем (или следственной группой) в пределах установленных УПК РФ полномочий, связанных с уголовным преследованием лиц, виновных в совершении преступлений.* Производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам, за исключением уголовным дел о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, так как по ним производится дознания.

В соответствии с ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие производится:

1) следователями Следственного комитета Российской Федерации;
2) следователями органов федеральной службы безопасности;
3) следователями органов внутренних дел Российской Федерации.

Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 5 ст. 151 УПК РФ может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления. По уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ч. 6 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело.

Началом производства предварительного следствия является момент вынесения следователем, дознавателем, органом дознания постановления о возбуждении уголовного дела либо постановления следователя, дознавателя о принятии уголовного дела к своему производству [4; 10; 13].

Предварительное следствие должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 162 УПК РФ). В срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 162 УПК РФ) [1].

В срок предварительного следствия не вклю-

чается время на обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, а также время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено по основаниям, предусмотренным ст. 208 УПК РФ.

Срок предварительного следствия может быть продлен до трех месяцев руководителем соответствующего следственного органа.

По уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и приравненным к нему руководителем иного следственного органа, а также их заместителями до 12 месяцев.

Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти и их заместителями.

В соответствии с ч. 6 и 6.1 ст. 162 УПК РФ при возобновлении приостановленного или прекращенного уголовного дела, а также при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия руководитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, вправе устанавливать срок предварительного следствия в пределах одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю вне зависимости от того, сколько раз оно до этого возобновлялось, прекращалось либо возвращалось для производства дополнительного следствия, и вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия. В случае возвращения прокурором уголовного дела следователю в связи с выявлением судом обстоятельств, указанных в ч. 1 и 1.2 ст. 237 УПК РФ, срок производства следственных и иных процессуальных действий не может превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю. Дальнейшее продление срока предварительного следствия производится на общих основаниях.

Производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает руководитель следственного органа. В постановлении должны быть перечислены все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в том числе указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы. К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Состав следственной группы объявляется подозреваемому, обвиняемому.

Руководитель следственной группы принимает уголовное дело к своему производству, организует работу следственной группы, руководит действиями других следователей, составляет обвинительное заключение либо выносит постановление о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему преступление, и направляет данное постановление вместе с уголовным делом прокурору.

В ч. 4 ст. 163 УПК РФ закреплены решения, принимаемые руководителем следственной группы.

Руководитель и члены следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими следователями, лично производить следственные действия и принимать решения по уголовному делу в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (ч. 5 ст. 163 УПК РФ).

Должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привлекаемые для работы в следственной группе, должны быть также указаны в постановлении о ее создании или изменении ее состава.

Производство предварительного следствия оканчивается принятием одного из следующих решений (п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ):

- о прекращении уголовного дела;
- о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обви-

няемому принудительной меры воспитательного воздействия;
- о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору для передачи его в суд;
- о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

Вопросом предварительное следствия уделяется пристальное внимание в научной литературе [7; 14; 20; 21; 22; 24; 26; 27].

Дознание *– это форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного расследования необязательно* (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание производится:

1) дознавателями органов внутренних дел Российской Федерации;
2) дознавателями пограничных органов федеральной службы безопасности;
3) дознавателями органов Федеральной службы судебных приставов;
4) дознавателями органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы;
5) следователями Следственного комитета Российской Федерации;
6) дознавателями таможенных органов Российской Федерации.

Также в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ правом производства дознания наделены органы дознания и начальник подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ).

Дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме (ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ).

Дознание в общем порядке. Условием для производства дознания является совершение преступления, которое должно быть отнесено, как правило, к категории небольшой или средней тяжести (ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Преступлением небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 3 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 15 УК РФ).

По преступлениям, которые относятся к категории дел частного и частно-публичного обвинения, дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить уголовное дело и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случае, если:

а) данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы;
б) преступление совершено лицом, данные о котором не известны (ч.4 ст.20 УПК РФ).

Дознание по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести может производиться лишь по письменному указанию прокурора (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 223 УПК РФ дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости срок может быть продлен прокурором до 30 суток. В необходимых случаях, в том числе связанных с производством судебной экспертизы, срок дознания может быть продлен прокурорами района, города, приравненным к ним военным прокурором и их заместителями до 6 месяцев. В исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, направленного в порядке, предусмотренном ст. 453 УПК РФ, срок дознания может быть продлен прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 12 месяцев.

Возобновление приостановленного дознания либо продление срока дознания по уголовным делам, находящимся в производстве следователя Следственного комитета Российской Федерации, осуществляется соответствующим руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации (ч. 6 ст. 223 УПК РФ).

В случае признания прокурором постановления о приостановлении производства по уголовному делу незаконным или необоснованным, согласно ч. 3.2 ст. 223 УПК РФ, он в течение 5 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет такое постановление, о чем выносит мотивированное постановление, которое незамедлительно направляется начальнику органа дознания. При этом в случае истечения срока дознания прокурор устанавливает срок дополнительного дознания не более 10 суток. Дальнейшее продление срока дознания осуществляется на общих основаниях.

В случаях, когда уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совер-

шении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Содержание данного уведомления закреплены в ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ. Копия уведомления вручается подозреваемому с разъяснением ему прав подозреваемого, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. В течение 3 суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения. Также копия уведомления о подозрении лица в совершении преступления направляется прокурору.

При наличии данных, дающих основание подозревать лицо в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями УК РФ, в уведомлении о подозрении в совершении преступления должно быть указано, в совершении каких деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона.

При установлении по одному уголовному делу нескольких подозреваемых уведомление о подозрении в совершении преступления вручается каждому из них.

В случае сложности или большого объема уголовного дела производство дознания может быть поручено группе дознавателей, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. Решение о производстве дознания группой дознавателей, об изменении ее состава принимает начальник органа дознания. В постановлении должны быть перечислены все дознаватели, которым поручено производство дознания, в том числе указывается, какой дознаватель назначается руководителем группы дознавателей. К работе группы дознавателей могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Состав группы дознавателей объявляется подозреваемому, обвиняемому.

Руководитель группы дознавателей принимает уголовное дело к своему производству, организует работу группы дознавателей, руководит действиями других дознавателей, составляет обвинительный акт.

Решения, принимаемые руководителем группы дознавателей закреплены в ч. 4 ст. 223.2 УПК РФ. Руководитель и члены группы дознавателей вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими дознавателями, лично производить следственные действия и принимать решения по уголовному делу в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Производство дознания оканчивается принятием одного из следующих решений (п. 2 ч. 1 ст. 158 УПК РФ):

- о прекращении уголовного дела;
- о направлении уголовного дела с обвинительным актом прокурору для передачи его в суд;

Дознание в сокращенной форме. В соответствии с Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. в УПК РФ были внесены изменения, а именно законодатель дополнил УПК РФ главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме», регламентирующей основания и порядок производства дознания в сокращенной форме, особенности доказывания, срок, окончание дознания, а также особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Согласно положениям главы 32.1 УПК РФ дознание в сокращенной форме производится на основании соответствующего письменного ходатайства подозреваемого при наличии одновременно следующих условий:

а) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, подследственных дознанию;
б) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;
в) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Дознание в сокращенной форме не может производиться, если:

а) подозреваемый является несовершеннолетним;
б) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера, в порядке, предусмотренном гл. 51 УПК РФ;
в) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый

порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный гл. 52 УПК РФ;

г) лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

д) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;

е) потерпевший возражает против дознания в сокращенной форме.

Выявление этих обстоятельств на любой стадии уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора является основанием для перехода к производству дознания в общем порядке или возвращения уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

При производстве дознания в сокращенной форме участники уголовного судопроизводства имеют те же права и обязанности, что и участники уголовного процесса по уголовному делу, дознание по которому производится в общем порядке, но с некоторыми особенностями.

Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

При наличии условий, предусмотренных гл. 32.1 УПК РФ, для производства дознания в сокращенной форме до начала первого допроса дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка.

Подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство. Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подается дознавателю в письменном виде и должно быть подписано подозреваемым, а также его защитником.

Поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подлежит рассмотрению дознавателем в срок не более 24 часов с момента его поступления, по результатам рассмотрения которого дознаватель выносит одно из следующих решений:

1) об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме;
2) об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме.

Постановление об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме или постановление об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства может быть обжаловано в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ.

Уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляется прокурору, а также потерпевшему. В уведомлении потерпевшему разъясняются порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против производства дознания в сокращенной форме.

Участие защитника при производстве дознания в сокращенной форме является обязательным, даже если подозреваемый об этом не ходатайствует.

При производстве дознания в сокращенной форме доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных ст. 226.5 УПК РФ. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Дознаватель вправе:

а) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

б) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключе-

нием случаев, если необходимо установить дополнительные фактические обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

При производстве дознания в сокращенной форме не обязательно назначение судебной экспертизы по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, за исключением необходимости установления дополнительных фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; проверки выводов специалиста, поставленных под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, а также в случаях, когда УПК РФ предусмотрено обязательное назначение судебной экспертизы.

Дознаватель также вправе не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом.

В соответствии со ст. 226.6. УПК РФ дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающей 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. В этот срок включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением.

Срок производства дознания в сокращенной форме может быть продлен прокурором до 20 суток в случаях, предусмотренных ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ, а именно когда обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела заявили ходатайства о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым либо о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий. Постановление о продлении срока дознания в сокращенной форме должно быть представлено прокурору не позднее чем за 24 часа до истечения срока дознания 15 суток. О продлении срока дознания в сокращенной форме дознаватель в письменном виде уведомляет подозреваемого, его защитника, потерпевшего и его представителя.

Если в указанный срок окончить дознание в сокращенной форме не представляется возможным, то оно продолжается в общем порядке.

Признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснования вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление, в котором указываются обстоятельства, изложенные в п. 1-8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, а также ссылки на листы уголовного дела. Обвинительное постановление должно быть составлено не позднее 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания (ст. 226.7 УПК РФ).

В соответствии со п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ с момента вынесения обвинительного постановления подозреваемый приобретает статус обвиняемого.

Не позднее 3 суток со дня составления обвинительного постановления обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, о чем в протоколе ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела делается соответствующая отметка.

При наличии соответствующего ходатайства потерпевший и (или) его представитель знакомятся с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, о чем в протоколе ознакомления делается отметка.

В соответствии со ст. 226.8 УПК РФ уголовное дело и обвинительное постановление направляются прокурору для принятия им в течение 3 суток соответствующего решения.

По уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, судебное производство осуществляется в особом порядке без проведения судебного разбирательства, что выражается в постановлении приговора

на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представленных в порядке ч. 3 ст. 226.9 УПК РФ. Если же подсудимый, государственный обвинитель, потерпевший возражают против этого, и суд по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, а также при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Проблемы дознания активно привлекают внимание ученых [4; 5; 6; 9; 12; 19].

Понятие, значение и содержание общих условий предварительного расследования

Общие условия составляют основу расследования так же, как принципы составляют основу всего уголовного судопроизводства. Расследование уголовного дела не может осуществляться с нарушением его общих условий. В противном случае собранные в ходе предварительного расследования доказательства являются недопустимыми, а принятые решения – не имеющими юридической силы.

Общие условия предварительного расследования *– это установленные уголовно-процессуальным законом и основанные на принципах уголовного судопроизводства положения (требования), которые выражают природу, сущность и содержание предварительного расследования как стадии уголовного судопроизводства.*

Значение общих условий предварительного расследования заключается в том, что их соблюдение:

1) обеспечивает успешное выполнение задач, стоящих перед органами дознания и предварительного следствия;
2) создает возможность для реализации принципов уголовного судопроизводства;
3) является гарантией соблюдения прав и законных интересов участников процесса.

Все вместе они образуют систему, закладывающую основы производства предварительного расследования.

Глава 21 УПК РФ выделяет следующие виды общих условий предварительного расследования:

- формы предварительного расследования (ст. 150);
- подследственность (ст. 151);
- место производства предварительного расследования (ст. 152);
- соединение уголовных дел (ст. 153);
- выделение уголовных дел (ст. 154);
- выделение в отдельное производство материалов уголовного дела (ст. 155);
- начало производства предварительного расследования (ст. 156);
- производство неотложных следственных действий (ст. 157);
- окончание предварительного расследования (ст. 158);
- восстановление уголовных дел (ст. 158.1);
- обязательность рассмотрения ходатайства (ст. 159);
- меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества (ст. 160);
- меры по обеспечению гражданского иска (ст. 160.1);
- недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161).

Подследственность *– это признаки уголовного дела, в силу которых определяется, к ведению какого органа относится производство предварительного расследования* (ст. 151 УПК РФ).

Различают следующие признаки подследственности: предметный (родовой), персональный, альтернативный (смешанный) и территориальный.

Предметный (родовой) признак подследственности определяется в зависимости от квалификации совершенного преступления по соответствующей статье УК РФ.

Персональный признак подследственности зависит от особенностей субъекта преступления (возраст лица, физическое или психическое состояние, должностное положение и пр.).

Альтернативная (смешанная) подследственность имеет место в тех случаях, когда уголовно-процессуальный закон допускает производство предварительного следствия по делам о некоторых преступлениях следователями того органа, который их выявил (ч. 5 ст. 151 УПК РФ), вследствие чего предварительное расследование по одной и той же категории дел, в зависимости

от обстоятельств, может производиться следователями и дознавателями различных ведомств. Подследственность по связи дел определяется при необходимости расследования двух или более связанных между собой преступлений, когда подследственность одного дела определяется в зависимости от подследственности другого дела (ч. 6 ст. 151 УПК РФ).

Споры о подследственности уголовного дела разрешает прокурор.

Территориальный признак подследственности определяется *местом производства предварительного расследования.*

В соответствии со ст. 152 УПК РФ местом производства предварительного расследования является место совершения общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления. Если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления. Если же преступления совершены в разных местах, то по решению вышестоящего руководителя следственного органа уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них. В целях обеспечения полноты, объективности расследования и соблюдения процессуальных сроков предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей. По мотивированному постановлению руководителя вышестоящего следственного органа уголовное дело может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении.

В соответствии со ст. 153 УПК РФ *соединение уголовных дел* производится с целью успешного расследования уголовного дела, выявления всех участников преступления, определения роли каждого из них в совершенном деянии, а также решения задач уголовного судопроизводства.

Соединение уголовных дел в одно производство возможно в отношении:

1) нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии;
2) одного лица, совершившего несколько преступлений;
3) лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по соединяемым уголовным делам;
4) в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц.

Соединение уголовных дел, находящихся в производстве следователя, производится на основании постановления руководителя следственного органа, а находящихся в производстве дознавателя – на основании постановления прокурора.

Срок предварительного расследования при соединении уголовных дел определяется по уголовному делу, имеющему наиболее длительный срок предварительного расследования. При этом срок производства по остальным уголовным делам поглощается наиболее длительным сроком и дополнительно не учитывается.

В соответствии со ст. 154 УПК РФ *выделение уголовного дела* в отдельное производство для завершения предварительного расследования возможно, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, в случаях большого объема уголовного дела или множественности его эпизодов [3]. Дознаватель и следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении:

1) отдельных подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии, в связи с необходимостью приостановления производства по делу (п. 1-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);
2) несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, привлеченных к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними обвиняемыми;
3) иных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, не связанного с деяниями, вменяемыми в вину по расследуемому уголовному делу, когда об этом становится известно в ходе предварительного расследования;
4) подозреваемых или обвиняемых, с которыми прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве;
5) отдельных подозреваемых, в отношении которых предварительное расследование производится в порядке, предусмотренном

гл. 32.1 УПК РФ, если в отношении иных подозреваемых или обвиняемых предварительное расследование производится в общем порядке.

Выделение уголовного дела производится на основании постановления следователя или дознавателя. В уголовном деле, выделенном в отдельное производство, должны содержаться подлинники или заверенные следователем, или дознавателем копии процессуальных документов, имеющих значение для уголовного дела. Материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному делу.

Срок предварительного следствия по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, исчисляется со дня вынесения соответствующего постановления, когда выделяется уголовное дело по новому преступлению или в отношении нового лица. В остальных случаях срок исчисляется с момента возбуждения того уголовного дела, из которого оно выделено в отдельное производство.

Если выделяется в отдельное производство уголовное дело для производства предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица, то в постановлении о выделении уголовного дела должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 146 УПК РФ.

Согласно ст. 155 УПК РФ в случае, если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением следователь, дознаватель выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, из уголовного дела и направлении их для принятия решения в соответствии со ст. ст. 144 и 145 УПК РФ: следователь – руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору. Материалы, содержащие сведения о новом преступлении и выделенные из уголовного дела в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному уголовному делу (ч. 2 ст. 155 УПК РФ).

Начало производства предварительного расследования связано со стадией возбуждения уголовного дела и характеризуется тремя правилами: расследование проводится только после возбуждения уголовного дела; оно проводится в строго определенном порядке; следователь и дознаватель обязаны приступить к расследованию немедленно после принятия дела к своему производству.

Предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление.

Если следователю или дознавателю поручается производство по уже возбужденному уголовному делу, то он выносит постановление о принятии его к своему производству (ст. 156 УПК РФ).

Неотложные следственные действия *– это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования* (п. 19 ст. 5 УПК РФ).

Неотложные следственные действия производят:

1) органы дознания, указанные в п. 1 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел, указанных в п. п. 2-6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, а также уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 198 – 199.2 УК РФ;
2) органы федеральной службы безопасности – по уголовным делам о преступлениях, указанных в п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ;
3) таможенные органы – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, ч. 3 и 4 ст. 194, ч.2 ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, выявленных таможенными органами РФ;
4) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей и соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона;

5) начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами;
6) иные должностные лица, которым предоставлены полномочия органов дознания в соответствии со ст. 40 УПК РФ.

Срок производства неотложных следственных действий составляет 10 суток со дня возбуждения уголовного дела, после чего орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ и может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по письменному поручению следователя [11; 15; 16; 17; 18].

Следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело им не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает дело руководителю следственного органа, а дознаватель прокурору для направления по подследственности (ч. 5 ст. 152 УПК РФ) [14].

Окончание предварительного расследования определяется формой его расследования (ст. 158 УПК РФ).

Предварительное следствие может быть окончено в порядке, установленном гл. 29-31 УПК РФ:

а) вынесением постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 213 УПК РФ) [25];
б) составлением обвинительного заключения и направления уголовного дела в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения и дальнейшего направления дела в суд (ст. 215 УПК РФ).
в) вынесением постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (п. 2 ч. 1 ст. 439 УПК РФ).

Предварительное расследование в форме дознания оканчивается в порядке, установленным гл. 32 УПК РФ:

а) вынесением постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования (ст. 213 УПК РФ);
б) обвинительным актом, вынесенным по данному делу (ст. 225 УПК РФ);
в) обвинительным постановлением (при сокращенной форме дознания).

Установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Восстановление уголовного дела осуществляется путем производства предварительного расследования с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона, в том числе с соблюдением общих условий предварительного расследования, сроков расследования и содержания под стражей. Восстановление уголовного дела производится по сохранившимся копиям материалов уголовного дела, которые могут быть признаны доказательствами в порядке, установленном УПК РФ, и путем проведения процессуальных действий.

Восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов производится по постановлению:

- руководителя следственного органа;
- начальника органа дознания;
- по решению суда, направляемому руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для исполнения, в случае утраты уголовного дела или материалов в ходе судебного производства.

Сроки дознания, предварительного следствия и содержания под стражей при восстановлении уголовного дела исчисляются в порядке, установленном ст. 109, 162 и 223 УПК РФ. Если по утраченному уголовному делу истек предельный срок содержания под стражей, то обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Ходатайство *– это официальная просьба о совершении процессуальных действий или принятии решений, обращенная к органу дознания, следователю или в суд.* ***Обязательность рассмотрения ходатайства***, заявлен-

ного следователю, дознавателю либо в суд закреплена в ч. 1 ст. 159 и ч. 2 ст. 119 УПК РФ. Подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и иное лицо, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, также имеют значение для данного уголовного дела.

Меры попечения о детях, об иждивенцах и меры по обеспечению сохранности имущества принимает следователь, дознаватель, если подозреваемый или обвиняемый, задержан или заключен под стражу и у него остались без присмотра и помощи несовершеннолетние дети, другие иждивенцы, а также престарелые родители, нуждающиеся в постороннем уходе. Следователь, дознаватель принимает меры по их передаче на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо помещению в соответствующие детские или социальные учреждения. Также следователем, дознавателем принимаются меры по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого (ст. 160 УПК РФ).

О принятых мерах следователь или дознаватель уведомляет подозреваемого или обвиняемого.

Меры по обеспечению гражданского иска. В соответствии со ст. 160.1 УПК РФ следователь, дознаватель, установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, обязан принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество [8].

Недопустимость разглашения данных предварительного расследования закреплена в ст. 161 УПК РФ. Данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, когда они могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [2]. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, без согласия его законного представителя не допускается. Следователь, дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения, о чем у них берется подписка с предупреждением об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте понятие предварительного расследования.
2. Назовите задачи стадии предварительного расследования.
3. Какие формы предварительного расследования Вам известны? Раскройте их.
4. Какими органами производится предварительное следствие?
5. Кем производится дознание в общем порядке?
6. Кем производится дознание в сокращенной порядке?
7. Дайте понятие общих условий предварительного расследования.
8. Соотнесите понятие общих условий предварительного расследования с принципами уголовного процесса.

9. Дайте понятие подследственности уголовных дел, раскройте ее виды.
10. Что является местом производства предварительного расследования.
11. Дайте понятие неотложных следственных действий. Кто вправе проводить неотложные следственные действия.
12. Дайте понятие ходатайства.

Список литературы

1. Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2010 № 66-О09-241 // http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_43983.htm.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1049-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина С.В. на нарушение его конституционных прав ч.1 и ч.2 ст. 125 и ст. 161 УПК РФ» // ИПП «ГАРАНТ» http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70964568/
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.08.2006 № 73-О06-21 // http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_35776.htm.
4. Александров Р.А., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Роганов С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: самостоятельна ли она в уголовном процессе? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 83-88.
5. Александров Р.А., Берова Д.М., Кондрат И.Н., Шхагапсоев З.Л. Органы дознания и уголовно-процессуальные функции // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 93-97.
6. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Николаева Т.Г. Полномочия органов дознания и исполнение их обязанностей отдельными должностными лицами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 70-76
7. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 236 с.
8. Антонов И.А., Шхагапсоев З.Л. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
9. Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России. – М.: Щит-М, 2005. – 232 с.
10. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РФ. – М., 2002.
11. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
12. Есина А.С., Аристова Е.Н, Дознание в органах внутренних дел. – М.: Экзамен, 2003.
13. Захарцев С.И. Возбуждение уголовного дела. – СПб., 2003.
14. Захарцев С.И. Неотложные следственные действия. – СПб.: Институт переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСБ России, 2003.
15. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
16. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
17. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
18. Зникин В.К. Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств. – Кемерово: КемГУ, 2000. – 148 с.: ил., табл.
19. Лукин В.М. Исторический аспект становления и развития органов дознания в послереволюционный период развития советской России // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 51-55.
20. Николюк В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. – 198 с.
21. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. – М.: Дело и Сервис, 2012. – 544 с.
22. Статкус В.Ф., Жидких А.А. Органы предварительного следствия в системе МВД РФ: история, современное состояние и неоспективы. – М.: Спарк, 2000. – 103 с.
23. Уголовный процесс: Учебник для юридических вузов. В 2-х частях. Часть 1. Общая часть; Досудебное производство / Шахматов А.В., Рохлин В.И., Сальников В.П., Антонов И.А. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова и В.И. Рохлина.; науч. ред. И.А. Антонов. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 248 с.

24. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – М.: Экзамен, 2003. – 352 с.
25. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела. – Рязань: Узорочье, 2001. – 210 с.
26. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
27. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ, ИСТОЧНИКИ И НОРМЫ. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие и сущность уголовно-процессуального права; виды уголовного процесса; понятие и систему источников уголовно-процессуального права; понятие, виды и структуры уголовно-процессуального права.*

Уметь: *разграничивать источники уголовного процесса в зависимости от их юридической силы; различать структуру норм уголовно-процессуального права; применять уголовно-процессуальный закон в пространстве, во времени, по кругу лиц и по аналогии.*

Владеть знаниями: *о видах уголовно-процессуального права; о соотношении уголовно-процессуального права с другими отраслями права и учебными дисциплинами.*

Ключевые термины: *уголовно-процессуальное право; обвинительный вид уголовного процесса; розыскной (инквизиционный) вид уголовного процесса; состязательный вид уголовного процесса; смешанный вид уголовного процесса; источники уголовно-процессуального права; уголовно-процессуальная норма; действие уголовного процесса в пространстве, во времени, по кругу лиц.*

LATYPOV V.S.

CRIMINALLY-PROCEDURAL RIGHT: CONCEPT, SOURCES AND NORMS. Lecture

As a result of studying of the given theme the trained should:

To know: *concept and essence criminally-procedural right; criminal trial kinds; concept and system of sources criminally-procedural right; concept, kinds and structures criminally-procedural right.*

To be able: *to differentiate sources of criminal trial depending on their validity; to distinguish structure of norms criminally-procedural right; to apply the criminally-remedial law in space, in time, on a circle of persons and by analogy.*

To own knowledge: *about kinds criminally-procedural right; about a parity criminally-procedural right with other branches of the right and subject matters.*

Key terms: *criminally-procedural right; an accusatory kind of criminal trial; searching (inquisitorial) criminal trial kind; controversial criminal trial kind; the mixed kind of criminal trial; sources criminally-procedural right; criminally-remedial norm; criminal trial action in space, in time, on a circle of persons.*

Понятие уголовно-процессуального права и его соотношение с другими отраслями права и юридическими дисциплинами

Уголовно-процессуальное право *– отрасль российского права, представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих обще-*

ственные отношения, возникающие, функционирующие и прекращающиеся как на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, так и на различных стадиях уголовного процесса.

Уголовно-процессуальное право, как любая другая отрасль права основана на Конституции Российской Федерации, что свидетельствует о тесной взаимосвязи с конституционным правом. Провозглашенные в Конституции Российской Федерации принципы легли в основу построения всех уголовно-процессуальных институтов и нашли самостоятельное отражение в главе 2 УПК РФ: законность при производстве по уголовному делу, осуществление правосудия только судом, независимость судей, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность жилища и другие. Возникающие в рамках осуществления производства по уголовным делам правоотношения между участниками уголовного судопроизводства, должностными лицами и органами регламентированы уголовно-процессуальным правом в соответствии с нормами, предписанными Конституцией Российской Федерации [63].

Соотношение уголовного и уголовно-процессуального права. Уголовное право предусматривает основание уголовной ответственности, устанавливает виды наказания и иные меры, назначаемые за совершенное преступное деяние. Определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния, раскрывает основания освобождения от уголовной ответственности и наказания [73; 78; 79; 80; 81]. Уголовное право представляет собой совокупность норм материального права, реализация которых происходит путем применения норм и институтов уголовно-процессуального права. Принято различать возникающие в ходе применения данных отраслей правоотношения. Уголовно-правовые правоотношения, это отношения, возникающие между государством, установившим правила и нормы поведения и лицом, допустившим нарушение норм уголовного закона. Уголовно-процессуальные отношения возникают в момент получения должностным лицом информации о совершенном преступлении и продолжаются на протяжении всего периода установления обстоятельств, имеющих значения для принятия законного и обоснованного решения [38].

Уголовно-процессуальные отношения позволяют реализовывать уголовно-правовые нормы, кроме того призваны обеспечить защиту граждан от необоснованного обвинения и осуждения.

Соотношение гражданского и уголовно-процессуального права. Применение норм уголовно-процессуального право создает условия для реализации норм материального гражданского права, при решении вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Так лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением, в рамках расследования по уголовному делу, признается гражданским истцом (ст. 44 УПК РФ). В свою очередь в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несет ответственность за вред, причиненный преступлением (ст. 54 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации содержит отдельную норму, содержащую в себе меры по обеспечению гражданского иска в уголовном судопроизводстве (ст. 161.1 УПК РФ) [35].

Соотношение гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права. Судопроизводство в указанных отраслях происходит на схожих основополагающих началах (принципах): состязательность и равноправие сторон, независимость суда, непосредственность, устность и гласность судебного разбирательства. Однако в то время как уголовное судопроизводство связанно с восстановлением прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления и вынесением справедливого, всестороннего и полного приговора в отношении лица, совершившего общественно-опасное деяние, гражданский же процесс, в свою очередь, направлен на восстановление интересов частного характера.

Соотношение административно-процессуального и уголовно-процессуального права. Административное производство имеет схожие формы с уголовном процессом, руководствуется схожими принципами: право на защиту, оценка доказательств, гласность и др. Процедура формирования доказательственной базы практически тождественна, признаются показания свидетелей, заключения экспертов, составления прото-

колов проводимых процессуальных мероприятий по административным правонарушениям. Административные правонарушения отличаются от уголовных преступлений малозначительностью [75; 92; 93].

Соотношение оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального права. Уголовно-процессуальное отношения, возникающие в процессе расследования по уголовным делам тесно взаимосвязаны с оперативно-розыскной деятельностью [46; 56; 57; 58]. Так, одним из оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела является информация, полученная из оперативных источников (ст. 143 УПК РФ); надзор за деятельностью лиц, производящих расследование и осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия возложен на органы прокуратуры (ст. 29, 30 Закона о прокуратуре) [36; 42; 43; 49; 50; 76; 77; 82]; к полномочиям лиц, производящим расследование отнесена возможность дачи отдельных поручений сотрудникам оперативных подразделений.

Уголовно-процессуальная политика [33; 88; 89] и оперативно-розыскная политика [52; 53; 54; 55; 86; 87; 95; 96] являются составными частями уголовной политики государства в целом [34; 64; 67; 94], в этом также проявляется взаимосвязь уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. Существуют определенные процедуры использования оперативно-розыскных материалов в уголовном процессе [41; 45; 47; 48; 51; 59; 97].

В научной литературе, также принято отражать *взаимосвязь уголовно-процессуального права с отдельными дисциплинами*. В качестве примера приводится криминалистика. Криминалистика как учебная дисциплина позволяет освоить тактику производств отдельных следственных действий, позволяющих сформировать доказательственную базу по расследуемому уголовному делу, кроме того, при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Существует и обратная взаимосвязь, криминалистические рекомендации не должны выходить за пределы уголовно-процессуальных норм.

Виды уголовного процесса

Многообразие правовых систем, устоявшихся норм и правил поведения общества, исторические этапы индивидуального развития каждого государства предопределяют задачи, стоящие перед уголовным процессом, образуют систему построения уголовно-процессуальных институтов. В зависимости от задач, стоящих перед уголовным процессом, процессуальных полномочий государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, обеспечения прав на защиту лиц, пострадавших от преступления, порядка формирования доказательств в процессе расследования принято различать несколько видов уголовного процесса: обвинительный, розыскной (инквизиционный), состязательный и смешанный.

Обвинительный. Обвинительный уголовный процесс характерен прежде всего для более раннего развития общественных отношений (период рабовладельческого общества, раннего феодализма). В уголовном процессе данного вида ключевой фигурой являлся обвинитель, т.е. лицо, которому преступлением был причинен вред. Он располагал полномочиями по возбуждению или прекращению уголовного процесса, сбору доказательственной базы (процесс сбора доказательств был примитивен, их можно было получить либо путем угроз или пыток, либо в процессе прохождения определенных испытаний «ордалии»). Бремя обеспечения явки подозреваемого в суд возлагалось также на обвинителя. Конфликт между обвинителем и лицом, совершившим преступления, разрешался в суде, который проходил открыто, гласно, устно. Результаты поединков, испытаний и состязаний оглашались общественности.

Функции суда возлагались на народные собрания, советы старейшин, либо уважаемых феодалов. В качестве доказательств зачастую принимались свидетельства о добропорядочности участников уголовного процесса. Однако следует отметить, что на тот период не существовало разделения судопроизводства на гражданское и уголовное.

Обвинительный процесс был характерен для периода действия Русской Правды. Усиление государственной власти, развитие общественных отношений, переориентированность преступлений с личной обиды, нанесенной потерпевшему в преступление против установленных государством норм и правил поведение привело в видоизменению и уголовного процесса.

Розыскной (инквизиционный) процесс. Для уголовного процесса данного вида характерно, передача функции судебной власти государству. Тяжба между обвинителем и обвиняемым переходила в разрешение конфликта между обвиняемым и государством.

Характерными чертами данного процесса является слияние в одном участнике функций защиты, обвинения и разрешения уголовного дела. Как правило в его полномочия входит решение вопроса о возбуждении уголовного дела, установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, сбор и оценка доказательств, принятие всех процессуальных решений по делу. Прослеживалось отсутствие прав личности в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс проводился в два этапа: 1) сыск и следствие и 2) судебное производство. Следствие велось негласно, судебные разбирательства были тайные, закрытые, письменные.

Инквизиционный процесс (от лат. inquisitio – исследование) различал три вида приговоров: обвинительный, оправдательный, оставление в подозрении при недостаточности доказательств для осуждения. Значение одних и тех же доказательств дифференцировалось в зависимости от социального статуса лица, от которых оно получено.

Отсутствие контроля за законностью осуществления правосудия предопределило существование данного вида уголовного процесса.

В настоящее время розыскной уголовный процесс в чистом виде в мире почти не встречается, однако отдельные его элементы присутствуют и используются фактически во всех современных уголовно-процессуальных системах.

Состязательный уголовный процесс. Принято рассматривать состязательный уголовный процесс как наиболее демократический, справедливый и современный. Для уголовного судопроизводства в данном виде характерны следующие черты: одни участники уголовного процесса наделены функцией обвинения, другие защиты; процессуальное равенство сторон; в основу судопроизводства возложен принцип законности; решение по уголовному делу уполномочен принимать только суд; суд независим; презюмируется принцип презумпции невиновности лица, пока его вина не будет доказана в суде. В случае отказа обвинителя от предъявленного обвинения суд должен вынести оправдательный приговор. Разбирательство в судах проходит гласно, открыто, устно.

Состязательный вид уголовного процесса наиболее характерен для стран англо-американской правовой системы – США, Англия.

Современный уголовный процесс России также осуществляется на основе состязательности сторон (ч. 1 ст. 15 УПК РФ) [74; 91; 98].

Смешанный вид уголовного процесса. Представляет собой сочетание розыскного и состязательного уголовного процесса. Для него характерно деление процесса производства расследования на досудебное производство с преимуществами розыскного процесса и судебное производства, которое проходит в соответствии с правилами состязательного производства.

Кроме того, следует отметить, что функции уголовного преследования возложены на следователя, дознавателя и прокурора. Принятие процессуальный решений, выполнение следственных действий возможно лишь лицом, выступающим со стороны обвинения (следователем, дознавателем). Остальные участники уголовного производства имеют возможность повлиять по ход расследования лишь путем заявления ходатайств и жалоб, которые уполномочены рассматривать органы расследования, прокурор и суд.

Возникновение данного типа процесса обычно связывают с принятием Уголовно-процессуального кодекса Франции, позже Германии и Австрии.

Понятие и система источников уголовно-процессуального права

Источники уголовно-процессуального права *– совокупность уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальных институтов, регулирующих правоотношения, возникающие на различных стадиях уголовного процесса.*

В теории уголовного процесса нет единого подхода к пониманию источников уголовно-процессуального права, однако общие положения закреплены в ст. 1 УПК РФ, в соответствии с которым порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации.

В свою очередь источники уголовно-процессуального права образуют уголовно-процессуальное законодательство, в состав

которого входит и УПК РФ. Понятия «источники уголовно-процессуального права» и «уголовно-процессуальное законодательство» принято рассматривать как тождественные. Но не следует отождествлять понятия «уголовно-процессуальное законодательство» и «уголовно-процессуальное право». Последнее по своему содержанию шире и включает в себя уголовно-процессуальные источники.

Помимо Конституции Российской Федерации, действующего уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодатель отнес к источникам уголовного процесса и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ), решения Европейского суда по правам человека, Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации.

Более того, закон определяет, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ).

Буквальное толкование ч. 2 ст. 7 УПК РФ, а также п. «О» ст. 71 Конституции Российской Федерации, позволяет относить к источникам уголовно-процессуального права федеральные законы и иные нормативные акты.

Система источников уголовно-процессуального права.

Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Структурно состоит из Преамбулы и двух разделов. Нормы, непосредственно относящиеся к уголовно-процессуальным отношениям содержатся во 2 главе «Права и свободы человека и гражданина» (ст.ст. 47-51 Конституции Российской Федерации): никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом; каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения; Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого; никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания; что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Помимо указанного, Конституция Российской Федерации провозглашает ряд основополагающих принципов, выражающих демократическую сущность уголовного процесса:

– права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом.

Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ);

каждый имеет право на:

- возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ);
- государственную охрану достоинства личности (ст. 21),
- свободу и личную неприкосновенность (ст. 22);
- неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1 ст. 24);
- информацию (ч. 2 ст. 24);
- неприкосновенность жилища (ст. 25);
- свободу передвижения, выбора места

проживания и жительства, выезда за пределы Российской Федерации (ст. 27).

Каждый из указанных принципов находит законодательное закрепление в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (глава 2 УПК РФ), которые в свою очередь оказывают непосредственное влияние на построение всех уголовно-процессуальных институтов.

Вопрос о применении судами норм Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия разрешен в одноименном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 [29], среди основных положений которого следует отметить, следующее:

- закрепленное в Конституции Российской Федерации положение о ее высшей юридической силе означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и иными нормативными правовыми актами.
- согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия;
- в соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Учитывая это конституционное положение, а также положение ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел.

Кроме того, следует отметить, что в случае коллизий между различными законами равной силы приоритетным признается последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений, а также те законы которые устанавливают дополнительные гарантии прав и свобод [25].

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [17] установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

К общепризнанным международно-правовым документам относятся:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 г.;
- Международный пакт о гражданских и

политических правах 1966 г.;
- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.;
- Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказаний 1975 г.;
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказаний 1984 г.;
- Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанную странами-участниками СНГ 1993 г.

Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации, в Бюллетене международных договоров, размещены на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов.

Международный договор имеет приоритет над внутренним законодательством лишь в том случае, если согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, в противном случае, данные договоры имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти или уполномоченной организацией, заключившими данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации).

Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, в частности:
- если международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем уголовно-процессуальным законом РФ;
- если международным договором РФ регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства) [83].

В ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности допускаются случаи регулирования правовых отношений путем заключения двухсторонних международных договоров (вопросы международного сотрудничество о выдаче лица, об оказании правовой помощи и др.).

Кроме того, следует отметить, что наряду с указанной ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, Конституция Российской Федерации провозглашает, что не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

Решения Европейского суда по правам человека как источник уголовно-процессуального права.

В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [16] Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона).

Верховный Суд РФ в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»

пояснил судам, что «Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [65].

Это предполагает, что постановления Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) становятся источником права, в том числе уголовно-процессуального.

Вместе с тем в крайние годы в научной литературе развернулась дискуссия по поводу того, любое ли решение ЕСПЧ является обязательным для Российской Федерации. Ее инициатором выступил председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В.Д. Зорькин [72]. Его поддержали другие члены Конституционного Суда и известные отечественные исследователи (Н.С. Бондарь, Б.С. Эбзеев, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, В.Б. Романовская, Е.А. Брылева и др.) [39; 40; 62; 68; 84; 85; 99]. Был выработан механизм признания отдельных решений ЕСПЧ необязательными для Российской Федерации и внесены соответствующие изменения в действующее российское законодательство [2; 20].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации является основным источником уголовно-процессуального права, которым устанавливаются правила уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Действующий УПК РФ принят был принят Государственной Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 г., подписан Президентом Российской Федерации 18 декабря 2001 г., вступил в силу 1 июля 2002 г. [14] Однако с момента вступления кодекса в силу в него неоднократно вносились как незначительные изменения, так и корректирующие целые уголовно-процессуальные институты. Всего насчитывается внесение более 230 изменений, внесенных федеральными законами Российской Федерации,

В настоящее время структурно уголовно-процессуальный кодекс представлен шестью частями:

Часть 1 «Общие положения», включает в себя шесть разделов (I-VI), восемнадцать глав (1-18).

Раздел I «Основные положения, который включает в себя четыре главы 1 «Уголовно-процессуальное законодательство, 2 «Принципы уголовного судопроизводства», 3 «Уголовное преследование», 4 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования»). Особое значение в структуре УПК РФ имеет глава 2 о принципах уголовного судопроизводства. Никакие иные положения УПК РФ не могут противоречить принципам, закрепленным в главе 2.

Раздел II называется «Участники уголовного судопроизводства». В УПК РФ участники уголовного судопроизводства четко разделяются на четыре группы: суд, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, со стороны защиты и иные участники уголовного судопроизводства. Четыре первые главы данного раздела (с 5 по 8) соответственно посвящены четырем группам участников уголовного судопроизводства. Глава 9 называется «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве» и предусматривает, в частности, порядок заявления и разрешения заявлений об отводах судьи, прокурора, следователя или дознавателя, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта, специалиста.

Раздел III «Доказательства и доказывание» состоит всего из двух глав: глава 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» и глава 11 «Доказывание». В частности в 11 главе законодатель определил в чем заключается процесс доказывания (в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ).

Раздел IV «Меры процессуального принуждения» включает в себя три главы. Глава 12 посвящена задержанию подозреваемого. В главе 13 регулируются вопросы, связанные с мерами пресечения в отношении подозреваемого или

обвиняемого: подпиской о невыезде, залоге, домашнем аресте, заключении под стражу и другими.

Глава 14 называется «Иные меры процессуального принуждения. В статьях этой главы регулируются вопросы, связанные с такими мерами как обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности и другие.

Раздел V «Ходатайства и жалобы» состоит из двух глав: 15 «Ходатайства», 16 «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство». Раздел VI «Иные положения» также состоит из двух глав: 17 «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» и 18 «Реабилитация».

Часть 2 «Досудебное производство», включает в себя два раздела (VII-VIII), пятнадцать глав (19-32.1).

Данная часть полностью посвящена досудебному производству, состоящему из двух стадий – возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Соответственно этому делению в часть вторую входят два раздела – VII и VIII.

Раздел VII «Возбуждение уголовного дела» состоит из двух глав: 19 «Поводы и основания возбуждения уголовного дела» и 20 «Порядок возбуждения уголовного дела».

Раздел VIII «Предварительное расследование» самым большим в УПК РФ и состоит из тринадцати глав. В главе 21 регулируются общие условия предварительного расследования. Глава 22 посвящена одной из форм предварительного расследования – предварительному следствию. Второй форме предварительного расследования – дознанию – посвящены главы глава 32 «Дознание» и 32.1 «Дознание в сокращенной форме». При этом глава 32.1 была включена в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [11]. Глава 23 называется «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения». В последующих четырех главах регулируется производство отдельных следственных действий – осмотра, освидетельствования и следственного эксперимента (глава 24), обыска, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (глава 25,), допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте (глава 26), судебной экспертизы (глава 27). Глава 28 называется «Приостановление и возобновление предварительного следствия», глава 29 – «Прекращение уголовного дела», глава 30 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору» и глава 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением».

Часть 3 «Судебное производство», включает в себя семь разделов (IX-XV), двадцать глав (33-49), из которых 5 утратило силу.

Раздел IX посвящен производству в суде первой инстанции (глава 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию», глава 34 «Предварительное слушание, глава 35 «Общие условия судебного разбирательства», глава 36 «Подготовительная часть судебного заседания», глава 37 «Судебное следствие», глава 38 «Прения сторон и последнее слово подсудимого», глава 39 «Постановление приговора». В разделе X регулируется особый порядок судебного производства, в него включены две главы – 40 «Особенности принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» и 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». По одной главе входят в раздел XI «Особенности производства у мирового судьи» (глава 41) и раздел XII «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей (глава 42 «Производство по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей»). В главу 42 Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» [8] были внесены существенные изменения, которые в своем большинстве вступят в силу с 1 июня 2018 года.

Значительные изменения в последнее время претерпели разделы XIII «Производство в суде второй инстанции» и XV «Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда». Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утра-

тившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [12] из раздела XII были исключены главы 43 «Апелляционное и кассационное обжалование судебных решений, не вступивших в законную силу», 44 «Апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела», 45 «Кассационный порядок рассмотрения уголовного дела» и включена новая глава 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции». Из раздела XV УПК РФ этим же федеральным законом была исключена глава 48 «Производство в надзорной инстанции» и включены две новые главы – 47.1 «Производство в суде кассационной инстанции и глава 48.1 «Производство в суде надзорной инстанции. Еще одной главой раздела XV является глава 49 «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств». Изменения в разделах XIII и XV УПК РФ связаны с изменением сущности апелляционной и кассационной инстанций в уголовном процессе. Первоначально и апелляционное и кассационное производство по уголовному делу осуществлялось в отношении судебных решений, не вступивших в законную силу. В настоящее время производство в суде апелляционной инстанции продолжает осуществляться в отношении судебных решений, не вступивших в законную силу, а производство в суде кассационной инстанции наряду с производством в суде надзорной инстанции – в отношении вступивших в законную силу судебных решений.

В часть 3 входит также раздел XIV, посвященный самостоятельной стадии уголовного процесса – исполнению приговора.

Часть 4 «Особый порядок уголовного судопроизводства», включает в себя два раздела (XVI-XVII), четыре главы (50-52).

Раздел XVI «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел» включает в себя две три: глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних»; глава 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» и введенную Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [10] главу 51.1 «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». Раздел XVI «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» включает в себя единственную одноименную главу 52 .

Часть 5 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», включает в себя один раздел (XVIII) и четыре главы.

В часть 5 входит единственный раздел ХУШ «Порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями». В данный раздел входят три главы: глава 53 «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями», глава 54 «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора и глава 55 «Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является».

Часть 6 «Электронные документы и бланки процессуальных документов», включает в себя один раздел XIX «Использование в уголовном судопроизводстве электронных документов и бланков процессуальных документов» и две главы: 56 «Порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов» и 57 «Перечень бланков процессуальных документов», которая в соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» [13] утратила силу.

Данная часть представлена в редакции Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [9].

В целом кодекс состоит из 19 разделов, 57 глав и 474 статей, но следует учитывать, что применяемая законодателем юридическая техника нумерации статей допускает возможность закре-

пления за одной статьей нескольких самостоятельных норм. Так, к примеру, в главе 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» состоит из 36 статей, пронумерованных с 389.1 «Право апелляционного обжалования» до 389.36 «Повторное рассмотрение уголовного дела судом апелляционного инстанции».

Действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации отличается своей логичностью построения уголовно-процессуальных институтов, системностью подхода к определению назначению уголовного судопроизводства, принципов уголовного процесса, определении функциональных обязанностей субъектов уголовного судопроизводства. Однако уголовно-процессуальный кодекс «прошел» достаточно длительный путь развития, подвергаясь изменениям вместе с меняющимися в стране общественными отношениями и политическими режимами, ему предшествовал Устав уголовного судопроизводства (1864 г.), его сменил первый уголовно-процессуальный кодекс (1922 г.), следующий кодекс был принят в 1923 г., на смену которого пришел УПК РСФСР 1960 г.

Иные законы Российской Федерации в системе источников уголовно-процессуального права.

Как было отмечено ранее, основным источником уголовно-процессуального права является уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, однако невозможно в одном кодексе нормативно закрепить все многообразие уголовно-процессуальных отношений возникающих в рамках уголовного судопроизводства. Помимо указанных, к источникам уголовно-процессуального права следует относить Федеральные конституционные законы и Федеральные законы Российской Федерации.

Федеральные конституционные законы определяют судебную систему, компетенцию судов, статус судей, полномочия и принципы деятельности уполномоченного по правам человека и др.

К примеру, Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7] определил организацию Конституционного Суда Российской Федерации и статус судей, особенности производства в Конституционном Суде Российской Федерации по отдельным категориям дел. Не менее весомый вклад в развитие уголовно-процессуальных отношений и правовую регламентацию уголовно-процессуальной деятельности внес Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [6], который закрепил, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия (ст. 1 ФКЗ).

В 1999 году принят Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» [5], который прописал, что военные суды осуществляют правосудие от имени Российской Федерации, рассматривая подсудные им дела в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 2 ФКЗ). Определил вопросы подсудности дел военным судам (ст. 7).

Статус Верховного Суда Российской Федерации закреплен Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 3- ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации» [4]. Так, в частности ФКЗ определил, что Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов, образованных в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и федеральными законами, рассматривая гражданские дела, дела по разрешению экономических споров, уголовные, административные и иные дела, подсудные указанным судам, в качестве суда надзорной инстанции, а также в пределах своей компетенции в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций (ч. 2 ст. 2).

К источникам уголовно-процессуального права относятся также федеральные законы, которые можно разделить на пять групп*:

- федеральные законы, отражающие отдельные институты уголовно-процессуального права (например, Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»);

- федеральные законы, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность отдельных государственных органов: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и др.;
- федеральные законы, регулирующие статус отдельных участников уголовного процесса: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и др.;
- федеральные законы, регулирующие вопросы доказывания и доказательств (доказательственного права): Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»;
- федеральные законы, регулирующие статус лиц, в отношении которых установлен особый порядок судопроизводства (лиц, обладающих неприкосновенностью в уголовном процессе): Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы»; Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» и др.

Судебные решения как источник уголовно-процессуального права.

На уголовно-процессуальную деятельность непосредственное влияние оказывают и решения Конституционного и Верховного суда Российской Федерации, что дает основание отнести их к источникам уголовно-процессуального права, но следует учитывать, что решения этих судов не создают самостоятельных норм, а представляют собой толкование существующих норм и правоприменительной практики, что не дает возможности признавать их самостоятельным источником права.

В связи с этим в научной литературе ведется дискуссия о возможности признания прецедентного характера судебных решений в российской правовой системе [60; 61; 71].

Решения Конституционного суда Российской Федерации.

Наибольшее значение для уголовного судопроизводства имеет такое полномочие Конституционного Суда РФ, как проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов. Инициируют проверки такого рода жалобы на нарушения прав и свобод, провозглашенных Конституцией Российской Федерацией.

Важно отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен к принятию двух видов решений, которые имеют отношения к уголовно-процессуальной деятельности: о толковании положений Конституции РФ, устанавливающих правовые основы осуществления уголовного судопроизводства; о проверки конституционности уголовно-процессуальных норм.

В случае если Конституционный Суд РФ признает неконституционность нормы или закона, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» это является основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов либо договоров, основанных на признанных неконституционными полностью или частично нормативном акте либо договоре либо воспроизводящих их или содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными.

Признание не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативного акта субъекта Российской Федерации, договора субъекта Российской Федерации или отдельных их положений является основанием для отмены в установленном порядке органами государственной власти других субъектов Российской Федерации положений принятых ими нормативных актов либо заключенных договоров, содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными.

В случае признания нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти либо отдельных их положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном

Конституционным Судом Российской Федерации истолковании при их применении исключается любое иное их истолкование, а на последствия принятия такого постановления распространяются положения настоящего Федерального конституционного закона и иных федеральных законов, установленные для случаев признания нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции Российской Федерации, если иное не установлено настоящим Федеральным конституционным законом (ст. 87 ФКЗ).

Приведем пример решения Конституционного суда РФ, признавшего отдельные нормы УПК РФ, не соответствующими Конституции РФ. Так, Конституционный Суд РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» [21] постановил, следующее: «Признать взаимосвязанные положения пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 23 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 49, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников.

В качестве примера решения о выявлении конституционного-правового смысла нормы уголовно-процессуального закона можно отметить постановление Конституционного суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» [22], согласно которому суд постановил: «Признать пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертую статьи 165 и часть первую статьи 182 УПК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, предполагают, что: обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения; исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т.е. материалы, не связанные непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые имеют уголовно противоправный характер, либо другими преступлениями, совершенными третьими лицами, либо состоят в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона; в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну».

Решения Верховного суда Российской Федерации. Правоприменители в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности зачастую сталкиваются со сложностью в толковании закона, которые в свою очередь нуждаются в разъяснении. Правом такого разъяснения наделен Пленум Верховного Суда Российской Федерации, путем издания соответствующих актов. В данных актах устанавливается единый порядок осуществления уголовно-процессуальных действий и принятия

уголовно-процессуальных решений, которые являются обязательными по всем уголовным делам и для всех судов.

Верховный Суд РФ, изучая и обобщая решения рассмотренных уголовных дел нижестоящих судов, а также, рассматривая уголовные дела в качестве суда апелляционной, кассационной инстанции, в порядке надзора и по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, формирует судебную практику, осуществляет толкование законов.

Так в качестве примера приведем постановление Пленума Верховного Суда от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [26], в котором дано разъяснение, что: «Судам следует учитывать, что ходатайство о производстве следственного действия по уголовному делу, предварительное следствие или дознание по которому осуществляется следственной группой либо группой дознавателей, полномочен возбудить перед судом только руководитель такой группы (пункт 7 части 4 статьи 163, пункт 8 части 4 статьи 223.2 УПК РФ). В тех случаях, когда ходатайство о производстве следственного действия возбуждено перед судом непосредственно руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, согласия вышестоящего руководителя следственного органа на направление ходатайства в суд не требуется» (пункт 2 Постановления).

Другой пример, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 13 февраля 2018 г. № 5 «О применении судами некоторых положений Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»» [28], определено, что: «Граждане, включенные в общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели для окружного (флотского) военного суда, составленные в соответствии с Федеральным законом «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 года N 433-ФЗ, сохраняют свои полномочия до 1 июня 2018 года, а в случае их участия в качестве присяжных заседателей в рассмотрении верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, автономной области, автономного округа, окружным (флотским) военным судом уголовных дел, которые не могут быть закончены до истечения этого срока, – до окончания рассмотрения таких дел» (пункт 2 Постановления).

Подзаконные нормативно-правовые акты.

Не являющиеся самостоятельными источниками уголовно-процессуального права, но оказывающими непосредственное влияние на осуществление уголовно-процессуальной деятельности являются: указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, ведомственные нормативно-правовые акты.

К подзаконным актам следует относить приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации.

Указанные нормативные акты как правило содержат в себе уточнение (конкретизацию) существующих уголовно-процессуальных норм, обращают внимание на соблюдение отдельно взятых норм, определяют правило реагирования на их нарушения.

Так, к примеру, в постановлении Правительства от 8 мая 2015 г. № 449 определены условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам [19]. Или в приказе Генпрокуратуры Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 774 определена организация прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [31].

Понятие, виды и структура уголовно-процессуальных норм

Уголовно-процессуальное право структурно состоит из норм, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, определяющие правила поведения, права, обязанности и ответственность участников уголовного процесса, регламентирующие порядок функционирования уголовно-процессуальных институтов.

Нормы уголовно-процессуального права – это установленное государством и обеспеченное принудительными мерами общее и общеобязательное правило поведения субъектов уголовно-процессуальной деятельности [70, стр. 40].

Уголовно-процессуальные нормы установ-

лены государством и отражены в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Их реализация позволяет правоприменителям достичь назначения уголовного судопроизводства: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Характерные особенности уголовно-процессуальных норм:

1. Уголовно-процессуальные нормы всегда имеют конкретного адресата (участники уголовного судопроизводства, государственный орган или должностное лицо);
2. Имеют обязательный для исполнения характер для лиц, осуществляющих реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (следователь, дознаватель, прокурор, суд);
3. Выполняют как правоустанавливающие, так и охранительные функции;
4. Определяют допустимые или обязательные для исполнения правила поведения участников уголовно-процессуальных правоотношений;
5. Носят двухсторонний характер, где с одной стороны выступает государство, в лице государственного органа или должностного лица, а с другой – субъект уголовного судопроизводства.

Виды уголовно-процессуальных норм. В теории уголовного процесса принято уголовно-процессуальные нормы принято разделять на следующие виды:

1. Нормы дозволения (управомачивающие). К данному виду норм относятся те, которые позволяют участнику уголовно-процессуальных отношений совершение тех или иных действий. Например, эксперт вправе знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы (п.1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ) или переводчик вправе задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода (п.1 ч. 3 ст. 59 УПК РФ).

2. Номы предписания (обязывающие). Название данной группы норм говорит само за себя, к ним относятся те, которые предписывают участникам уголовного судопроизводства конкретные правила поведения. Например, в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и не имеет соответствующего допуска к указанным сведениям, он обязан дать подписку об их неразглашении, принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц, а также соблюдать требования законодательства Российской Федерации о государственной тайне при подготовке и передаче процессуальных документов, заявлений и иных документов, содержащих такие сведения (ч. 5 ст. 49 УПК РФ) или о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ).

3. Нормы запреты (запрещающие). Прямо установленное законом недопустимое поведение участников уголовного процесса или запрет на совершение конкретных действий. Например, присяжным заседателям запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ) или в ходе обыска, осмотра и (или) выемки в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства (ч. 2 ст. 450.1).

Структурно уголовно-процессуальная норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Однако далеко не каждая норма включает в себя наличие сразу всех трех элементов. В источниках уголовно-процессуального права, как и во многих других отраслях права, гипотеза и санкция словесно, как правило, опускаются из соображений юридической техники. Словесное выражение всех трех элементов структуры нормы права, в одной и той же статье или в части, пункте статьи встречаются крайне редко, и даже в этих случаях структуру нормы права можно выразить только логическим путем, применяя конструкцию «Если – то – иначе» [44, стр. 109].

Гипотеза нормы права – это указание на условие (обстоятельства, юридические факты), при которых могут быть осуществлены права, должны быть исполнены обязанности и соблю-

дены запреты, образующие диспозицию той же нормы [37, стр. 83].

Гипотеза указывает при каких условиях следует руководствоваться данной правовой нормой. Как правило такие нормы в тексте УПК РФ начинаются со слов: «Если…», «При …», «В случае …». Например, если в соответствии с настоящим Кодексом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет (ч. 3 ст. 18 УПК РФ), или при рассмотрении уголовного дела судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции один из них председательствует в судебном заседании (ч. 5 ст. 30 УПК РФ), или в случае если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ).

Диспозиция, рассматривается как часть процессуальной нормы, где описывается модель должного, возможного или должно-возможного поведения участников регулируемого общественного отношения в сфере юридического процесса [37, стр. 84]. Другими словами, определяет то, каким может или должно быть поведение адресата, при условий, предусмотренных гипотезой, а также определяет форму закрепления результатов таких действий. Допускаются нормы, в которых диспозиция носит принудительный характер. Например, при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). В данном случае важно отличать данные нормы от санкций.

Санкция определяет наказание, которое должен понести субъект уголовно-процессуальных правоотношений, за невыполнение или ненадлежащее выполнение диспозиции нормы. Иными словами, санкция представляет собой своеобразную карательную меру со стороны государства за допущенные нарушения предписаний закона. Санкции могут быть как уголовно-процессуального характера, так и уголовно-правового.

Санкции уголовно-правового характера закрепляют уголовную ответственность участнику уголовного судопроизводства за нарушение требований уголовно-процессуального законодательства. Например, за отказ от дачи показаний, а также за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования потерпевший несет ответственность в соответствии со статьей 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 7 ст. 42 УПК РФ).

В свою очередь санкции уголовно-процессуального характера принято подразделять на:

1. Процессуально-штрафные. Предусматривают возможность несения материальной ответственности, штрафа. Например, в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса (ст. 117 УПК РФ).

2. Правовосстановительные. Санкции данной категории направлены на восстановление эффективной реализации правовой нормы. Например, о производстве освидетельствования следователь выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179 УПК РФ).

3. Процессуально-предупредительные. Санкции, которые направлены на заблаговременное устранение неблагоприятных причин и условий, мешающих принятию законного, обоснованного и аргументированного процессуального решения. Например, эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей (п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

4. Процессуально-принудительные. Предполагают применение принудительных мер воздействия на участников уголовного судопроизводства. Например, в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший и свидетель могут

быть подвергнуты приводу (ч. 1 ст. 113 УПК РФ).

5. Санкции, признающие ничтожность ранее принятых решений или совершенных процессуальных действий. Например, в случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 75 настоящего Кодекса (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Совокупность норм права, регулирующих качественно однородные общественные отношения, внутри отрасли права, в теории государства и права называют *правовыми институтами.* Четкого перечня уголовно-процессуальных институтов не существует, но допустима их классификация на: отраслевые, межотраслевые, регулятивные и охранительные.

Отраслевой уголовно-процессуальный институт, тот, который не встречается в других отраслях права. Например, институт производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей (глава 42 УПК РФ).

Межотраслевой институт, присущ двум и более отраслям права. Например, институт жалоб и ходатайств (глава 15).

Регулятивный уголовно-процессуальный институт содержит в себе совокупность норм, направленных на регулирование уголовно-процессуальных отношений. Например, институт доказывания (глава 11).

Охранительный институт направлен защиту уголовно-процессуальных отношений (например, институт реабилитации (глава 18).

Уголовно-процессуальное право полисистемно: его нормы и институты одновременно относятся к различным институтам и подотраслям. Например, институт следственного действия входит в состав таких подотраслей уголовно-процессуального права, как предварительное расследование, судебное разбирательство, доказательственное право [70, стр. 44].

Пределы действия уголовно-процессуального закона

Под пределами уголовно-процессуального закона принято понимать его действие в пространстве, по кругу лиц и во времени.

Действие уголовно-процессуального закона в пространстве предполагает, что производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, если международным договором не установлено иное (ч. 1 ст. 2 УПК РФ). К территории Российской Федерации относятся территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 155-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» определил границы внутренних вод и территориального моря [15], понятие воздушного пространства дано в Воздушном кодексе Российской Федерации от 19 марта 1997 года № 60-ФЗ (ред. от 31.12.2017). [1]

Нормы уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации применяются также при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, находящимся за пределами РФ под флагом РФ, если оно приписано к порту РФ (ч. 2 ст. 2 УПК РФ). Действие указанной нормы распространяется на любое судно, зарегистрированное на территории Российской Федерации в соответствии с требованиями действующего законодательства вне зависимости от формы собственности.

В 2016 года УПК РФ прописал норму, согласно которой в случаях, совершения преступления гражданами Российской Федерации и постоянно проживающими в Российской Федерации лицами без гражданства, вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых уголовным законодательством Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами Российской Федерации могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ (ч. 3 ст. 2 УПК РФ).

Действие уголовно-процессуального закона по кругу лиц. Уголовное судопроизводство в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации ведется в соответствии с правилами установленными уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 УПК РФ). Кроме того, закон предусматривает нормы, согласно которой в случаях, совершения преступления гражданами Российской Федерации и постоянно проживающими в Российской

Федерации лицами без гражданства, вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых уголовным законодательством Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства могут проводится в соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ).

Однако из данного правила есть исключения. Так в соответствии с ч. 2 ст. 3 УПК РФ процессуальные действия в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, производятся с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось. Информация о том, пользуется ли соответствующее лицо иммунитетом и каков объем такого иммунитета, предоставляется Министерством иностранных дел Российской Федерации. Перечень лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом утвержден Указом Президиума ВС СССР от 23 мая 1966 г. № 4961-VI [18]. Согласно данного Указа помещения, занимаемые дипломатическим представительством, также неприкосновенны. Эти помещения и находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительства пользуются иммунитетом от всех принудительных действий, в том числе обыска, выемки, ареста.

Резиденция главы дипломатического представительства и жилые помещения членов дипломатического персонала представительства пользуются той же неприкосновенностью и защитой, что и помещения представительства. Доступ в них может иметь место лишь с согласия главы дипломатического представительства или лица, его заменяющего.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [27] определен круг лиц, пользующихся иммунитетом, в который входят: главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности, главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, а также другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации [32].

Действие уголовно-процессуального закона во времени. Ограничение действия уголовно-процессуального закона во времени предусматривает, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 4 УПК РФ).

Федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу (ст. 6 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»). К примеру, сам Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был принят Государственной Думой Российской Федерации 22 ноября 2001 г., подписан Президентом Российской Федерации 18 декабря 2001 г., вступил в силу 1 июля 2002 г [14], за исключением отдельных норм для которых установлены иные сроки и порядок введения в действие.

Следует отметить, что после вступления федерального закона об изменениях в УПК РФ его текст включается в текст УПК РФ, и он утрачивает свое самостоятельное значение.

Действие уголовно-процессуального закона во времени допускает начало производства по уголовному делу по одному закону, а завершение по другому, вступившему в силу в период осуществления уголовного процесса [30]. Применение данного правило происходило в 2014 года в связи с принятием в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя, с учетом положений Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [3]. К примеру, в соответствии с Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» материалы, по которым досудебное расследование деяний, содержащих признаки преступлений, на 18 марта 2014 года не было завершено (независимо от гражданства лица, подозреваемого в совершении преступления), передаются прокурору для определения вида уголовного преследования и подследственности в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 1 ст. 3).

По общему правилу уголовно-процессуальный закон обратной силы не имеет. Однако из этого правила есть исключение. После своей отмены уголовно-процессуальная норма может быть применена лишь тогда, когда она предоставляла субъекту уголовного процесса более льготные возможности.

Действие уголовно-процессуального права по аналогии.

Уголовно-процессуальное законодательство прямо не регламентирует возможность применения аналогии в уголовно-процессуальном праве. Однако в ходе правоприменеия возникают ситуации, когда закон не содержит норму напрямую регламентирующую возникшую ситуацию или принятие того или иного решения. В данной ситуации допустимо применение аналогичной нормы, регламентирующую схожую ситуацию. К примеру, до приостановления предварительного следствия следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, и принимает меры по его розыску либо установлению лица, совершившего преступление (ч. 5 ст. 208 УПК РФ), но для дознавателя эта процедура не описана. Это не означает, что правила данной нормы не распространяется на дознавателей, здесь необходимо применять закон по аналогии.

Кроме того возможность применения аналогии допускает Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем постановлении отметил, что «Возможные пробелы в уголовно-процессуальном регулировании могут быть восполнены в правоприменительной практике органов, ведущих судопроизводство, на основе процессуальной аналогии» [24]. Данная позиция была подтверждена и в более позднем решении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» [23].

Важно помнить, что аналогия права применяется лишь в крайних случаях, когда нет уголовно-процессуальной нормы, подходящей для применения по аналогии закона, когда имеют место пробелы в праве [66; 69; 90].

Примечания

* Данная классификация разработана В.Н. Ларионовым [71, стр. 7-8].

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте понятие уголовно-процессуального права.
2. Определите соотношение уголовно-процессуального права с другими отраслями права
3. Какие виды уголовного процесса Вам известны? Раскройте основные их характерные черты.

4. Дайте понятие источники уголовно-процессуального права.
5. Перечислите источники уголовно-процессуального права в зависимости от их юридической силы.
6. Дайте понятие общепризнанные принципы международного права.
7. Дайте понятие общепризнанные нормы международного права.
8. Дайте понятие международный договор Российской Федерации.
9. Раскройте соотношение понятий «уголовно-процессуальное право» и «уголовно-процессуальное законодательство».
10. Дайте общую характеристику Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.
11. Дайте понятие уголовно-процессуальные нормы.
12. Определите характерные особенности уголовно-процессуальных норм.
13. Перечислите виды уголовно-процессуальных норм.
14. Раскройте структуру уголовно-процессуальных норм.
15. Определите пределы действия уголовно-процессуального законодательства.
16. Возможно ли использование норм уголовно-процессуального закона по аналогии?

Список литературы

1. Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 19 марта 1997 № 60-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
2. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
3. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 12. – Ст. 1201.
4. Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 550.
5. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
6. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
7. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
8. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3859.
9. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3889.
10. Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть II). – Ст. 4256.
11. Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 45
13. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

14. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (1 ч.). – Ст. 4924.
15. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3833.
16. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
17. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г. № 4961-VI «Об утверждении положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости ВС СССР. – 1966. – № 22. – Ст. 387.
19. Постановление Правительства РФ от 08 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 20. – Ст. 2915.
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4698.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 52 (часть I). – Ст. 7682.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 28. – Ст. 3393.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.
25. Определение Конституционного Суда РФ от 02 марта 2006 г. № 54-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Аудиторская фирма «АристаЛюКС» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 20. – Ст. 2212.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. – 2017. – № 125.
27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 244.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 5 «О применении судами некоторых положений Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»» // Российская газета. – 2018. – № 39.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 1995. – № 247.

30. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июня 2003 г. по делу Митрохина // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12. – С. 13-14.
31. Приказ Генпрокуратуры России от 14 ноября 2017 г. № 774 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // Законность. – 2018. – № 1.
32. Агаев Б.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе: Монография. – М.: Теис, 1998. – 135 с.
33. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с
34. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
35. Антонов И.А., Шхагапсоев З.Л. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
36. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
37. Бахта А.С. К вопросу о структуре уголовно-процессуальных норм // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С. 81-87.
38. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1975. – 176 с.
39. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
40. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
41. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 176 с. – Сер. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
42. Гельдибаев М.Х., Огородников А.А. Прокурорский надзор: Создание и развитие прокуратуры России. Система органов прокуратуры: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2002. – 240 с.
43. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 156 с.
44. Григонис Э.П. Теория государства и права. – СПб., 2002. – 320 с.
45. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Спарк, 1996. – 111 с.
46. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
47. Зайковский В.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания по уголовному делу: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 234 с.
48. Захарцев С.И. Возвращаясь к дискуссии об использовании результатов ОРД в уголовном процессе // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 153-159.
49. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Основы методики прокурорского надзора за ОРД // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 132-137.
50. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Основы организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 137-148.
51. Захарцев С.И., Сальников В.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 90-93. – в сб. 243 с.
52. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
53. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
54. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.

55. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
56. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
57. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
58. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
59. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов ОРД при расследовании преступлений: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 2002.
60. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3-9.
61. Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Право, закон, судебный прецедент: российский вариант: Монография. – М.: Юрист, 2008. – 94 с.
62. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
63. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
64. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
65. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 504 с.
66. Кондрат И.Н. Судебный контроль в охране прав и свобод участников уголовного процесса на стадии досудебного производства: пробелы законодательного регулирования и перспективы его совершенствования // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 29-33.
67. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
68. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
69. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
70. Лазарева В.А. Уголовный процесс: Учебник / Коллектив авторов; под редакцией В.А. Лазаревой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. – 656 с.
71. Ларионов В.Н. Источники уголовно-процессуального права и роль судебных решений в регулировании уголовно-процессуальных отношений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
72. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
73. Милюков С.Ф. Российская система наказаний / Науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 48 с.
74. Никитина И.В. Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
75. Николаева Л.А., Сальников В.П., Соловьева А.К. Административное судопроизводство: проблемы теории и практики разрешения публично-правовых споров / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
76. Осипкин В.Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: Учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001. – 279 с.
77. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А. Н. Савенкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и К°, 2009. – 453, [1] с. – (Высшее образование).
78. Рагимов И.М. О нравственности наказания / Предисл. Х.Д. Алекперова. – СПб.: Юридический Центр, 2016. – 224 с.
79. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
80. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.

81. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
82. Рохлин В.И., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: Защита прав человека; Нормативные акты; Анализ; Комментарии. – СПб.: Сентябрь, 2001. – 482 с.
83. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. // СПС КонсультантПлюс. 2014.
84. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
85. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
86. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
87. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
88. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
89. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
90. Сергевнин С.Л. Конституционно-правовые пробелы и дефекты: некоторые теоретические и прикладные вопросы // Вестник Уставного Суда Калининградской области. Июль 2009 – август 2010. – № 13-14. – Калининград, 2010. – С. 145-150.
91. Смирнов А.В. Состязательный процесс. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.
92. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 661 с.
93. Сорокин В.Д. Советское административно-процессуальное право. – Л.: ЛГУ, 1976. – 56 с.
94. Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 414 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
95. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
96. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.
97. Химичева О.В. Судебный контроль за процессуальными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями (досудебное производство). – М.: Юридический институт МВД России, 1998. – 72 с.
98. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 220 с.
99. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

РЕУФ Владислав Маркович,
доцент кафедры публичного права Самарского государственного экономического университета кандидат юридических наук (г. Самара, Россия)
E-mail: vladreuf@rambler.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ОСОБЕННОСТИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИНАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. *На основе тщательного изучения нормативных актов Советского периода, анализируется эволюция законодательства СССР в отношении женщин, осужденных к лишению свободы и содержащихся в местах заключения. Особый уклон делается на рассмотрении порядка содержания женщин в местах лишения свободы вмести с малолетними детьми.*

Ключевые слова: *ГУЛАГ; Наркомюст РСФСР; ИТК; Совнарком СССР; осужденные; женщины; грудные дети; беременные; кормящие матери; лагеря.*

REUF V.M.
SAL'NIKOV S.P.

FEATURES OF SERVING OF PUNISHMENT BY THE WOMEN CONDEMNED TO IMPRISONMENT, DURING THE SOVIET PERIOD

The summary. *In the article, on the basis of a thorough study of the normative acts of the Soviet period, the evolution of the legislation of the USSR regarding women convicted of deprivation of liberty and those held in places of detention is analyzed. A special bias is made to consider the issue of the procedure for keeping women in places of deprivation of liberty with young children.*

Key words: *GULAG; People's Commissar of the RSFSR; ITK; Council of People's Commissars of the USSR; convicts; women; infants; pregnant; nursing mothers; camps.*

В качестве одной из важнейших сторон общественной жизни, привлекающей к себе пристальное внимание как научного мира, так и практических работников юридической сферы, выступает проблема правового положения личности [8, стр. 3]. Ведь не секрет,

что вытекающие из нее вопросы, касающиеся закрепления, реализации и обеспечения прав и свобод личности, всегда являлись и являются по сей день одними из самых животрепещущих в юридической науке [10; 18]. К причинам, обусловливающим остроту их решения, на наш взгляд, следует отнести отсутствие единых критериев в определении понятия и содержания как самого правового положения, так и его структурных элементов, недостаточную исследованность института гарантий прав и свобод, а также отсутствие четких правил и процедур их защиты [9; 19]. Еще более сложным в научном плане представляется решение задач, связанных с определением особенностей правового положения отдельных категорий граждан, особое место среди которых занимают женщины и несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы. Это та проблема, которая досталась нам еще из имперской России [6; 7].

Очевидно, что сегодня деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы по исправлению и ресоциализации осужденных женщин нуждается в дальнейшем совершенствовании. В этом аспекте исследование проблемы применения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин приобретает особую актуальность и значимость [4, стр. 4-5].

Положение заключенных женщин в царской России XIX в. было тяжелым и фактически не отличалось от положения мужчин [20], однако и с наступлением XX в. оно не улучшилось, особенно это касалось условий отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей. После 1917 г. почти все благотворительные организации, занимающиеся попечительской деятельностью в местах заключения осужденных женщин, были ликвидированы [5]. Советская репрессивная система, неотъемлемую часть которой составлял ГУЛАГ, служила исключительно интересам тоталитарного государства [11]. Удельный вес женщин среди осужденных доходил до 26 %, они были объектами беспощадной эксплуатации как со стороны государства, так и со стороны лагерных служащих. Вместе с тем в законодательство того времени периодически вносились изменения, незначительно улучшающие положение женщин в местах лишения свободы. Так, в Положении об общих местах заключения, утвержденном постановлением Наркомюста РСФСР от 15 ноября 1920 г., указано, что в местностях, где нет специальных женских мест заключения, заключенные женщины должны помещаться в камерах, изолированных от остальных. В отношении вопроса отбывания наказания женщинами, имеющими малолетних детей в Положении было определено, что с заключенными женщинами могут приниматься только грудные дети, которые помешаются совместно с матерями (при отсутствии регламентации их питания, прогулок, вещевого обеспечения и т.п.) [3].

В соответствии с изменениями, внесенными в ИТК РСФСР 1924 г., а затем и в ИТК РСФСР 1933г., правовое положение женщины, имеющей ребенка, существенно улучшилось. Они не подлежали «посылке на работу» без их согласия. В отличие от Положения 1920 г., где говорилось только о возможности приема грудных детей и их содержания совместно с матерями, в ст. 109 ИТК РСФСР 1924 г. содержалось прямое указание о приеме грудных детей в исправительно-трудовое учреждение при согласии на то заключенных женщин-матерей.

В Положении об исправительно-трудовых лагерях, утвержденном постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г., содержалось разъяснение о приеме в лагерь вместе с заключенной матерью детей только до 2-летнего возраста. Условия и порядок содержания таких женщин Положением не регламентировался, но в п. 22 впервые содержалось упоминание о материально-бытовом обеспечении заключенных, в частности, что выдача одежды, обуви, белья и постельных принадлежностей осуществляется «по мере необходимости» [2].

В ИТК РСФСР 1933 г. были внесены нормы, расширяющие права рассматриваемой категории женщин: они не могли уже направляться на исправительно-трудовые работы вне места их жительства, привлекаться к работам до родов и после родов в сроки, указанные Кодексом законов о труде РСФСР, и приобрели право пользоваться всеми льготами, установленными этим кодексом для беременных и кормящих женщин. Женщины получили право содержания при себе детей в возрасте до четырех лет, для которых законодательно была установлена обязательная организация яслей.

Однако объективная реальность свидетельствует, что выжить в тех условиях можно было только чудом. В докладной записке Г. Г. Ягоды на

имя Я.Э. Рудзутака от 26 октября 1931 г. отмечалось: «Заболеваемость и смертность спецпереселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Норильском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3-х лет умирает в месяц 8-12% этой группы, а в Магнитогорске – еще больше, до 15% в месяц».

Как известно, Г.Г. Ягода с 31 июля 1931 г. по 10 июля 1934 г. был заместителем председателя ОГПУ СССР. До этого, с ноября 1919 г. он постоянно занимал различные руководящие должности в ВЧК, ВЧК – ГПУ, ВЧК-ГПУ-ОГПУ СССР, ГПУ-ГПУ РСФСР – ОГПУ СССР, ГПУ-ОГПУ СССР, ОГПУ СССР.

С 27 октября 1929 г. по 31 июля 1931 г. Г.Г. Ягода был первым заместителем председателя ОГПУ СССР. Постановлением СНК СССР от 21 июля 1931 г. на должность первого заместитепя Председателя ОГПУ СССР вместо Ягоды был назначен И.А. Акулов., которого в снтябре 1932 г. «без формального решения Политбюро ЦК ВКП(б) или постановления СНК СССР, – *как пишут Н.С. Нижник, В.П. Сальников и И.И. Мушкет,* – сместили с должности. На его место никто не был назначен. Ягода формально занимал должность заместителя председателя ОГПУ СССР, но фактически являлся первым заместителем» [14, стр. 425]. На данное обстоятельство обращает внимание также Н.В. Петров и К.В Скоркин [16, стр. 460.]. А с 10 июля 1934 г. по 28 сентября 1936 г. Г.Г. Ягода был наркомом внутренних дел СССР.

Будучи заместителем председателя ОГПУ СССР, Ягода в 1931-1932 гг. принимал активное участие в организации строительства Беломоро-Балтийского канала, где широко использовался труд заключенных. За работу по организации строительства канала он был награжден орденом Ленина. Здесь важно подчеркнуть, что будучи наркомом внутренних дел СССР, он «большое внимание уделял совершенствованию системы лагерей и колоний» [14, стр. 425]. Поэтому понятна его забота «о женщинах-заключенных, гибнущих вместе со своими детьми в лагерях, которую он проявлял в докладной записке на имя Я.Э. Рудзутака. Ян Эрнестович с 1926 по 1937 годы был заместителем председателя СНК СССР и Совета труда и обороны (СТО), с 1931 г. он еще и председатель Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции.

Здесь справедливо будет заметить, что в межвоенный период функционирования Советского государства его Наркомат внутренних дел постоянно выполнял стоящие перед страной экономические задачи и превратился по существу в крупнейшее промышленно-строительное ведомство. Наблюдался процесс жестокого ведомственного принуждения миллионов заключенных и ограниченных в свободе граждан к бесплатному труду. Господствовали свирепые формы организации производственной деятельности осужденных людей и режима их содержания. Вся система исполнения уголовного наказания в этот период была антипенитенциарна, экономически невыгодна и кумулятивна своими социально-психологическими последствиями.

«Хозяйственная деятельность наркомата внутренних дел не исключала, – *по мнению авторов исторического очерка МВД России,* – а, напротив, предполагала сверхэксплуатацию людских контингентов, находящихся в изоляции. К концу 30-х гг. ГУЛАГ НКВД превратился в структуру, способную довольно оперативно разрешать внезапно возникающие правительственные решения, часто экономически амбициозного характера. Ускореннее строительство Беломорско-Балтийского канала, интенсивная промышленно-техническая колонизация европейского Севера России и других регионов, наиболее точно подтверждали эту практику правительства и возможности НКВД» [12, стр. 249]. Например, с целью развития топливной базы страны и предотвращая опасность лишения в результате западной агрессии южного угольного комплекса, НКВД СССР предписывалось к концу 30-х годов освоить Ухто-Печорский бассейн [15], силами Ухпечлага, численность заключенных которого в тот период была свыше ста тысяч человек [12, стр. 249-250; 13, стр. 7].

Перед Ухт-Печорским лагерем НКВД ставились все новые и новые производственные задачи. Он пополнялся людскими ресурсами, так как этого требовало выполнение планов. К 1939 году численность заключенных здесь достигла почти 450 тысяч человек [17, стр. 65].

В стране существенную роль играла лагерная экономика. К ней примыкала и соответствующая наука. «В 30-е гг. широкое распространение в системе НКВД получила практика

создания при тюрьмах и лагерях из числа арестованных специалистов различных технических, экспериментальных и конструкторских бюро. Наибольшее их число было сосредоточено на Урале, в Сибири, в Москве и Ленинграде. Так, Особое Конструкторское бюро Управления НКВД Ленинградской области было организовано в мае 1937 года правительственным решением и объединяло около 100 заключенных специалистов, разделенных на пять основных конструкторских групп по проектированию и расчетам артсистем для армии и флота. С декабря этого же года в «Крестах» действовало ОКБ-172, костяк которого составили репрессированные инженеры завода «Большевик». С арестованными специалистами работали и вольнонаемные сотрудники» [12, стр. 251].

Одинаково использовался принудительный труд и мужчин, и женщин. Нередко с заключенными-женщинами были и дети.

В 1936-1937 гг. пребывание детей в лагерях было признано фактором, понижающим дисциплину и производительность заключенных-женщин. 1 апреля 1936 г. ВЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О порядке передачи детей на воспитание (патронаж) в семьи трудящихся» [1], а 15 августа 1937 г. издан оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины». Согласно данному секретному документу, грудные дети направлялись вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда но достижении возраста 1-1,5 лет передавались в детские дома и ясли наркомздравов республик. Пожеланиям родственников взять на свое полное иждивение оставшихся сирот не препятствовали, порядок их выдачи под опеку определялся секретным Циркуляром НКВД СССР от 7 января 1938 г. «О выдаче на опеку родственникам детей репрессированных родителей», при этом сотрудникам НКВД предписывалось установить систематическую проверку за воспитанием детей опекунами, настроениями детей, их поведением и знакомствами.

По состоянию на 10 июля 1938 г. НКВД СССР направил в детские дома, находившиеся в ведении народных комиссариатов просвещения союзных республик, 17 355 детей, оставшихся сиротами или без средств существования вследствие лишения свободы или расстрела их родителей.

По состоянию на 1 марта 1940 г. в ГУЛАГе функционировали 90 домов младенцев, в которых воспитывались 4595 детей, матери которых отбывали лишение свободы. Следствием тяжелых бытовых условий только за 10 месяцев 1952 г. явились 1486 случаев первичных заболеваний на среднемесячное количество детей – 408 человек. Учитывая, что за этот же период умерло 33 ребенка (или 8,1% от общего количества) получается, что в среднем за этот период каждый ребенок переболел различными заболеваниями четыре раза. Среди причин смерти лидировали дизентерия и диспепсия (45,5%). а также воспаление легких (30,2%). Так в Ягринском ИТЛ за 1947 г. и 5 месяцев 1948 г. умерло 33 ребенка (в том числе 11 – от токсической пневмонии, от дифтерии – 10 и 6 от прочих заболеваний).

Несмотря на то, что в исправительно-трудовых кодексах 1924 и 1933 гг. предписывалось раздельное содержание осужденных женщин и мужчин. Инструкция «О режиме содержания заключенных», объявленная приказом НКВД СССР № 00889 1939 г., разрешала совместное размещение заключенных в общих зонах, но в отдельных бараках. А. И. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛаг» так описывает то время: «Вагонка, обвешанная от соседок тряпьем, – классическая лагерная картина. Но есть и гораздо проще. Это опять-таки кривощековский 1-й лагпункт, 1947-1949... На лагпункте – блатные, бытовики, малолетки, инвалиды, женщины и мамки – все перемешано. Женский барак всего один – но на пятьсот человек. Он – неописуемо грязен, несравнимо грязен, запущен, в нем тяжелый запах, вагонки – без постельных принадлежностей. Существовал официальный запрет мужчинам туда входить – но он не соблюдался и никем не проверялся». Сожительство мужчин и женщин, в том числе и по принуждению, было весьма распространенным явлением в местах лишения свободы. Количество беременных и имеющих детей женщин возрастало.

По состоянию на 1 января 1948 г. в ИТЛ и ИТК содержалось 2 356 685 заключенных. При этом с 1 января 1948 г. по 1 марта 1949 г. число осужденных женщин с детьми возросло на 138 % и беременных женщин на 98 %. Женщины с детьми и беременные составляли 6,3 % от общей численности заключенных женщин, содержащихся в лагерях и колониях. Содержавшиеся в местах заключения осужденные женщины с

детьми и беременные размещались в 234 специально приспособленных помещениях и реже – в отдельных секциях бараков.

Одной из причин роста числа беременных женщин было желание выйти на свободу по амнистии, что периодически практиковалось в отношении осужденных женщин с маленькими детьми. Такие амнистии (одну из них, например, объявили в 1945 г., другую в 1948 г.) обычно не относились к женщинам, осужденным за контрреволюционные преступления. В целях исключения массового сожительства мужчин и женщин при исполнении уголовных наказаний Инструкция «О режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях», объявленная приказом МВД СССР № 0190 1947 г., установила раздельное содержание мужчин и женщин в отдельных лагерных подразделениях и колониях. Выполнение ее требований затянулось на годы. По состоянию на 1 января 1950 г. в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний было организовано 545 отдельных женских подразделений, в которых содержались 67% женщин от общей их численности в местах заключения, остальные 33% женщин содержались в общих с мужчинами подразделениях, но в отдельных выгороженных зонах.

28 августа 1950 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР предписывалось освобождение от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Так, справка, подписанная заместителем начальника 2-го управления ГУЛАГа МВД СССР полковником Никулочкиным, сообщала, что на 24 апреля 1951 г. во исполнение этого указа из мест заключения были освобождены 100% беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в местах заключения, а также 94,5% женщин, имеющих детей вне лагеря-колонии. Всего была освобождена 119 041 женщина из 122 738, попадающих в перечисленные категории.

26 марта 1953 г. Лаврентий Берия направил в президиум ЦК на имя Г.М. Маленкова объемную записку № ЛБ-25 с грифом «совершенно секретно». в которой приводил аргументы в пользу масштабной амнистии. назначенной на следующий день, для того чтобы избавить лагеря от «лишних ртов», предложив амнистировав всех осужденных на срок до 5 лет;. беременных женщин, а также женщин, имеющих детей до 10 лет, всех несовершеннолетних, пожилых мужчин и женщин, а равно как и неизлечимо больных. Амнистия дала свободу почти половине всех заключенных – 1.2 млн. человек, в том числе женщинам, имеющим при себе детей в возрасте до двух лет.

1 сентября 1953 г секретным указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено Особое совещание при НКВД СССР. По состоянию на 1 апреля 1954 г. в числе заключенных ГУЛАГа содержались 1182759 мужчин (87%) и 177 544 женщины (13%). «Разгрузка» ГУЛАГа продолжалась: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1955 г. были амнистированы 77 333 заключенных. За несколько лет (1953-1956 гг.) число отбывающих наказание в ГУЛАГе сократилось на две трети.

10 июля 1954 г. Распоряжением № 7688-рс утверждено Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел СССР, в котором устанавливалось, что осужденным женщинам, имеющим детей в возрасте до 2 лет, разрешается помещать их в дома младенца при исправительно-трудовых лагерях и колониях, где они содержатся за счет государства. При этом обращалось внимание на введение улучшенных жилищно-бытовых условий для беременных женщин, а также уточнялось, что кормящие матери из числа заключенных женщин размещаются в подразделении, находящемся в непосредственной близости от дома младенца.

Вывод. Правовое положение осужденных, в том числе и женщин, на протяжении советского периода менялось многократно. На начальном этапе становления Советский власти нельзя не обратить внимание на общую гуманную направленность нового порядка содержания под стражей установленного Исправительное трудовым кодексом РСФСР 1924 г. Однако либерализация режима имела и негативные последствия. Персонал мест заключения был ограничен в возможностях поддержания должного правопорядка, а нередко и просто деморализован. Наоборот, в этих условиях вольготно себя чувствовали уголовные авторитеты, допускалось много побегов из-под стражи.

В то же время ИТК 1924 г. недостаточно полно регламентировал порядок содержания подследственных под стражей. В еще большей

степени это было характерно для ИТК РСФСР 1933 г., что компенсировалось многочисленными ведомственным и циркулярами, положениями и инструкциями.

Как положительный факт, следует отметить то, что в рассматриваемый период сохранялся открытый характер пенитенциарной системы. Представители общественности участвовали в работе распределительных и наблюдательных комиссий, осуществлялось изучение личности преступников и их сообществ в местах лишения свободы. Проблемы, стоявшие перед системой, и пути ее развития обсуждались на страницах общедоступных изданий.

В 1934 года последовал невиданный доселе массовый террор, развязанный правящим режимом против своего народа. Места лишения свободы заполнились арестованными «белогвардейцами», «вредителями», «диверсантами», «шпионами» и другими «врагами народа». Отныне на первый план выдвигалась задача обеспечения их изоляции и предупреждения побегов. От персонала исправительных учреждений требовалось превратить их в место изоляции от общества разоблачаемых, но еще не разоблаченных перед судом изменников родины, вредителей, расхитителей социалистической собственности и других врагов народа, а также грабителей, воров, хулиганов и иных преступников.

1956 год для мест лишения свободы связан, прежде всего, с хрущевской «оттепелью» и выходом страны из международной самоизоляции.

6 октября 1969 года введены в действие «Основы исправительного законодательства Союза ССР и союзных республик», а 19 декабря 1970 г. был утвержден и 1 июля 1971 г. вступил в действие Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Однако деятельность мест содержания под стражей оставалась закрытой для общественности.

В 1987 году коллегия МВД СССР в марте и июле рассматривала вопросы перестройки деятельности органов внутренних дел.

Задачи органов внутренних дел по перестройке системы и организации деятельности исправительно-трудовых учреждений были сформулированы в приказе МВД СССР от 20 ноября 1987 г., где основным направлением перестройки деятельности мест лишения свободы была названа гуманизация условий содержания под стражей и отбывания наказания осужденными.

Список литературы

1. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 1 апреля 1936 г. «О порядке передачи детей на воспитание (патронаж) в семьи трудящихся» http://lawru.info/dok/1936/04/01/n1195752.htm
2. Положение об исправительно-трудовых лагерях, утвержденном постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3638.htm
3. Положение об общих местах заключения, утвержденном постановлением Наркомюста РСФСР от 15 ноября 1920 г. http://lawru.info/dok/1920/11/15/n1205641.htm
4. Абасова С.А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2003.
5. Брылева Е.А. Благотворительно-тюремные общества Российской империи: нужен ли исторический опыт при реорганизации современной пенитенциарной системы России // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 98-106.
6. Брылева Е.А. Зарождение, генезис и эволюция системы исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи (XVII-XIX вв.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 129-135.
7. Брылева Е.А. Реализация права на свободу совести и других прав несовершеннолетними осужденными и проблемы их ресоциализации // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 148-154.
8. Ивашин Д.И. Правовое положение осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2003.
9. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
10. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
11. Маруков А.Ф., Реент Ю.А. Уголовно-исполнительная система в структуре МВД России (хронология развития) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред.

В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – С. 575-585. – в кн. 608 с.
12. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
13. Морозов Г. ГУЛАГ в Коми крае: взгляд историка // Печальная пристань. – Сыктывкар. 1991.
14. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с.; – (Серия: «МВД России 200 лет»).
15. ОСФиРИЦ НУВД СПб и области. Ф.2. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 701.
16. Петров Н.В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг. Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ. – М., 1999. – 503 с.
17. Розанов М. Завоеватели белых пятен. – Лимбург, 1951.
18. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
19. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
20. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII – XX в.: историко-правовой анализ тенденций развития: Монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 610 с.

ЛАНТУХ Наталья Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.11- Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО (УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС): ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие уголовного процесса (судопроизводства), его социальное назначение в государстве, а также цели и задачи; понятие содержания (системы) и формы уголовного процесса, общие черты и различия с иными видами государственной деятельности и судебного процесса; понятие и содержание основных уголовно-процессуальных функций; понятие, элементы и особенности уголовно-процессуальных правоотношений; понятие и значение, виды уголовно-процессуальных гарантий.*

Уметь: *разграничивать виды (направления) уголовно-процессуальной деятельности; определять цели и носителей различных уголовно-процессуальных функций; ориентироваться в задачах и содержании каждой стадии уголовного судопроизводства.*

Владеть навыками: *толкования уголовно-процессуального закона, а также его применения к целям и задачам в каждой стадии уголовного судопроизводства.*

Ключевые термины: *уголовное судопроизводство; назначение уголовного судопроизводства; стадия уголовного процесса; субъекты уголовного процесса; уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальные правоотношения; уголовно-процессуальные функции; уголовно-процессуальные гарантии.*

LANTUKH N.V.

CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS (CRIMINAL TRIAL): CONCEPT, ESSENCE AND APPOINTMENT. Lecture

As a result of studying of the given theme the trained should:

To know: *concept of criminal trial (legal proceedings), its social appointment of the state, and also the purposes and problems; concept of the maintenance (system) and the criminal trial form, the general lines and distinctions with other kinds of the state activity and litigation; concept and the maintenance of the basic criminally-remedial functions; concept, elements and features criminally-remedial правоотношений; concept and value, kinds of criminally-remedial guarantees.*

To be able: *to differentiate kinds (directions) of criminally-remedial activity; to define the purpose and carriers of various criminally-remedial functions; to be guided in problems and the maintenance of each stage of criminal legal proceedings.*

To own knowledge: *interpretation of the criminally-remedial law, and also its application to the purposes and problems in each stage of criminal legal proceedings.*

Key words*: criminal legal proceedings; appointment of criminal legal proceedings; a criminal trial stage; subjects of criminal trial; the criminally-remedial form; criminally-remedial relations; criminally-remedial functions; criminally-remedial guarantees.*

Понятие уголовного процесса (уголовного судопроизводства)

Термин «уголовный процесс» происходит от старинного русского слова «уголовье», то есть преступное деяние, за которое лишают головы, и латинских слов «procedere» – движение вперед и «processus» – последовательная смена состояний. Такое сочетание слов приобретает значение производства по привлечению к уголовной ответственности и наказанию за совершенное преступление. Уголовный процесс является необходимой и единственно возможной формой реализации норм уголовного права. Именно поэтому уголовное право издавна считается материальным, а уголовный процесс – формальным уголовным правом.

На данных отраслях права соответственно базируется уголовно-правовая [25; 36; 45] и уголовно-процессуальная [2; 3; 41; 44; 46] политика государства, а совместно с другими правовыми нормами они обеспечивают уголовную политику в целом [4; 35; 47; 48].

Если нормы иных отраслей материального права реализуются в форме уголовного судопроизводства лишь в тех случаях, когда нарушения этих норм носят преступный характер, то необходимой и исключительной формой осуществления норм уголовного права всегда является уголовное судопроизводство.

Понятия «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс» следует рассматривать как тождественные. Согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ в содержание термина «уголовное судопроизводство» включаются досудебное и судебное производство по уголовному делу. С точки зрения этимологии судопроизводство означает производство, осуществляемое судом, что в историческом аспекте полностью соответствовало изначально единому порядку рассмотрения уголовных и гражданских дел, при котором складывалось юридическое отношение между судом и сторонами, заинтересованными в исходе дела. Поэтому в качестве синонимов уголовного процесса широко используются такие понятия, как уголовное судопроизводство или уголовная юстиция (лат. justitia – справедливость, правосудие). В современной уголовно-процессуальной теории сохраняется подобное определение, в котором по-прежнему подчеркивается исключительная при производстве по уголовному делу роль суда.

В определение отечественного уголовного процесса обычно включают три элемента:

1) деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда и других субъектов уголовного процесса; 2
2)) правоотношения этих участников;
3) правовую регламентацию деятельности и возникающих на ее основе правоотношений.

Изложенное выше позволяет дать определение уголовного процесса.

Уголовное судопроизводство *– это осуществляемая в установленном законом порядке деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суда и иных участников уголовного судопроизводства при возбуждении, расследовании, судебном рассмотрении и разрешении уголовных дел, исполнении приговоров, а также возникающие в связи с этой деятельностью правовые отношения.*

В учебно-научной литературе можно встретить и несколько иное определение уголовного судопроизводства и уголовного процесса. Так, в учебнике, изданном под редакцией профессоров В.П. Сальникова и В.И. Рохлина, читаем: «Уголовный процесс – это осуществляемая по установленным уголовно-процессуальным законом и иными нормативными правовыми актами порядке деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда и других участников уголовного судопроизводства при возбуждении, расследовании, судебном рассмотрении и разрешении уголовных дел, исполнении приговоров, а также возникающие вы связи с этой деятельностью правовые отношения между государственными органами и лицами, участвующими в ней» [51, стр. 10].

В учебнике, изданном в Санкт-Петербургском государственном университете под редакцией профессора В.З. Лукашевича, профессор А.И. Александров еще ранее приходит к такому же пониманию уголовного процесса, как и в приведенных выше двух случаях [1].

Внимательно ознакомившись с предложенными выше другими содержащимися в учебниках определениями, увидим, что авторы не различают понятия «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс», а рассматривают их как тождественные. Кроме того, подходят к пониманию данных явлений одинаково.

Основанная на уголовно-процессуальном законе деятельность дознавателя, следователя, прокурора, судьи и суда имеет определяющее и организующее значение при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Государственные органы и должностные лица несут ответственность за законность осуществляемых ими процессуальных действий и принимаемых решений. Приоритет общественных интересов, исходный элемент которых – интересы частных лиц, в конечном счете, образует «фундамент», основу уголовного процесса (публичность) [8, стр. 15]. Поэтому, говоря об уголовном процессе как порядке отношений между официальными (публичными) органами и иными участниками процесса, следует иметь в виду, что речь идет об отношениях, возникающих из деятельности органов власти и развивающихся в связи с ней. Однако это не лишает данные отношения правового характера, поскольку все действия государственных органов и должностных лиц должны соответствовать закону, а лица, в отношении которых эти действия производятся, законом наделяются определенными правами и обязанностями.

Для уяснения сущности уголовного процесса необходимо соотнесение этого понятия с понятием «правосудие». Термин правосудие (разбирательство дела «правым судом») следует определять в узком и широком значениях. В первом случае имеется в виду, что уголовный процесс охватывает деятельность не только суда, но и органов предварительного расследования, прокурора и других участников уголовного судопроизводства. Таким образом, правосудие по уголовным делам – это важная составная часть производства по уголовному делу. Во втором значении правосудие – разбирательство и разрешение не только уголовных, но и гражданских, и арбитражных дел. Правовая основа правосудия достаточно широка и включает в себя нормы всех отраслей законодательства, которыми должен руководствоваться суд при рассмотрении и разрешении конкретных дел, – конституционного, гражданского, административного и иных.

Уголовный процесс необходимо рассматривать как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, что позволит лучше уяснить его юридическую природу и свойства.

Первый элемент понятия «уголовный процесс» – это деятельность суда, призванного в конечном итоге установить основания для реализации уголовной ответственности, и деятельность сторон, имеющая различную направленность (элемент – уголовно-процессуальные функции) и обеспечивающая реализацию своих прав и интересов (элемент – уголовно-процессуальные гарантии).

Уголовное судопроизводство выступает как целенаправленная деятельность его субъектов. Поэтому второй элемент этого понятия – цель, к которой стремится уголовно-процессуальная деятельность и для достижения которой различными субъектами ставятся определенные, конкретные задачи.

В уголовном судопроизводстве состав участников разнороден, их деятельность – разновекторна. Должностные лица и государственные органы, осуществляющие расследование и рассмотрение уголовного дела, вовлекают в орбиту уголовного судопроизводства других лиц, которые защищают свои интересы (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик) или представляемые интересы (защитник, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), либо являются источниками сведений о фактах (свидетель, эксперт), выполняют вспомогательные функции в уголовном процессе (переводчик, секретарь судебного заседания, специалист и др.) Привлекаемые к участию в уголовном процессе лица в свою очередь осуществляют деятельность (заявляют ходатайства и отводы, участвуют в следственных действиях, выступают в суде) в предусмотренном законом порядке. Таким образом, уголовно-процессуальная форма (иначе – процессуальный порядок, процедура) – это третий элемент понятия «уголовный процесс».

Уголовный процесс складывается не просто из деятельности, а из взаимодействия различных субъектов, которое представляет собой совокупность многочисленных общественных отношений. Урегулированные нормами права, они приобретают характер правоотношений. Таким образом, правоотношения между субъектами процесса – это четвертый элемент понятия «уголовный процесс». Рассмотрим подробнее эти основные категории, используемые для характеристики уголовного судопроизводства.

Назначение и задачи уголовного процесса

Позиция по определению целей и задач уголовного процесса представляет собой выбор

той или иной шкалы ценностей в сфере уголовного судопроизводства. Следовательно, данные положения образуют вопросы социального и даже философского свойства [26, стр. 380; 40, стр. 95-99].

Социальное назначение системы уголовной юстиции заключается в разрешении конфликтов между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества.

Действующий закон закрепил следующую формулировку: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Изменение позиции законодателя относительно сущности уголовного судопроизводства как социального института отчетливо видно при сравнении с ранее содержавшимся в законе определением его задач. При таком определении целей уголовного судопроизводства законодатель подчеркивает не карательную, а правозащитную, гуманистическую сущность этого вида правоохранительной деятельности. Законодатель возвел рассматриваемые равнозначные цели судопроизводства в разряд основополагающих правовых идей, то есть принципов современного российского уголовного процесса.

Позитивная сторона действующей законодательной формулировки социального назначения уголовного судопроизводства состоит, во-первых, в том, что она лишает нормативной почвы тезис о борьбе с преступностью как цели функционирования уголовной юстиции. Во-вторых, термин «защита» противостоит «карательным угрозам» уголовного закона (недаром уголовное право принято рассматривать как меч в руках государства, а уголовный процесс – как щит, которым защищается личность) [38, стр. 15-16].

Вместе с тем следует отметить, что законодатель не определил задачи, которые требуется выполнить для достижения поставленных целей. Между тем от ответа на данный вопрос зависит принцип построения основных институтов уголовного процесса, объем прав его участников, правила доказывания и т.п.

Анализ положений ст. 6 УПК РФ позволяет сделать вывод, что к средствам достижения целей уголовного судопроизводства (задачам) отнесены:

1) уголовное преследование виновных (быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных в совершении преступлений);
2) обеспечение правильного применения уголовного и уголовно-процессуального закона;
3) назначение виновным справедливого наказания;
4) обеспечение возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных преступлением;
5) отказ от уголовного преследования невиновных;
6) освобождение невиновных от наказания;
7) обеспечение возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс, то есть реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию;
8) обеспечение мер безопасности участников судопроизводства.

Надо сказать, закон не просто называет, но и подробно регламентирует каждое из указанных средств, устанавливая виды уголовного преследования и обязанность его осуществления (глава 3 УПК РФ); основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования (глава 4 УПК РФ); основания возникновения права на реабилитацию, виды и порядок возмещаемого вреда реабилитированному (глава 18 УПК РФ) и т.д.

Содержание уголовного судопроизводства: система стадий и производств

Исследование категорий содержания и формы уголовно-процессуальной деятельности имеет важное познавательное значение. Как философские категории указанные понятия отражают наиболее общие и существенные стороны действительности и широкую сферу применения. Содержание уголовного судопроизводства представляет собой совокупность образующих его элементов во взаимодействии. Форма же является способом выражения содержания и реализуется как через внешний вид процесса, так и через его внутреннюю структуру.

Уголовно-процессуальная деятельность выра-

жается в системе последовательно сменяющих друг друга процессуальных действий, этапов, образующих стадии уголовного процесса. Производство по уголовному делу осуществляется посредством последовательного перехода из одной стадии в другую, нарушение данного порядка не допустимо. Обязательное условие перехода дела в следующую стадию – решение задач предыдущей стадии, каждая последующая стадия основана на результатах предшествующей деятельности. Это обеспечивает эффективность производства по уголовному делу.

Система стадий уголовного процесса является гарантией достижения истины, средством обнаружения и исправления процессуальных ошибок [15; 21; 22; 23; 24]. Одновременно эта система служит гарантией прав обвиняемого и других участников процесса, т.к. позволяет им обжаловать прокурору или в суд решения, принятые на предыдущих стадиях процесса [11; 33].

Собранная по уголовному делу информация «фильтруется» через систему стадий: излишняя отсеивается, а для получения недостающей дело возвращается на предыдущую стадию уголовного процесса [49, стр. 12].

Под ***стадиями уголовного судопроизводства*** *принято понимать относительно самостоятельные, взаимосвязанные между собой части уголовного судопроизводства, характеризующиеся определенными признаками.*

Самостоятельность каждой стадии уголовного судопроизводства определяют следующие признаки:

1) определенное положение в системе уголовного процесса;
2) непосредственные специфические задачи, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства;
3) определенный законом круг участников;
4) начало и окончание, временные границы (сроки);
5) форма процессуальных действий и характер процессуальных отношений;
6) итоговое процессуальное решение.

В уголовном судопроизводстве различают следующие стадии:

I. Обычные:

1) возбуждение уголовного дела;
2) предварительное расследование;
3) подготовка к судебному заседанию;
4) судебное разбирательство;
5) производство в апелляционной инстанции;
6) исполнение приговора.

II. Исключительные (характеризуются наличием на момент производства исключительным обстоятельством – вступившего в законную силу приговора):

1) производство в кассационной инстанции;
2) производство в надзорной инстанции;
3) возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Уголовное дело не обязательно проходит все стадии процесса. К примеру, при производстве по уголовному делу может отсутствовать стадия предварительного расследования (по делам частного обвинения), стадия производства в апелляционной инстанции (если не вступивший в законную силу приговор не был обжалован) и т.д.

Возбуждение уголовного дела *– первоначальная и обязательная стадия уголовного процесса, в которой дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа решают вопрос, имеются ли достаточные основания для того, чтобы начать производство по уголовному делу.* Сущность данной стадии заключается в быстром и правильном реагировании компетентных органов на каждый случай обнаружения признаков преступления.

В литературе в порядке дискуссии ставится вопрос об обязательности и самостоятельности данной стадии уголовного процесса [7; 17; 20].

Содержание стадии возбуждения уголовного дела включает в себя процессуальную деятельность по приему, регистрации, проверке и разрешению сообщений о преступлении.

Стадия возбуждения уголовного дела завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом (ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Акт возбуждения уголовного дела служит точкой отсчета сроков предварительного расследования, констатирует, что обнаружены признаки преступления и соответствующие органы и должностные лица могут приступить к производству процессуальных действий, направленных на раскрытие и расследование уголовного дела.

Содержанием стадии ***предварительного расследования*** *является деятельность следователя и дознавателя по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, и подготовке материалов уголовного дела для судебного разби-*

рательства.

В соответствии со ст. 150 УПК РФ формами предварительного расследования являются предварительное следствие и дознание [6; 9; 10].

Предварительное следствие, регламентированное главой 22 УПК РФ, – основная форма предварительного расследования, которое обязательно по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, так как по ним производится дознание.

Производство предварительного следствия по уголовному делу производится единолично, а в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе, к работе которой привлекаются и должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ст. 163 УПК РФ).

Производство предварительного следствия оканчивается: составлением обвинительного заключения; прекращением уголовного дела; направлением уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (ст.ст. 158, 439 УПК РФ). Дознание оканчивается составлением обвинительного акта или прекращением уголовного дела (глава 32 УПК РФ).

Производство в суде первой инстанции начинается со стадии подготовки судебного заседания, задача которой состоит в том, чтобы установить наличие или отсутствие оснований для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. При наличии таких оснований судья осуществляет подготовительные действия к судебному заседанию либо организует и проводит предварительное слушание.

Важнейшей стадией уголовного процесса является судебное разбирательство, которое представляет собой рассмотрение уголовного дела по существу в заседании суда первой инстанции. В результате непосредственного исследования доказательств подсудимый может быть признан виновным в совершении преступления или невиновным, подвергнут уголовному наказанию или освобожден от него.

Судебное разбирательство осуществляется в строго установленной законом форме, здесь наиболее полно реализуются все важнейшие принципы уголовного процесса.

Судебное разбирательство чаще всего завершается постановлением обвинительного или оправдательного приговора, но в нем могут быть приняты и другие судебные решения, например, о прекращении уголовного дела.

Производство в суде второй (апелляционной) инстанции предусматривает апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела. При производстве в апелляционной инстанции приговор или иное решение суда (судьи), не вступившие в законную силу, обжалуются сторонами в суд апелляционной инстанции (вышестоящий суд), который заново рассматривает уголовное дело с вынесением нового решения по существу. Суд апелляционной инстанции вправе отменить либо изменить приговор, постановить новый приговор, возвратить дело для повторного рассмотрения в суд первой инстанции [5; 37].

Исполнение приговора является завершающей стадией уголовного процесса и включает ряд процессуальных действий и решений судьи, обеспечивающих реализацию приговора, вступившего в законную силу. В содержание этой стадии входит:

1) обращение судом приговора к исполнению;
2) непосредственное исполнение судом приговора полностью или в части;
3) разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора.

Судебное решение обращается к исполнению посредством выполнения судом или иными органами определенных действий, а вопросы, возникающие при исполнении приговора, разрешаются судьей единолично в судебном заседании.

Содержание *производства в кассационной инстанции* состоит в том, что суд кассационной инстанции по жалобе стороны или представлению прокурора в коллегиальном составе проверяет судебные решения первой и апелляционной инстанций, вступившие в законную силу, с точки зрения их законности и обоснованности и в зависимости от результатов проверки оставляет судебное решение в силе, отменяет его или вносит в него необходимые изменения. Кассационный порядок пересмотра уголовного дела, в отличие от апелляционного производства, предназначен только для исправления юридических ошибок, связанных с неправильным применением материального (уголовного) закона либо существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Кассационная инстанция осуществляет проверку преимущественно по письменным материалам уголовного

дела и не рассматривает уголовное дело по существу посредством исследования доказательств. Суд кассационной инстанции может принять решение об отмене либо изменении приговора или оставлении его в силе [53].

Стадия *производства в надзорной инстанции* состоит в проверке вступивших в законную силу решений нижестоящих судов Верховным Судом РФ. Процедура пересмотра и характер принимаемых решений в суде надзорной инстанции имеет сходство с правилами пересмотра дела в кассационном порядке.

Возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств представляет собой пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в связи с обнаружением обстоятельств, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду, либо обстоятельств, не известных суду на момент вынесения судебного решения [18].

Право возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору. Для установления вновь открывшихся обстоятельств прокурор своим постановлением возбуждает производство, проводит соответствующую проверку, истребует копию приговора и справку суда о вступлении его в законную силу. По окончании проверки или расследования и при наличии основания возобновления производства по уголовному делу прокурор направляет уголовное дело со своим заключением и другими материалами в суд для нового разбирательства; при отсутствии оснований – прекращает возбужденное им производство.

Для установления новых обстоятельств прокурор выносит постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств и направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для расследования. Существенные особенности имеет возобновление дел в связи с жалобой участника судопроизводства и наличием решения Конституционного Суда РФ либо Европейского Суда по правам человека.

Отдельные производства могут распространяться на одну либо несколько стадий уголовного процесса. Как правило, предпосылкой этому служит наличие особых задач, характер уголовного дела, характеристика субъектов уголовного процесса. Каждое производства имеют дифференцированную уголовно-процессуальную форму, о чем будет сказано ниже.

Уголовно-процессуальная форма: понятие, ее единство и дифференциация

Уголовно-процессуальная деятельность характеризуется не только стадийностью, но также и четко установленной формой производства по уголовным делам (в праве Древнего Рима известно выражение: «процессуальная форма есть существенная форма»).

Уголовно-процессуальная форма *– это нормативно закрепленная система правил и процедур, определяющая основания, условия, сроки, последовательность и порядок совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений.*

При этом можно выделить уголовно-процессуальную форму определенного следственного или процессуального действия либо отдельной стадии уголовного процесса либо всего уголовного процесса в целом.

Процессуальная форма имеет следующие основные черты:

1) точное установление в законе порядка деятельности и принятия решения государственными органами;
2) предоставление заинтересованным лицам права непосредственно участвовать в процессуальной деятельности в целях охраны своих прав и законных интересов;
3) наличие специальных гарантий соблюдения прав и законных интересов участвующих в деле лиц;
4) обеспечение принятия решения в соответствии с законом на основании фактов, установленных определенным в законе способом.

Особенностями уголовно-процессуальной формы являются:

1) преобладание императивных начал над диспозитивными при выборе участниками процесса способа поведения;
2) обеспеченность надлежащего поведения участников процесса мерами государственного принуждения;
3) зависимость характера принуждения от общественной опасности совершенного преступления;
4) наличие института предварительного расследования, производимого по всем уголовным делам, за исключением дел

частного обвинения;

5) наличие специального института защиты прав и законных интересов обвиняемого;
6) наличие приговора как акта правосудия об установлении уголовной ответственности и назначения виновному наказания.

Значение уголовно-процессуальной формы проявляется в том, что она:

- устанавливает детально урегулированный, устойчивый, строго обязательный режим производства по уголовным делам.
- обеспечивает соблюдение прав и интересов участников уголовного процесса.
- создает условия для достижения истины и наиболее эффективного судопроизводства по уголовному делу.

Любое нарушение процессуальной формы, процессуальное упрощенчество ведет к нарушению прав участников процесса, недействительности совершенных действий, отмене принятых решений.

Процессуальная форма едина для всех уголовных дел, однако имеет свои особенности применительно к их отдельным категориям. Критериями дифференциации уголовно-процессуальной формы могут выступать характер совершенного преступления, в зависимости от чего возникает потребность в усложнении или, наоборот, упрощении процедуры (дознание и предварительное следствие, обычный и особые порядки судебного разбирательства) либо характеристики субъекта преступления (возраст, психическое здоровье, наличие дипломатического, депутатского, служебного и др. иммунитетов). Особенности могут быть обусловлены особыми задачами либо гарантиями для участников уголовного судопроизводства (реабилитация, производство у мирового судьи, производство по делу при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве).

Уголовно-процессуальные правоотношения: понятие, элементы и особенности

Уголовно-процессуальные правоотношения *– это урегулированные нормами уголовно-процессуального права общественные отношения между субъектами уголовного процесса, проявляющиеся в их взаимных правах и обязанностях.*

Общий объект уголовно-процессуальных отношений – предполагаемое уголовно-правовое отношение между государством в лице его органов и преступником (или виновным), подлежащее разрешению в сфере уголовного судопроизводства. Специальный объект уголовно-процессуальных отношений – ожидаемый результат поведения участников конкретного уголовно-процессуального отношения.

Субъекты уголовно-процессуальных отношений – участники правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, обязательной и определяющей стороной среди которых являются представители государственной власти.

Содержанием уголовно-процессуальных отношений выступают действия участников уголовного судопроизводства, а формой уголовно-процессуальных отношений – права (правомочия) и обязанности участников уголовного судопроизводства [16, стр. 12].

Особенности уголовно-процессуальных правоотношений заключаются в следующем:

1. Одним из субъектов правоотношений всегда является государственный орган или должностное лицо, в связи с чем их можно обозначить как «властеотношения». В уголовном процессе существует два вида правоотношений в зависимости от состава его участников: а) между государственными органами и должностными лицами (руководитель следственного органа – следователь, прокурор – суд, дознаватель – прокурор) и б) между властными субъектами и гражданами, участвующими в уголовном процессе (дознаватель – обвиняемый).
2. Уголовно-процессуальные правоотношения всегда имеют двусторонний характер, поскольку право и обязанность одного субъекта корреспондируют праву и обязанности другого субъекта. Так, право подачи потерпевшим апелляционной жалобы корреспондирует обязанности вышестоящего суда рассмотреть ее.
3. Характерной чертой уголовно-процессуальных отношений является их связь с уголовно-правовыми отношениями, поскольку вся уголовно-процессуальная деятельность направлена на выявление характера уголовно-правовых отношений. Между уголовными материальными и процессуальными отношениями имеется ряд существенных различий. Уголовно-правовые отношения возникают непосредственно между государством и лицом, совершившим преступление. В уголовно-процессуальных отношениях участвует не само государство, а его компетентные органы, осуществляющие правоприменительную деятельность. Юридическим

фактом, влекущим возникновение уголовно-правовых отношений, является само общественно опасное деяние (действие или бездействие). Юридическим фактом, влекущим возникновение уголовно-процессуальных отношений, является поступление сведений о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении. В большинстве случаев и качестве юридических фактов, влекущих за собой возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений, выступают действия и решения компетентных государственных органов, связанные с выполнением возложенных на них задач [1, стр. 28-29]. Однако наряду с этим значение юридических фактов имеют предусмотренные законом действия других участников процесса, а также некоторые виды событий (например, смерть обвиняемого, влекущая необходимость прекращения дела) и состояний (например, тяжелое заболевание обвиняемого, влекущее необходимость приостановления производства по делу) [14].

Субъекты уголовного процесса. Уголовно-процессуальные функции: понятие и виды

В качестве субъектов уголовно-процессуальных отношений выступают те лица и органы, которых закон наделяет процессуальными правами или обязанностями. Устанавливая эти права и обязанности, закон тем самым определяет и характер их деятельности. Круг субъектов уголовно-процессуальных отношений, т. е. лиц и органов, наделяемых в процессе теми или иными правами и обязанностями, закреплен в законе. Тем самым определяется круг лиц, обладающих процессуальной правоспособностью как установленной нормами процессуального права способности участников процесса иметь определенные процессуальные права и обязанности.

Для государственных органов и общественных организаций, а также для должностных лиц, участвующих в процессе, способность иметь права и обязанности сливается со способностью осуществлять эти права и обязанности своими действиями, объединяясь в единое понятие правосубъектности.

Для физических лиц правосубъектность, т. е. способность быть субъектом процессуальных отношений, не исключает необходимости определения их право- и дееспособности. В случае пороков дееспособности отдельных лиц она восполняется деятельностью их законных представителей.

Правосубъектность является предпосылкой правового статуса участника процесса, характеризующегося сочетанием определенных прав и обязанностей. Классификация субъектов уголовно-процессуальных отношений может быть произведена по различным критериям, один из которых – характер защищаемого ими интереса В зависимости от этого критерия участники делятся на следующие группы:

1) государственные органы и должностные лица, ведущие процесс (суд, прокурор, следователь, дознаватель и др.);
2) лица, имеющие в уголовном деле личный интерес (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик);
3) участники, представляющие интересы других субъектов процесса (защитник, представитель, законный представитель);
4) лица, содействующие правосудию (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятые и др.).

Несколько иной будет классификация участников процесса в зависимости от выполняемой ими процессуальной функции. При этом под процессуальной функцией понимаются роль и назначение данного участника процесса, выраженные в направлении его деятельности. По этому критерию закон позволяет выделить четыре группы участников процесса:

1) участники, выполняющие функцию разрешения уголовного дела по существу. Данную функцию выполняют исключительно судья (суд);
2) участники процесса со стороны обвинения, на которых возложена функция обвинения (уголовного преследования). К этой группе закон относит прокурора, а также руководителя следственного органа, следователя, орган дознания, дознавателя, частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя;
3) участники процесса со стороны защиты, осуществляющие функцию защиты от обвинения. В эту группу включены подозреваемый, обвиняемый его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель;
4) участники, которые осуществляют вспо-

могательные или технические функции: свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые и т. д.

Функция уголовного преследования (обвинения) – это процессуальная деятельность, осуществляемая в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст.5 УПК РФ).

В зависимости от интереса, который преследуется обвинителем, и правового статуса субъекта обвинительной функции существуют три вида обвинения – частное, публичное и частно-публичное.

Функция защиты – процессуальная деятельность, осуществляемая в целях защиты обвиняемого и подозреваемого от обвинения.

Функция разрешения дела (юстиции) – процессуальная деятельность, заключающаяся в судебном рассмотрении дела и решении вопроса о виновности и назначении наказания либо обратное [13].

Уголовно-процессуальные гарантии: понятие, виды и значение

Уголовно-процессуальные гарантии – это система правовых средств, обеспечивающих эффективное решение задач уголовного судопроизводства, охрану прав граждан и условия их реализации, точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность.

В широком значении весь уголовный процесс в целом может быть рассмотрен как система гарантий правильного разрешения уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов его участников [19; 31; 42].

В юридической литературе принято выделять следующие виды уголовно-процессуальных гарантий:

1) гарантии правосудия;

2) принципов уголовного процесса [12; 28; 32; 34; 52];

3) гарантии прав и законных интересов личности [27; 29; 30].

Данные виды гарантии взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, право обвиняемого на защиту обеспечивается возможностью приглашения им адвоката в качестве защитника. В то же время участие защитника обеспечивает реализацию принципа состязательности судопроизводства [39; 43]. Указанный принцип является гарантией объективного и справедливого разрешения дела, т.е. гарантией правосудия [40, стр. 36-37; 50, стр. 49]. Эту мысль подтверждает и классическая англо-американская доктрина гарантий прав обвиняемого, которая предполагает:

1) право быть поставленным в известность о предмете и основании обвинения,
2) право иметь защитника,
3) право на гласный и скорый суд,
4) право на добросовестное и беспристрастное жюри,
5) право давать показание в свое оправдание и не быть принуждаемым к показанию против самого себя,
6) презумпция невиновности и право быть осужденным лишь при отсутствии разумного сомнения в виновности,
7) право очной ставки (the right to be confronted) со свидетелем, показывающим против обвиняемого,
8) право не быть дважды подвергнутым опасности осуждения за одно и то же деяние,
9) право на вторую инстанцию.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каково значение понятия «уголовный процесс» (судопроизводство), из каких элементов оно складывается?
2. Какие цели и задачи преследует уголовное судопроизводство?
3. Каково соотношение уголовного процесса и правосудия?
4. Перечислите стадии уголовного процесса, дайте их общее понятие, признаки.
5. Каково значение понятия «уголовно-процессуальная форма»? В чем проявляется ее единство и дифференциация?
6. Дайте понятие термина «уголовно-процессуальная функция»? Укажите, какие основные функции существуют в уголовном процессе, в чем их сущность? Кто является носителем каждой из них?
7. Раскройте понятие и элементы уголовно-процессуальных правоотношений? В чем заключаются их особенности?

8. Каково понятие и значение уголовно-процессуальных гарантий? Какие виды гарантий существуют в уголовном судопроизводстве? Какую сферу они обеспечивают?

Список литературы

1. Александров А.И. Понятие, сущность и задачи уголовного процесса // Уголовный процесс России: Общая часть / Под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: СПбГУ, 2004.
2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
3. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
4. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
5. Александров А., Ковтун Н. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. – Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственного управления, 1999. – 107 с.
6. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Николаева Т.Г. Полномочия органов дознания и исполнение их обязанностей отдельными должностными лицами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 70-76.
7. Александров Р.А., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Роганов С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: самостоятельна ли она в уголовном процессе? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 83-88.
8. Александрова Л.А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 144 с.
9. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 236 с.
10. Антонов И.А., Николаева Т.Г. Допустимость принуждения при производстве следственных действий, связанных с экспертным и внеэкспертным исследованием участников уголовного судопроизводства: вопросы права и нравственности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 174-183.
11. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
12. Безрядин В.И., Кондрат И.Н. О некоторых проблемах реализации принципов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 154-162.
13. Берова Д.М. Уголовно-процессуальные функции: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 276 с.
14. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1975. – 176 с.
15. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 262 с.
16. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 720 с.
17. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РФ. – М., 2002.
18. Громов Н.А. Вновь открывшиеся обстоятельства в уголовном процессе. – М.: Спарк, 1999. – 220 с.
19. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
20. Захарцев С.И. Возбуждение уголовного дела. – СПб., 2003.
21. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
25. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
26. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. – М. и С. Сабашниковы, 1916. – 708 с.
27. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства

(социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
28. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
29. Кондрат И.Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139-152.
30. Кондрат И.Н. Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58-70.
31. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 109-129.
32. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
33. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012 – 320 с.
34. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
35. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
36. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
37. Кудрявцева А.В., Смирнов В.П. Апелляционное производство в уголовном процессе России. – М., Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
38. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М.: ТК Велби, 2006. – 192 с.
39. Пашин С.А. Состязательный уголовный процесс. – М.: Р. Валент, 2006. – 200 с.
40. Полянский Н.Н. Спор о юридической природе уголовного процесса // Очерки теории уголовного процесса. – М.: Кооп. изд-ское т-во «Право и жизнь», 1927.
41. Пономаренков В.А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 157-175. – в кн. 456 с.
42. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
43. Пуртов П.Д. История развития принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 145-151.
44. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
45. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
46. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
47. Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 414 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
48. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
49. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина, И.Б. Михайловской. – М., Проспект, 2010.
50. Уголовный процесс: Учебник / Коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. – М.: Юстиция, 2015. – 320 с.
51. Уголовный процесс: Учебник для юридических вузов. В 2-х частях. Часть 1. Общая часть; Досудебное производство / Шахматов А.В., Рохлин В.И., Сальников В.П., Антонов И.А. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова и В.И. Рохлина.; науч. ред. И.А. Антонов. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 248 с.
52. Химичева Г.П. Требуется корректировка принципов уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2011. – № 11. – С. 160-162.
53. Червоткин А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. – М., Проспект, 2014. – 336 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
первый заместитель Председателя комитета по энергетике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ФЕДЮШКИНА Арина Игоревна,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТРАДИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. *Рассматриваются тенденции изменения традиций высшего юридического образования в университетах Европы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Отмечается, что высшее образование крайне инертно реагировало на изменения интеллектуальной традиции, надолго оставаясь оплотом схоластики в интеллектуальной жизни Европы.*

Ключевые слова: *юридическое образование; схоластика; европейские университеты; реформирование образования; образовательные стандарты.*

ANANSKIKH I.A
SAL'NIKOV M.V.
FEDYUSHKINA A.I.

TRADITIONS OF THE LEGAL EDUCATION IN THE EUROPEAN UNIVERSITIES IN THE LATE MIDDLE AGES AND THE BEGINNING OF THE MODERN AGE

The summary. *This article is devoted to the development of the European higher legal education tradition in the late Middle Ages and the beginning of the Modern Age. It appears that the respond of higher university education on changes in European intellectual tradition was extremely inert, and that the higher university legal education was for a long period of time a stronghold of scholasticism in the European intellectual life.*

Key words: *legal education; scholasticism; European universities; education reform; education standards.*

Реформирование стандартов высшего образования в Российской Федерации, непрерывно происходящее на протяжении последнего десятилетия [1; 2; 7], ставит перед исследователями новые задачи изучения традиций становления европейского образования [4; 5; 6]. В этом контексте для ученых-юристов особый интерес представляет изучение особенностей немецкого юридического образования в период смены господствующей интеллектуальной традиции: на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

Главной особенностью обучения студентов в европейских университетах периода Средневековья и раннего Нового Времени являлось господство схоластики, сохранявшееся во всех сферах интеллектуальной жизни Европы вплоть до начала XVII века. Возрождение и Реформация, повлиявшие на развитие европейской науки, университетскую жизнь практически не затронули, старый распорядок университетской жизни был неизменен вплоть до начала Нового Времени [8, стр. 230]. Преподаватели университетов продолжали использовать при обучении студентов исключительно схоластический метод, сводившийся к чтению текста и его логическому исследованию.

Важный для развития европейских университетов периода Средневековья, к началу Нового Времени схоластический метод изживает себя и становится тормозом для научного познания и развития человеческой мысли. К началу Нового времени основным недостатком европейского университетского образования становится сосредоточение внимания на мнениях различных авторов о предмете, а не на самом предмете, стремление «не столько собирать и познавать факты, сколько превращать факты в понятия и из этих понятий выводить суждения о фактах» [9, стр. 215].

Сама организация учебного процесса способствовала становлению формального подхода к познанию предмета. Основным методом обучения в средневековых университетах было «чтение» текста вместе со студентами. Преподаватель начинал с введения, в котором объяснялось, кем был автор, каков был замысел его работы, к какой отрасли философии принадлежала книга и что следовало извлечь из её изучения [10, p. 17-18]. Чтение книг должно было производиться без каких-либо отступлений от их содержания, однако простая диктовка напрямую запрещалась. К примеру, Постановление о методе чтения лекций на факультете «свободных искусств» в Париже 1355 года предписывает преподавателям воздержаться от медленного чтения текста: «существуют два способа чтения лекций по книгам, которые преподаются на факультете «свободных искусств». Первый, когда магистры философии произносили слова так быстро, что разум того, кто слушал, мог их постичь, а рука не могла поспеть за ними. Второй, когда магистры говорят так медленно, что их ученики могут подхватить их мысли себе на перо. После сравнения этих способов чтения и тщательной проверки установлено, что первый способ является лучшим <...> все лекторы, как магистры, так и студенты, когда бы и где они ни читали ординарные или экстраординарные лекции, при диспутировании и во всех других случаях по мере своих способностей должны пользоваться первым способом чтения лекций <...> Все они должны произносить свои тексты так, чтобы никто не делал записи, как это принято при произнесении проповедей и рекомендаций и как читают лекторы на других факультетах» [3, стр. 110]. В случаях нарушения указанных запретов, преподаватель отстранялся от чтения лекций и лишался привилегий. Повторное нарушение каралось увеличением срока отстранения от чтения.

К началу XII века к простому чтению добавляются комментарии преподавателя, приобретавшие пространный характер и содержащие отсылки к работам других авторов. Из подобных комментариев вырастали «вопросы» которые были слишком сложны для обсуждения в процессе беглого чтения и для разрешения которых преподавателями выделялось отдельное время. Обсуждение подобных вопросов перерастало в публичные диспутации с участием преподавателя и студентов. Такие дискуссии служили для отдельных преподавателей средством для привлечения студентов, и в период позднего Средневековья превратились в показательные театрализованные выступления, в ходе которых мастера могли продемонстрировать свой ум и эрудицию. Программа этих выступлений формировалась заранее и вывешивалась в виде «тезисов», что помимо студентов привлекало также множество обычных горожан [10, p. 18].

Практика диспутов была распространена во всех университетах Европы, существовали даже отдельные магистры, которые разъезжали по различным городам с целью принять участие в большем количестве диспутов и таким образом завоевать определенный авторитет в университетской среде. При этом сами диспуты в большинстве случаев сводились к формально-логическому доказыванию той или иной точки зрения, оратору зачастую было абсолютно не важно, какую позицию отстаивать. Н.С. Суворов называет диспуты «болезнью средневековых университетов», отмечая, что «все дело сводилось к игре над логическими понятиями и к выработке искусства больше говорить о вещах, чем приобретать знания о вещах. Недаром в Средние века противников на диспутах называли «боевыми петухами», а вопрос бывший предметом спора – «петушиным вопросом» [9, стр. 217].

Юридическое образование в Европе вплоть до начала XIX века было одним из главных столпов университетского образования вообще. Первые классические европейские университеты выросли из юридических школ, и на протяжении долгого времени юридические факультеты были самыми престижными факультетами университетов. Доктора права традиционно занимали привилегированное положение среди средневекового научного сообщества, как указывает Н.С. Суворов, сам докторский титул присваивался только преподавателям-юристам, остальные обладали только магистерским [9, стр. 195]. В Болонском университете ректором мог быть избран также только юрист.

Для сыновей немецкой знати и городского патрициата обучение юриспруденции было обязательным для построения политической карьеры и занятия высоких государственных должностей. Кроме того, юридическое образование выступало в качестве социального лифта для студентов из числа простых горожан: наиболее талантливые из них, получив юридические знания, могли претендовать на должности в городском магистрате, других административных органах и рассчитывать на успешную карьеру [11, s. 418].

Образовательная программа юристов сводилась к изучению двух юридических дисциплин: римского и канонического права, последнее из которых с начала XII века начало читаться как часть юриспруденции, а не теологии. Обучение юристов было организовано по тем же общим принципам, что и все обучение в университете. Главными ординарными книгами, читаемыми юристам были Corpus Iuris Civilis (для легистов) и Corpus Iuris Canonici (для канонистов), чтение которых происходило путем изучения текстовых, а не смысловых групп: материал изучался исключительно по главам, параграфам и статьям, а не путем рассмотрения отдельных правовых институтов и норм.

Отдельно необходимо обозначить значение римского права в контексте обучения европейских юристов: в результате его широкой рецепции повсеместно в Европе ссылка на мнения римских юристов признавалась наиболее авторитетным источником как в университетском юридическом диспуте, так и в практической деятельности суда и административных органов. Значение римского права можно также проследить и по использованию в юридической практике с целью увеличения авторитета местной власти латинизмов, заимствованных в ходе рецепции ius civilis: «древнее право городских властей на законотворчество было подкреплено престижными названиями римских имперских должностей. Слова princeps, praetor, rector (praeses) provinciae, quaestor, pragmatica santio могли использоваться для обозначения местных учреждений, шеффены могли обозначаться как defensores civitas» [12, s. 66]. Новый латинизированный лексикон, как отмечает М. Штолляйс, был внешним выражением стремления имперских, территориальных и

городских властей утвердить и обосновать свою власть с помощью четких, кратких и точных понятий, а также придать ей больший вес за счет авторитета римского права. Кроме того, заимствование терминологии римского права придавало наукообразный вид всей публичной деятельности органов местной и имперской власти [12, s. 67].

Несмотря на широкую рецепцию римского права, римское разделение права на частное и публичное не было воспринято средневековыми юристами. Публичное право в европейских университетах не изучалось как самостоятельная юридическая дисциплина до начала XVII века. Приблизительно с 1600 года отдельные юридические вопросы начинают обозначаться в качестве «вопросов публичного права» (quaestiones iuris publici), проводятся диспутации на публично-правовые темы, возникают первые учебники Ius publicum Imperii Romano-Germanici [12, s. 58]. Однако, тем не менее, публичное право не занимает в образовательных программах ведущих европейских университетов сколь-нибудь прочных позиций, и изучается весьма бегло.

Подводя итог рассмотрению состояния юридического образования в европейских университетах раннего Нового времени, необходимо отметить, что университетское образование крайне инертно реагировало на изменения, происходившие в интеллектуальной жизни Европы, и довольно продолжительное время сохраняло верность средневековой схоластической традиции. В частности, юридическое образование продолжало хранить верность догме римского права, с большой неохотой включая в программы обучения юристов элементы права национального.

Список литературы

1. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников П.П. Юридическое образование России от Ивана Калиты до наших дней. Можно ли его модернизировать? // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 203-213.
2. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников С.П. Россия в Болонской системе: проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 110-115.
3. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко; вступ. статья, пер. и примеч. Г.И. Липатниковой. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1973. –157 с.
4. Кавшбая Л.Л., Сальников П.П. Начало юридического образования в университетах Западной Европы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 161-165.
5. Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Становление университетского образования как катализатор развития канонического права в средневековой Европе // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 41-45.
6. Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Сальников В.П. Нравственное воспитание благородных девиц (женское образование в Российской империи) – историко-правовой и идейно-нравственный аспект // Юридическая мысль. – 2015. – № 2(88). – С. 29-35.
7. Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Религиозно-правовая проблематика в учебном процессе: кому это нужно? // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 80-89.
8. Сидорова Н.А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии // Средние века. Вып. 23 / Отв. ред. С.Д. Сказкин. – М.: АН СССР, 1963. – С. 229-237.
9. Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М.: Типолитогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. – VII, 253 с.
10. Evans G.R. Philosophy and Theology in the Middle Ages. Taylor & Francis e-Library, 2001.
11. Mährle W. Academia Norica: Wissenschaft und Bildung an der Nürnberger Hohen Schule in Altdorf (1575-1623). Stuttgard: Steiner, 2000
12. Stolleis M. Geschichte des öffenlichen Rechts in Deutschland. Erster Band: Reichspubizistik und Policeywissenschaft 1600-1800. München: Verlag C. H. Beck, 2012.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ДОБРО И ЗЛО В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. *Исследуются взгляды великого русского писателя и философа Ф.М. Достоевского на проблему невозможности гармонии между добром и злом. Отмечается, до уровня вопроса о сущности добра и зла и вопроса об ответственности Бога за зло, Достоевский развивает вопрос о смысле человеческого бытия.*

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский; добро и зло; бытие; богочеловек; высший смысл законов природы.*

ISMAGILOV R.F.

GOOD AND HARM IN F.M.DOSTOEVSKY'S LEGAL PHILOSOPHY

The summary. *Sights of the great Russian writer and philosopher Ф.М. Dostoevsky on a problem of impossibility of harmony between good and harm are investigated. It is marked, to level of a question on essence of good and harm and a question on responsibility of the God for harm Dostoevsky develops a question on sense of human life.*

Key words: *F.M.Dostoevsky; kind and angrily; life; the God-man; the higher sense of laws of the nature.*

Вопрос о смысле личного бытия человека и смысле всеобщего бытия неразрывно связаны между собой. Ведь невозможно положительно решить вопрос о смысле личного бытия и отрицательно о смысле всеобщего. В таком случае мы снова должны были бы решать для себя вопрос о единстве и гармонии всеобщего бытия, за которым для нас встанет проблема невозможности гармонии между добром и злом, или иначе: между бытием, которое «есть», и небытием, которого вовсе нет. Человек не может нащупать в себе точку осмысленности бытия и положительно решить вопрос о значении и смысле своего существования, зная, что в мире есть зло.

Достоевский предельно радикально определяет эту проблему: речь не обязательно должна идти о вселенском зле. Даже единичное, вполне бытовое, зло, с которым вроде бы можно и смириться, само по себе уже должно свидетельствовать о бессмысленности бытия на всех его уровнях: от всеобщего до личностного. Так возникает знаменитая тема «слезинки ребенка». Речь идет о двух историях, рассказанных Иваном Карамазовым. Радикальность поставленной проблемы усиливается тем, что обе они не являются плодом художественного вымысла. Первая – о том, как «интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами» (эта история воспроизведена Достоевским по материалам судебного дела, которое в подробностях обсуждалось им в «Дневнике писателя»), вторая – о том, как генерал затравил крепостного мальчика собаками.

Отталкиваясь от этих двух фактов вселенской несправедливости, Иван Карамазов делает вывод о неизбежности бунта человека против Бога. В философском смысле ход его рассуждений был столь важен для Достоевского, что есть смысл привести достаточно обширный фрагмент из текста «Братьев Карамазовых»:

«Слушай меня: я взял одних деток для того, чтобы вышло очевиднее. Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, я уж ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузил. Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, для чего все так устроено. Люди сами, значит, виноваты: им дан был рай, они захотели свободы и похитили огонь с небеси, сами зная, что станут несчастны, значит, нечего их жалеть. О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравновешивается, – но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что я это знаю, – мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя. И возмездие не в бесконечности где-нибудь и когда-нибудь, а здесь, уже на земле, и чтоб я его сам увидал. Я веровал, я хочу сам и видеть, а если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо если все без меня произойдет, то будет слишком обидно. Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего все так было. На этом желании зиждутся все религии на земле, а я верую. Но вот, однако же, детки, и что я с ними стану тогда делать? Это вопрос, который я не могу решить. В сотый раз повторяю – вопросов множество, но я взял одних деток, потому что тут неотразимо ясно то, что мне надо сказать. Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна. Иной шутник скажет, пожалуй, что все равно дитя вырастет и успеет нагрешить, но вот же он не вырос, его восьмилетнего затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и под землею сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: «Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои!» Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав ты, Господи», то уж, конечно, настанет венец познания и все объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры. Видишь ли, Алеша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента али воскресну, чтоб увидеть его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: «Прав ты, Господи!», но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачонком в грудь и молился в зловонной конуре своей неис-

купленными слезками своими к «Боженьке»! Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю».

Негативная этика Достоевского, радикально ставящая проблему абсолютности единичного зла, имеет непосредственное онтологическое основание. Действие человека, допускающего зло и творящего зло, в буквальном смысле слова потрясают основы мироздания. Ведь, если в мире есть хотя бы один-единственный акт зла, хотя бы одна «слезинка ребенка», то в нем уже нет гармонии. Если мир создан Богом, то он должен быть сотворен как образ абсолютного добра. И даже единичный акт зла не может быть совершен Богом.

Для гностика здесь два возможных варианта ответа: Либо мир создан не Богом (ведь, Бог по самому понятию своему не может творить зло), а посредником-демиургом, который допускает смешение добра и зла. Либо Бога и абсолютного добра нет, но тогда мир оказывается полным злом, небытием, прикрытым лишь тенью внешней видимости, пустой субъектностью без сущности, бессодержательной рефлексией.

И в том, и в другом случае торжествует небытие и зло. Раз Бога нет, значит все можно, – говорит один из героев Достоевского. Здесь уже не так важно: нет Бога вообще или нет только в соприкосновении с нашим миром. И в том, и в другом случае мир оказывается воплощенным злом и небытием. Если в силу какого-то недоразумения есть противоречие между небытием мира и его внешним существованием, то это противоречие должно быть разрешено. Но может оно быть разрешено только через отрицание мира, отказ от него. Отсюда и тема в размышлении «смоделированного» героя из «Дневника писателя»: Убить природу или убить себя?

Николай Бердяев в своей книге «Миросозерцание Достоевского» обращает внимание именно на то, что доведя понятие зла до предела, Достоевский связывает его с понятием небытия (как и наоборот) [2]. Небытийность зла, как точно подметил русский философ, проявляется прежде всего в его пошлости, мелкости, в прямом и точном смысле – в его ничтожности, что художественно выражено в образе «отца зла»: «Черт у Достоевского не есть уже соблазнительный и прекрасный демон, являвшийся в «красном сиянии, гремя и блистая, с огненными крыльями». Это – серый и пошловатый джентльмен с лакейской душой, который жаждет воплотиться в «семипудовую купчиху». Это дух – небытия, подстерегающий человека. Последний предел зла – пошлость, ничтожество и небытие». Заметим, что этот образ «пошлого черта», до которого не дошел даже Гете с его элегантным Мефистофелем, позже «взял на вооружение» Томас Манн. Черт Адриана Леверкюна – это прямая литературная цитата из «Братьев Карамазовых».

Итак, вопрос о смысле бытия Достоевский развивает до уровня вопроса о сущности добра и зла и вопроса об ответственности Бога за зло, существующее в сотворенном им мире. Последний вопрос в философии называется вопросом о теодицеи, т.е. об «оправдании Бога».

Далее мы увидим, что Достоевский не только раскрывает суть этой проблемы до ее последней

глубины, но и последовательно решает эту проблему. Причем теодицея Достоевского осуществляется вполне в соответствии со святоотеческой традицией: Бог не творец зла. Бог дал человеку его высший дар – свободу, которую не желает отнять у него.

Тема свободы – центральная в творчестве Достоевского. «У Достоевского, – п*исал Николай Бердяев,* – есть поистине гениальные мысли о свободе, и нужно их вскрыть. Свобода для него есть и антроподицея и теодицея, в ней нужно искать и оправдания человека и оправдания Бога. Весь мировой процесс есть задание темы о свободе, есть трагедия, связанная с выполнением этой темы. Достоевский исследует судьбу человека, отпущенного на свободу. Его интересует лишь человек, пошедший путем свободы, судьба человека в свободе и свободы в человеке. Все его романы-трагедии испытание человеческой свободы. Человек начинает с того, что бунтующе заявляет о своей свободе, готов на всякое страдание, на безумие, лишь бы чувствовать себя свободным. И вместе с тем человек ищет последней, предельной свободы».

Благодаря дару свободы человек оказывается способен различать добро и зло [1; 6; 7; 8]. И в том, что в мире есть зло, виновен только сам человек. Конечно, можно отнять у человека его свободу, тогда он не будет творить зла. Но, потеряв высший дар Божий, человек перестанет быть человеком, а станет «насекомым», человечество превратится в гигантский муравейник. А как же зло? По мысли Достоевского, зло тогда вовсе не прекратится, но, наоборот, станет злом тотальным, воплощенном в этом «всемирном муравейнике», убившем свободу и обратившим в ничто человека.

В этом плане интересна идея по оправданию добра с позиций нравственной философии, сформулированная В.С. Соловьевым [11; 14]. Она берет свое начало, вероятнее всего, еще в античной философии [3; 12] и продолжается до сегодняшнего дня [9].

В «Легенде о Великом инквизиторе» мы видим именно эту концепцию, выраженную средствами художественной литературы. Богочеловеку, даровавшему человеку свободу, противостоит инквизитор, могущий эту свободу отнять, причем отнять не внешним образом, а парализовав ее в самих основаниях человеческой воли. Богочеловек видит, что вместе со свободой в мир приходит зло. Ради простого бытия человека можно было бы принять это зло, примириться с ним. Но Богочеловек не принимает зло, не мирится с ним, не терпит его. Но и не отвергает свободу человека. Его путь принципиально другой, выпадающей из ложного выбора между свободой и злом [10].

Богочеловек как Бог сострадает человеку, терпящему зло, и как Человек добровольно претерпевает его вместе с другими людьми, мучается им. Но Он этими муками утверждает абсолютный приоритет бытия и свободы человека и через них указывает истинный путь преодоления зла. Прокомментируем онто-этический смысл смерти и воскресения Богочеловека, обращаясь к трудам философов.

Приблизиться к его пониманию нам позволяет удачный фрагмент из «Философии религии» Гегеля: «Для истинного сознания духа в смерти Христа уничтожена конечность человека. Эта смерть природного имеет, таким образом, всеобщее значение; уничтожено конечное, вообще уничтожено зло. Таким образом, мир примирен, благодаря этой смерти мир в себе освобожден от зла. В истинном понимании смерти появляется, таким образом, отношение субъекта как такового. Здесь прекращается простое рассмотрение истории, субъект сам вовлекается в процесс, он чувствует боль зла и своего собственного отчуждения, которые Христос взял на себя, приняв человеческий образ, но и своей смертью уничтожил…» [4].

Вряд ли Достоевский был знаком с этим текстом, но содержательно близкие к нему фрагменты из гегелевской «Истории философии» он, конечно же, знал и мог найти в них некоторое созвучие своим размышлениям, когда искал пути воплощения в художественном образе этого «всеобщего значения» смерти Христа, через которую «мир в себе освобожден от зла»[5]. Здесь стоит вспомнить о том интересе, который проявлял Достоевский к опытам художественного осмысления и рефлексивной интерпретации смерти Христа.

Прежде всего здесь показательно его отношение к картине Ганса Гольбейна-младшего «Труп Христа», встреча с которой художественно описана в книге Юрия Селезнева: «По дороге Федор Михайлович уговорил жену на день задержаться в Базеле, где в картинной галерее хранилось известное ему по, описаниям и давно

мучившее его сознание полотно Ганса Гольбейна-младшего «Труп Христа» [13].

Это была страшная картина. Спаситель – и на кресте, и снятый с креста – по обычаю изображался всегда в покое и величии телесной красоты, как бы не тронутой смертными мучениями, не подверженной разрушительным законам разложения. Гольбейновский Христос перенес неимоверные страдания: израненный, иссеченный ударами стражников, в синяках и кровоподтеках – следах побиения каменьями, в ссадинах от падений под тяжестью креста. Глаза его полуоткрыты, но – и это, может быть, самое ужасное – в них мертвая остекленелость; губы судорожно застыли, словно в оборвавшемся на полуфразе стоне: «Господи! Отец мой, зачем ты оставил меня...»

Достоевский и сам будто окаменел перед жутким откровением образа; и вдруг его охватило ощущение, будто он снова в той каторжной бане...

Анна Григорьевна не выдержала, ушла в другие залы. Когда вернулась минут через 20, Федор Михайлович стоял, застывший на том же месте, в глазах его она увидела смятение и страх.

– От этой картины вера может погибнуть, – только и сказал он.

Потом уже, все еще взволнованный и подавленный, говорил:

– Когда смотришь на этот труп измученного человека, рождается страшный, особый вопрос: если такой точно труп – а он непременно должен был быть точно такой – видели все ученики его, его будущие апостолы, стоявшие у креста, веровавшие в него и обожавшие его, то как, каким образом могли поверить они, глядя на него, что тело этого мученика может воскреснуть?

Если так ужасна смерть и так сильны, неопровержимо-наглядно сильны законы природы, то где же их одолеть и какая непостижимая сила внушает веру в возможность их преодоления?

При взгляде на эту картину природа мерещится в виде какого-то исполинского, неумолимого и немого зверя или, вернее даже, гораздо вернее, хоть и странно думать так, в виде какой-то громадной слепой машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для проявления этого существа...

В чем же тогда он, высший смысл законов природы, по которым она с холодным безразличием отправляет даже единственное, неповторимейшее из своих созданий в бездну небытия своей темной утробы? Или действительно высший смысл именно в этой бессмысленности: и страсти духовные, муки совести, полет мысли, порывы творческого вдохновения, неколебимость веры не более чем чудовищная ухмылка над бедным человечеством, пустая игра воображения, чтобы хоть на краткий миг забыться, отвлечься от жуткой неминуемости этой последней правды, от этого вселенского, паучьи ненасытного бога – чрева? И пока не пришел твой черед идти на заклание, пока не выпал твой номер в этой бешеной круговерти слепого колеса всемирной рулетки – живи, человече, для своего маленького личного пуза, все тебе дозволено, ибо все только на мгновение, ибо вечно одно только это, бездонное, невообразимое чрево...»

Репродукция этой картины висела в рабочем кабинете писателя в период работы над «Легендой о Великом Инквизиторе». Так что Достоевский, видимо, должен был все вновь и вновь обращаться к ней в попытках найти самую удачную форму ответа на нигилистическую интерпретацию и самого образа Богочеловека, и смысла его смерти и воскресения. Таким ответом стал, как нам кажется, финал «Легенды о Великом Инквизиторе»: «Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ».

Давая поцелуй любви инквизитору, осудившему его на казнь, Богочеловек еще раз подтверждает, что он готов снова пройти смерть ради низвержения зла и утверждения свободы человека. В этом единственном ответе, который дает Богочеловек инквизитору на все его увещевания и на саму угрозу казни, заключен акт абсолютной любви, признание цельности и непреодолимости бытия, веры в его абсолютное и вечное «существование».

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – Praha: YMCA-PRESS, 1923.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – 531 с.; Т. 2. – М.: Мысль, 1977. – 573 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000.- 480 с.
6. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
8. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию: Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
9. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты: Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 ил.
10. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 167-172.
11. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 197-198.
12. Романовская Л.Р. Воспитание добродетели как задача государства в античной философии // Вестник Тюменского государственного университета: Право – 2012. – № 3.
13. Селезнев Ю.И. Достоевский. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 543 с., ил – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 1(621)).
14. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – 478 с.

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Аннотация. *Анализируются перспективы дальнейшей переориентации ценностных ориентиров и политического класса, возникшей в связи с деидеологизацией российского общества, отсутствием четко прописанных программ реформирования государства. Отмечается, что нация не может совершенствоваться без социально-нравственной системы ценностей, с которой надо сверять практические действия; ни одна политическая система не обходятся без идеологии. Выделяются четыре блока ценностей и интересов, которые могут быть положены в основу объединяющей идеологии; формулируется заключение, что наиболее перспективной в этом плане является национальная идея.*

Ключевые слова: *идеология; политический класс; деидеологизация; патриотизм; национальная идея.*

KOLYADIN A.M.

POLITICAL CLASS OF MODERN RUSSIA AND ITS WORLD OUTLOOK VALUES

The summary. *Prospects of the further reorientation of valuable reference points and the political class, arisen in connection with деидеологизацией the Russian society, absence of accurately registered programs of reforming of the state are analyzed. It is noticed, that the nation cannot be improved without socially-moral system of values from which it is necessary to verify practical actions; any political system the ideology do not do without. Four blocks of values and interests which can be taken as a principle uniting ideology are allocated; the conclusion is formulated, that the most perspective in this plan is the national idea.*

Key words: *ideology; a political class; деидеологизация; patriotism; national idea.*

Исчезновение СССР повлекло разрушение преемственности российской национально-государственной идеологии, которая изменялась в зависимости от политических и исторических задач, стоявших перед страной на протяжении столетий, но всегда являлась основой государственной целостности России, и тем самым спровоцировали крушение советской идеологической системы. Радикальные реформаторы отвергали правомерность сосуществования национально-государственной идеологии и демократии, соглашаясь с мнением Р. Пайпса, утверждавшего еще в 1993 г., что Россия не нуждается в государственной идеологии [34]. Они утверждали, что государство должно быть нейтральным по отношению к идеологии, что государственная идеология несовместима с демократическими устоями, а стремление к демократическому

обществу предполагает плюрализм идеологий. Основной задачей, стоящей перед страной, была необходимость «изменить устройство социально-экономической системы и перейти с «восточного» на «западный» путь» [12]. При этом у руководства страны не было ни стройной идеологии, ни четко прописанных в интересах государства и общества программ реформирования государства. Таким образом, социалистическая идеологическая система, как духовно-политическая основа государственной целостности страны была уничтожена, а «деидеологизация» закреплена в обществе на уровне Конституции РФ. Однако ожидаемой смены идеологии не произошло: взамен уничтоженной советской системы ценностей обществу попросту ничего не было предложено. Советскую идеологию подвергли остракизму, а взамен ничего не дали [28]. Единая, приемлемая для общества в целом идеология является сегодня жизненно важной. Без нее общество расслаивается, теряет единство. В такой ситуации прогресс, в частности политико-правовой, и особенно в части демократического развития, ставится под сомнение [18; 19; 20; 21; 22; 61].

Важнейшей современной проблемой России в рассматриваемом аспекте является необходимость реабилитации ценности идеи развития в общественном сознании. Глубина проблемы заключается в том, что, несмотря на перманентную приверженность лучших философских умов России идеям глобальной эсхатологии, в реальной жизни идея развития в России не относилась к числу безусловных базовых ценностей как для массового, так и для элитарного сознания. Это обусловлено тем, что для массовых групп осуществление модернизаций в стране неизменно сопровождалось сверхнапряжением и сверхэксплуатацией, а значит – насилием (призванным компенсировать скудность иных ресурсов развития – финансовых, материальных, временных и т.д.). В. Ключевский писал, что упадок переутомленных народных сил в ходе петровских преобразований был столь масштабным, что едва ли окупился бы даже в том случае, если бы Петр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, даже пять Швеций [29, стр. 579].

Что касается политического класса, то его настороженность по отношению к модернизационным проектам определялась тем, что осуществление модернизаций в России, как правило, сопровождалось масштабными чистками самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации. Самый яркий пример – репрессии 30-х годов, в ходе которых на смену «старой гвардии» пришел «военно-спортивный класс» (Г.Федотов) – «железные наркомы» и « железные секретари», не очень искушенные в теории, зато готовые строить « новый мир» с помощью подручных средств, а иногда и без оных. Истоки трудностей имплантации модернизационных проектов в России традиционно коренятся в слабости внутренних импульсов развития в рамках мобилизационной модели, по которой развивалась страна, а также тем обстоятельством, что в качестве целей и ориентиров развития выступали задачи, опережавшие возможности населения. Но эти задачи диктовались не произволом власти, а определялись национальным заданием – «созданием Империи на скудном экономическом базисе» [64, стр. 159], – необходимостью выживания социума в условиях конкуренции с более удачливыми геополитическими соперниками. Поэтому «кнутом», подстегивающим развитие, выступала власть, причем нередко вопреки собственным симпатиям. Пример тому – судьба Александра II, инициировавшего под давлением поражения России в Крымской войне осуществление Великих реформ 60-70-х годов во многом вопреки политическим убеждениям своей молодости. Об этом свидетельствует хотя бы Судебная реформа 1864 года [8; 30; 31; 33; 36; 60; 71].

Как обстоит дело сегодня? Ныне число общезначимых для всего социума ценностей минимально: существует значительный разрыв между целями и ценностями элитарного и массового сознания вследствие масштабности децильного коэффициента, маргинализации большого числа массовых групп и фрагментации социальной ткани общества. Ценностные ориентации массового сознания во многом определяются приоритетами индивидуального выживания, но наиболее общей их характеристикой является предельный эклектизм, выражающийся бессмертной литературной формулой: «Чего-то хочется, сам не знаю чего: то ли Конституции, то ли севрюжины с хреном». Для элиты же абсолютной ценностью является власть, преуспевание и успех во всем комплексе их параметров, прежде всего матери-

альных.

Но, несмотря на глубину различий в ценностных предпочтениях, и элиты и население сегодня солидарны в неприятии ценности развития. Участниками негласного негативного консенсуса по стагнации были не только элиты, но и население, ибо – «каждому по способностям»: кто ворует завод, кто трубу, но все при деле. «Третий Рим» оказался в третьем мире. Что касается равнодушия массовых групп к идее развития как ценности (обусловленному маргинализацией слоев, связанных с авангардными технологиями как в сфере ВПК, так и в рамках академической и отраслевой науки) – это еще полбеды, ибо позиция массовых групп сегодня мало что определяет, а массовое сознание пластично как никогда ранее. Но вот глубокий индифферентизм властных групп современной элиты к этой идее поистине катастрофичен, ибо именно они в лице симбиоза высшей бюрократии и ведущих политико-финансовых кланов не только призваны быть субъектом стратегического целеполагания, но и де-факто является единственно значимым субъектом формирования ценностного поля общества. Анализ показывает, что никакие внешние обстоятельства или статусное положение не способны так устойчиво влиять на принимаемые властями решения как их убеждения и ценности, смыслозначимые представления о пределах допустимого в политике, доминирующие в политико-административной среде нормы межличностных отношений и целевые ориентиры [62, стр. 66-67]. Между тем несмотря на практически неограниченные возможности влияния властных групп нашего общества и значительный масштаб «приватизации» ими институтов и функций гражданского общества и государства, а также тот факт, что на фоне тотальной десубъективизации других участников политического процесса (включая государство) именно они выступают в качестве ведущих субъектов российской политики – эти субъекты стратегически бессубъектны. Для них характерна утрата не только стратегической исторической и политической субъектности, но и сколько-нибудь серьезного интереса к проблемам стратегии.

Именно ослабление функции целеполагания в наибольшей мере подвергает эрозии элитарный статус руководящих групп. Последние годы современная политическая элита России все чаще выступает адресатом упреков в безнравственности, свидетельством коей являются многочисленные войны компромата, в которые вовлечена значительная часть влиятельных групп российского общества. По мнению ряда экспертов, это лишает ее обоснованности претензий на элитарный статус. Однако, на наш взгляд, эрозия элитарного статуса в большей мере грозит с другой стороны. Современная элита рискует утратить свой высокий титул не столько в связи с удручающим уровнем ее нравственности, сколько из-за того, что руководящие группы современного российского общества во все меньшей степени выполняют свою ключевую функцию и все меньше соответствует базовому системообразующему признаку элиты – способности к принятию стратегических решений. Подчеркнем еще раз: отечественный политический класс все меньше выступает в роли субъекта принятия важнейших стратегических решений.

Стратегическая бессубъектность является следствием целого ряда причин. Прежде всего, это результат приватизации институтов государства и гражданского общества: в России 1990-х годов сбылось знаменитое пророчество К.Маркса об отмирании государства. Между тем реализация исторической и политической субъектности невозможна без наличия государственной оси идентификации. При этом сегодня для политического класса единственно реальным является корпоративный (точнее, квазикорпоративный) принцип идентификации, для населения – региональный. Общегосударственный интерес аннигилируется как инструмент артикуляции общезначимых целей и ценностей большинства общества.

Высокая степень конфликтности внутриэлитного взаимодействия, которое порою больше напоминает межклановые разборки – а сам политический класс – террариум единомышленников, является еще одной причиной того, что современные политические элиты России не стали субъектом развития.

Однако важнейшие глубинные причины неэффективности сегодняшней элиты в качестве субъекта развития во многом определены значительными политическими, психологическими и нравственными издержками практики форсированной модернизации на протяжении предшествовавших исторических периодов и возникшими в ходе этого развития деформациями. Сегодняшняя индифферентность элиты к проблемам стратегии есть оборотная сторона и результат гипер-

трофированой эсхатологической устремленности глобального исторического проекта форсированной модернизации с его приматом ценности будущего и инструментальности настоящего. Перефразируя известную формулу Дж. Кеннеди, можно сказать, что в России слишком долго спрашивали «Что ты можешь сделать для страны», поэтому сейчас большинство граждан интересуется тем, что страна может сделать для них. В этом – объяснение известного парадокса: индустриальную модернизацию 1930–1950-х годов осуществили преимущественно выходцы из крестьянских семей, интеллигенты в первом поколении; итогом же политической деятельности интеллектуальных лидеров 1990-х (по числу ученых степеней и званий нынешний управленческий слой России не имеет аналогов в предшествовавшей истории страны) стала деиндустриализация. И отнюдь не вследствие управленческой несостоятельности этой генерации, как это нередко полагают: просто изначально развитие не входило в число задач реформ. Лозунгом процесса была дистрибуция. А сила дистрибуционного заряда (масштаб которого дает основание говорить о дистрибутивной пассионарности) определялась колоссальным потенциалом накопившегося неудовлетворения элиты в связи с психологическими последствиями перманентно воспроизводившегося несовпадения функций владения и распоряжения, свойственного советской номенклатуре, преемницей которой стала сегодняшняя элита. Распоряжаясь колоссальными материальными госресурсами, совпартноменклатура лично была весьма бедна по сравнению с управленческими слоями зарубежных несоциалистических стран, а по меркам сегодняшнего дня – нищенствовала. Большая часть имущества даже высших иерархов была казенной; на мебели стояли штампы управления делами, и это имущество подлежало периодической инвентаризации. Дочь Сталина С.Аллилуева вспоминала, как отец внушал ей и ее брату Василию мысль о временном характере привилегий руководства: «Дачи, квартиры, машины, – все это тебе не принадлежит, не считай это своим» [5, стр. 159]. О том, сколь травмирующим фактором стало это противоречие для поколения позднесоветской номенклатуры, свидетельствует следующий эпизод. А. Грачев, бывший советник М. Горбачева в его бытность генсеком, вспоминает: когда во время визита четы Горбачевых во Францию супруга Президента Франции Даниэль Миттеран предложила Раисе Горбачевой, похвалившей за завтраком поданный на стол мед, подарить несколько ульев для ее загородного дома, та, всплеснув руками, с укором сказала Горбачеву: «Сколько раз я тебя просила, Михаил Сергеевич, отказаться от государственных дач и взять хоть крошечный участок земли! Ведь у нас до сих пор ничего своего нет – улья негде поставить!» [13, стр. 74].

В контексте размышлений о перспективах дальнейшей переориентации ценностных ориентиров и политического класса, и массовых групп в пользу стратегии развития, следует иметь в виду, что подобная переориентация – предмет не только субъективных предпочтений, но во многом определяется объективными законами длинных волн колебаний массовых настроений между приверженностью общезначимым ценностям и частным интересам. В этой связи следует принять во внимание тот факт, что общественная жизнь подвержена циклическим изменениям. «Смена вех» хорошо прослеживается на материале американской истории. Известно, сколь разнятся характеристики американцев, данные А. Токвилем в первом и втором томах его знаменитой работы «Демократия в Америке», хотя между написанием томов прошло лишь пять лет (первый был написан в 1835 г., а второй – в 1840 г.). В первом томе Токвиль, оценивая американское общество, отмечал энергию, участливость, гражданскую активность и приверженность общественным интересам. Если бы американцы « были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными» [63, стр. 191]. А во втором томе, вышедшем, как было отмечено, всего пятью годами позже, Токвиль изображает американца слабым, послушным и бессильным, всецело поглощенным своими частными интересами: «Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства». Известный американский историк А.Шлезингер-мл., сопоставляя столь разнящиеся характеристики, пришел к выводу, что общественная активность и частный интерес существуют в состоянии маятникового движения от частных забот (корыстолюбие) к общим интересам (патриотизм). «Американец бывает так поглощен частными заботами, как если бы он

был абсолютно одинок в этом мире, а в следующую минуту, как будто забыв о них, он отдается общему делу. Иногда кажется, что им движет крайнее корыстолюбие, а иногда – беззаветный патриотизм», – эту мысль Токвиля А.Шлезингер-мл. положил в основу своей концепции циклов американской истории, определяя цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц [72].

Концепция Шлезингера стала развитием представленного именами Г.Адамса, А.Шлезингера-ст., А.Хиршмана, Г.Макклоски, Дж.Заллера плодотворного направления американской политико-исторической науки, связанного с изучением цикличности американской истории. Шлезингер-мл. постулирует автономность политических и психологических циклов общественной жизни, полагая, что истоки циклического развития лежат в глубине человеческого естества. Цитируя мысль Эмерсона о том, что политическая жизнь в значительной мере физиологична, Шлезингер констатировал, что общественное действие, рассчитанное на долгий период, истощает население эмоционально. «Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти, идеализм и реформы. Общественные реформы передаются на попечение невидимой руки рынка» [72, стр. 48]. При этом Шлезингер приходит к выводу, что следование частным интересам на определенных этапах может быть средством решения и общественных проблем. В эти периоды политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку, по резонам социального статуса – выходит на первый план. Поэтому помимо отдыха, период доминирования частных интересов – это время консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предшествующего периода, а также накапливаются предпосылки для будущего рывка. Причинами исчерпания периодов затишья обычно бывает накопление и обострение противоречий, до поры латентных: «Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на себе самих. Они спрашивают, не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны. Они готовы к звуку боевой трубы» [72, стр. 49]. Шлезингер проследил, как периоды общественного подъема (первые два десятилетия XX века, связанные в именами Т.Рузвельта и В.Вильсона; 1930-е годы – Ф.Д.Рузвельт и его « новый курс»; Г.Трумэн и его «справедливый курс»; 1960-е годы – Дж.Кеннеди и «новые горизонты»; Л.Джонсон и «великое общество») всякий раз сменялись ощутимыми спадами: подъем начала века сменился Великой депрессией; в 1950-е годы период президентства Д.Эйзенхауэра обеспечил необходимую паузу после напряжения 1930-х и 1940-х годов, а подъем общественной активности в 1960-е годы впоследствии сменился в конце 1970-х движением маятника общественных настроений в пользу частного интереса, получившего мощное воплощение в консервативной революции Р.Рейгана.

Нация не может совершенствоваться без социально-нравственной системы ценностей, с которой надо сверять практические действия, тем более в условиях коренной перестройки общественных и идеологических отношений, выработка достойных ориентиров является в настоящее время насущной необходимостью, так же, как и очищение русской души от всего вредного и отжившего. Жесткий запрет на государственную идеологию, закрепленный на конституционном уровне, заморозил на некоторое время поиск новой системы ценностей в нашей стране. Убедившись, что без такой системы не обойтись, что она – начало и фундамент государственной и общественной жизни, высшее руководство России в лице президента Б. Ельцина поставило в 1996 г. задачу сформулировать национальную идею, которая вероятно должна была компенси-

ровать отсутствие государственной идеологии. С момента постановки этой задачи было предложено много вариантов таких идей, но ни одна из них так и не была объявлена национальной [9; 10; 15; 24; 39; 40; 45; 68; 70].

Безуспешность поисков национальной идеи побудила президента В. Путина в начале своего правления в одном из интервью сказать, что национальную идею России не надо изобретать, она уже есть, ибо такая великая страна не может существовать без национальной идеи; важно лишь понять эту идею. В выступлении с посланием Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. В. Путин заявил: «Демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму... И не нужно специально искать национальную идею, она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное понять, в какую Россию мы верим, и какой хотим мы эту Россию видеть». Президент не уточнил, какая это национальная идея «сама уже вызревает в нашем обществе» и каковы «контуры новой общенациональной идеологии», которые сейчас уже определяются; не ясно также, что вызревает в нашем обществе – национальная идея или национальная идеология. Одно ясно: ни прежнее политическое руководство России, ни то, которое пришло ему на смену, не представляют себе, что такое национальная идея и национальная идеология и как они соотносятся друг с другом. Спустя несколько дней, в своем интервью газете «Известия» В. Путин сказал: «Написание национальной идеи, или, как вы выразились идеологии – ее внедрение, считаю совершенно бессмысленным. Ее нельзя нарочно выдумать. Моральные и нравственные ценности народа складываются веками. В России, как в любом уважающем себя государстве, есть база, на которой мы можем строить свое... нравственное здание. Но для этого нам нужно укреплять государство, экономику, институты демократии. Если общество будет готово следовать базовым общим целям – это и будет означать успех реформ» [2]. И в этой цитате, как и в предыдущей, нельзя найти ответ на вопрос, каково соотношение национальной идеи и национальной идеологии. Между тем содержание и соотношение следующее. Идея – это некий замысел, реализация которого должна привести к предполагаемому, желаемому определенному результату, или же «логический принцип, лежащий в основе теоретической системы». Идеология – это система концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на политическую жизнь, которая отражает интересы, мировоззрение, идеалы, намерения людей, классов, наций, общества, политических партий, общественных движений и других субъектов политики. В научной литературе существуют ряд определений данных понятий, но какие бы дефиниции мы не взяли, в каждом мы найдем, что идеология – это система взглядов и идей. Эта система охватывает не только политическую жизнь, но и все другие сферы общественной жизни. Политическая идеология создается идеологами, в роли которых выступают, как правило, ученые, некоторые политики, партийные деятели. Поиск и формирование новых идеологий происходит в разных сферах, но прежде всего в партийной, политической и научной. Создание идеологии – это только первый этап в ее становлении. До превращения ее в мировоззрение большого количества людей, а тем более до ее трансформации в идеологию государства или обществ – огромная дистанция. Для этого идеология должна сначала овладеть сознанием партии или иной политической организации, а затем уже политического класса, наконец, государства и общества. Основу политической идеологии составляют: национальные интересы, национальный менталитет, исторический опыт существования нации и решение главных проблем развития, конкретная внутренняя и внешняя ситуация. По мере того, как меняются эти составляющие, должна меняться и идеология. Определяя национальную идеологию современной России, Алексий II сказал: «Часто раздаются голоса, что нужно найти национальную идею. Наш национальный опыт...является такой национальной идеей.... Для государства его история является фундаментом» [35].

Ни одно цивилизационное общество, ни одна политическая система не обходятся без идеологии. Такие общечеловеческие ценности, как свобода и демократия, имеют неоднозначное толкование во всех уголках мира. Именно идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, происходящим в обществе, объясняет и оправдывает возникающие общественные реалии через соотнесение их с высшими самодовлеющими ценностями. С помощью идео-

логии данная территориальная и политическая общность возвышается до осознания себя как народа, до уяснения своего места и своей роли в истории данного региона и человечества в целом. Идеология способствует рационализации мира и жизни, позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности. Не случайно в основе кризиса любых цивилизаций и общественных систем лежит, в конечном счете, идеологический кризис [6; 7; 11; 17; 25; 26; 27; 47; 53; 59; 69], но и любое общественное возрождение также начинается с очищения и обновления общественных идеалов, с утверждения новой системы ценностей [23; 43; 44; 49; 50; 51; 52].

Необходимым условием стабильного, устойчивого развития страны является общественное согласие. Современная трансформация в России, в отличие от ряда других постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, осуществлялась в состоянии политического и духовного раскола общества. Этот раскол явился не просто проявлением некоторых субстанциональных характеристик российской ментальное, но и отражением того, что общество вступило в переходный период без четко выраженного вектора происходящих перемен. Несомненно, нельзя отрицать значимость прагматических изменений, но хотелось бы подчеркнуть, что реформы будут иметь достаточно бессодержательный характер без определения стратегии реформ, сообразной с системой национальных интересов. Это важно еще и потому, что проблема формирования национальных интересов непосредственно связана с созданием механизмов ценностно-консолидированной социальной интеграции [46].

Сегодня справедливо ставится вопрос о идеологическом бытии власти, существовании идеологем, исходящих от политического класса и, прежде всего, от государства и его институтов и обеспечивающих большую или меньшую степень единства ценностных ориентаций населения и политической элиты. Отсутствие или ослабление духовной связи гражданина с государством, подмена ее конъюнктурной манипуляцией словами ведут к потере самоидентификации индивида с Отечеством, нацией, государством. «Осознаваемая или ощущаемая населением подмена социально значимых ценностей узкогрупповыми, – *замечают А.Г. Хабибулин и Р.А. Рахимов,* – ведет к еще большей степени отчуждения индивида от социума и государства, усилению атомизации общества» [66, стр. 14].

Именно поэтому идеология и выступает как система идей и представлений, истолковывающих окружающую действительность и побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать. В рамках правовой идеологии, прежде всего, должно формироваться отношение россиян к государству, проводимой им экономической, социальной, правовой политике, к гражданскому обществу. На данное обстоятельство все чаще обращают внимание отечественные исследователи [4; 38; 41; 42; 48; 65; 67].

Формирование идеологии происходит различными способами, которые определяются политическим режимом, действующим в государстве [14; 37; 57; 58]. В нормальных, демократических режимах каждая общественная сила вырабатывает свою систему взглядов и идей, которые конкурируют между собой и доказывают свою правоту на политической арене. Сама по себе идеология – лишь часть общественной жизни, основную массу которой составляют социальные, экономические, политические и иные воззрения общественных групп, классов, сословий. Та сила, которая в ходе политической борьбы доказала свою перспективность, прогрессивность на данном этапе развития данного общества, приходит к власти, а ее идеология также на данный момент делается официальной идеологией и ориентирует государственную деятельность. Это означает, что экономические и социальные программы в обществе принимаются и реализуются исходя из ее постулатов.

Обычно в обществе функционируют и борются различные политические силы, именно они осуществляют публичную власть. Неудача выбранной политической линии означает, что идеологические постулаты не соответствуют обстановке, их надо корректировать, совершенствовать, приводить идеологию в соответствие с обстановкой. Если этого недостаточно или это невозможно, вопрос решается кардинально – к власти приходят общественные деятели, олицетворяющие другую идеологию, представляющие интересы другой части общества. Поэтому появление единой всеобъемлющей, претендующей на исключительность идеологии естественным эволюционным путем практически невозможно. Не исключены попытки каких-либо общественных сил навязать свою идеологию обще-

ству, но это уже будет повторением худшего в нашей истории.

Интересы и потребности, соответствующие требованиям той общественной системы, к которой принадлежат люди (общества, класса и.д.) создают общественные идеи. Идеи существуют не сами по себе, а прежде всего, в сознании людей, а именно рациональной части сознания, идеологии. Так, осознание общественных потребностей и интересов во всем их многообразии есть исходный пункт общественной идеологии. Можно установить, что общественная идеология реагирует на новые экономические, политические и иные явления, требующие юридического закрепления, созданием общественной идеи о должном праве. Такие структурные элементы общественной идеологии, как общественные потребности и интересы, являются исходным пунктом правообразовательного процесса.

Для превращения общественного интереса в содержание права, необходимо, чтобы общая воля трансформировалась в государственную волю, т.е. была выражена в праве. Таким образом, на стадии правообразования политическая элита поощряет необходимые для общества интересы, выражая готовность оформить их в правовые нормы. Для этого необходимо произвести оценку возможных последствий принятия конкретных правовых норм, их соотношение с целями, стоящими перед обществом и отдельными институтами. В дальнейшем проблема осознания общественных интересов является весьма значительной как на стадии правотворчества, так и в процессе реализации права.

Что должно лечь в основу российской идеологии? Важный в перестройке (так назывался период реформирования 1985-1989 гг.) блок «общечеловеческих» ценностей под условным названием «Возвращение в цивилизацию» исчерпал себя и не упоминается даже приверженцами западного направления общественного развития. Сейчас обсуждаются в разных вариациях четыре блока ценностей и интересов, которые могут быть положены в основу объединяющей идеологии. Условно их можно обозначить как «православие», «национализм», «капитализм» и «социализм».

Идея религии, «православия» как основа возрождения духовности в постперестроечный период привлекает внимание многих. В ее пользу говорит увеличивающийся интерес к церкви. Ее стали посещать не только простые граждане, но и высокопоставленные представители государственного аппарата. Но брать религию за основу государственной идеологии нельзя. И не только, и не столько в связи с закреплением отделения церкви от государства, сколько с тем, что в многонациональной России слишком много конфессий, чтобы сделать одну религию, например, православие, основой духовной жизни.

«Социализм» и «капитализм» также не смогут стать идеологией, объединяющей общество. Первая – в связи с негативным прошлым опытом, тоталитарным режимом, вторая – в связи с бедствиями, которые принесли рыночные отношения в настоящем.

В ряду названных четырех блоков ценностей наиболее перспективной является «национальная идея». Она популярна и обладает большим потенциалом. Данное понятие нередко толкуется расширительно: как следование национальному духу или даже как синоним патриотизма. Но это неверно, патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается им в малой степени. Патриотизм – необходимый элемент, часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит. Он должен быть сцеплен идеями, устремленными в будущее и «гарантирующими» реализацию патриотических ценностей.

Употребление термина «национализм» более правильным считается в его стандартном европейском смысле – как возведенный в ранг государственной политики эгоизм титульной нации. Конечно, в таком виде национализм отпугивает многих в стране. Есть еще один момент, который препятствует ему стать идеологией. Национальная идея может быть очень актуальной, мобилизующей, если речь пойдет о нации, порабощенной другим государством. Например, она понятна жителям Южной Осетии. А для России в чем национальная идея? Если речь идет о возрождении России, о выходе ее из кризиса, о решении всех проблем, которые его порождают, то они хорошо известны и лежат на поверхности. Чтобы их обозначить нет необходимости в некой «сверхидее», как бы ее не называть.

Российская национальная идея должна быть денационализированной. Это должна быть идея нации – государства, а не нации этноса.

Но наполнить национальную идею конкретным содержанием, а тем более, изложить ее в простой и доступной формуле для большинства россиян – дело исключительной сложности. Более приемлемой идеологией будущего российского общества представляется идеология гуманизма. Для реализации указанной идеологии необходимо повысить образовательный уровень населения.

Российское национальное сознание исторически ориентировано на наличие государственной позиции. Иное воспринимается как бесхребетность, неспособность к самоидентификации, в конечном счете, как политическая безличность. В этой связи России необходима государственная идеология в форме четкого позиционирования государства по основным вопросам развития страны.

Итак, Россия пока лишь формирует свою государственную идеологию. Так, в последние годы речитативом сквозь выступления официальных лиц и любые государственные мероприятия, имеющие пиар-эффект, проходят идеи сильной государственности, возрождения геополитического престижа страны, усиления вертикали власти, экономического подъема страны. Это и есть принципы той политической философии, которые достаточно близки по своей социальной роли к национальной идеологической платформе.

Представителей политической элиты (или шире – политического класса) принято рассматривать в качестве основных производителей и распространителей идеологий как более или менее внятно артикулированных представлений о предпочтительных целях развития общества, которые выражают перспективу определенных социальных групп, служат основой для политических программ и задают водоразделы, определяющие политический «ландшафт». Наличие такого рода представлений – важный фактор публичности политики, поскольку они являются ориентирами для политической самоидентификации граждан, структурируют обсуждение общественно значимых проблем, а также побуждают элиты хотя бы до некоторой степени следовать заявленным целям и ценностям, стимулируя тем самым их ответственность. К сожалению, в силу ряда факторов структурного (особенности институтов власти и партийной системы) и политико-культурного характера в России производство смыслов до недавнего времени не являлось значимым инструментом борьбы за власть, а проблема мобилизации массового участия для сложившегося в 2000-х годах политического режима была не слишком актуальна. В силу этого у элит были вполне рациональные причины не рассматривать задачу артикуляции и обоснования политических программ как приоритетную [32, стр. 280-293]. Однако перспектива движения российской политической системы в сторону большей конкурентности и открытости в немалой степени зависит от способности политических элит выполнять функцию «производства смыслов».

Публичная артикуляция конкурирующих способов интерпретации и решения общественных проблем является существенным атрибутом политики в эпоху модерна, ибо в соответствии с современными принципами легитимации власти принятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. Именно необходимость давать объяснения читающей публике по поводу принимаемых решений в свое время предопределила расцвет классических идеологий [74, p. 61-62], выражавших альтернативные подходы к проблемам, возникавшим в процессе модернизации. И хотя эпоха великих «измов», предлагавших системные целеориентированные проекты социальных и политических трансформаций, осталась в прошлом, потребность в легитимации решений путем соотнесения их с той или иной концепцией общественного блага по-прежнему остается существенным элементом политики. Несмотря на очевидную фрагментацию современного идеологического поля и подвижность водоразделов, определяющих различия, старые и новые идеологические маркеры («левый», «правый», «либерал», «консерватор», «националист», «фундаменталист», «радикал» и проч.), обрастая дополнениями и уточнениями, все-таки остаются ориентирами партийной и электоральной политики. По-видимому, это определяется не только инерцией языка и сложившимися практиками политической идентификации, но и принципиальной сущностной оспариваемостью целей политиче-

ского развития, которые не могут быть определены чисто «техническим» путем и зависят от социально-исторической и ценностной перспективы. Несмотря на «кризис идеологий», который стимулирует критику и перманентную адаптацию исторически сложившихся «систем убеждений» на фундаментально-философском уровне, на уровне программно-операциональном потребность в них по-прежнему сохраняется. Таким образом, способность элит формулировать и оспаривать политические стратегии, увязывая их с «общезначимыми» идеями общественного блага и национальных или групповых интересов, и тем самым создавать механизмы для политического самоопределения и участия граждан имеет немаловажное значение с точки зрения «качества» российской политики.

По определению Т. ван Дейка, идеологии – «это разделяемые людьми «интерпретативные рамки», позволяющие членам группы понимать и наполнять смыслом социальную реальность, повседневную практику и отношения с другими группами» [75, p. 245]. Идеологические представления – продукт коллективного творчества групп, а также инструмент их интеграции и идентификации, основа социальной практики ее членов. Они выступают в качестве наиболее фундаментальных социальных представлений и, в соответствии с теорией С. Московичи, выполняют двоякую функцию: «во-первых, устанавливают порядок, позволяющий индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и справляться с ним; и во-вторых, делают возможной коммуникацию между членами сообщества, предоставляя им коды, на основе которых происходит социальный обмен, недвусмысленно называются и классифицируются различные аспекты их мира и их индивидуальной и групповой истории» [16; 73, p. 13]. Идеологические представления усваиваются в процессе социализации, причем из разных источников, и не всегда отличаются связностью и последовательностью.

Предлагаемое нами рабочее определение идеологических представлений политической элиты как коллективно разделяемых представлений о социальном порядке и стратегии его поддержания/изменения, а также о собственной позиции в качестве члена референтной группы (или групп), опирается на теорию социальных представлений С. Московичи и интерпретацию идеологии Т. ван Дейком. Вслед за ван Дейком мы рассматриваем идеологию как основу социальных представлений группы и исходим из того, что в речах и текстах политиков есть по крайней мере два кластера идеологических представлений: то, что ван Дейк называет «профессиональной идеологией» (представления, определяющие социальную идентичность политиков как членов статусной и профессиональной группы и как исполнителей соответствующих ролей), и собственно «социально-политическая идеология», которой они привержены в качестве членов партий и социальных групп и которая организует отношение к блокам социальных проблем [76, p. 15, 24]. Причем нас будет интересовать как первая, так и вторая.

В качестве коллективно разделяемой когнитивной рамки, опосредующей восприятие и конструирование социальной реальности, идеологические представления тесно связаны с представлениями о политике, власти, государстве, политической системе, политических институтах и политических ролях, а также о наделяемых политическими качествами сообществах. Можно сказать, что они выступают в качестве определенного измерения или функции политических представлений, которая «включается» в контексте легитимации политических решений, борьбы за общественное мнение, мобилизации электоральной поддержки, конструирования политически значимых идентичностей и т.п. коммуникативных действий, в процессе которых политик стремится оказывать влияние на публику. Именно в публичной коммуникации проявляются «идеологические» свойства политических представлений – установка на изменение социальной реальности, мобилизацию коллективного действия, стремление к доминированию, ориентация на «борьбу» с конкурирующими системами смыслов и т.п.

Как уже отмечалось, идеологические представления усваиваются из различных источников и активизируются в определенном контексте. В их структуре выделяется «ядро», образуемое фундаментальными когнитивными установками, которые, как правило, не рефлексируются, и «периферия», включающая смысловые конструкции, которые являются предметом осознанного выбора и целенаправленно используются с учетом обстоятельств. Соответственно в зависимости от способа аргументации принимаемых или предлагаемых решений используются

разные пласты идеологических представлений.

Таким образом, представления членов российской политической элиты о власти и обществе, о политической системе и перспективах ее изменения, о социальных и экономических функциях государства, об идентичности макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, базируются на таких постулатах: опора на собственные силы, равенство, прогрессизм, демократия, интернационализм.

На основе проведенного анализа возможно определить основные ценностные характеристики идеологии политического класса.

Во-первых, она дает представление населению о направлении движения общества и государства, о смысле политической системы общества, так как предполагает формирование общих принципов ее существования, разделяемых большинством данного общества. На этой основе может быть сформулирован конкретный образ ближайшего и отдаленного будущего – не только желаемого, но и, коль скоро это реалистический идеал, практически осуществимого.

Таким образом, идеология становится движущей силой общественного развития, выступает как инструмент политической мобилизации общества. В этом ее ключевой прикладной аспект. Примеров, когда те или иные ценности на достаточно длительный период становились и мобилизационным, и интегрирующим началом национальной жизни много. Скажем, такие части идеологии, как свобода и равенство в революционной Франции, идея национального единства в Германии XIX в., идея коммунизма при поколении наших отцов и частично при жизни нашего поколения. Но их мобилизующая сила доказана исторически.

Во-вторых, идеология политического класса связана с легальностью власти. Идеи, находящие поддержку у населения, усиливают политическую власть, повышают ее легитимность и легитимацию, и, соответственно, увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований. Политический класс владеет пропагандистской машиной, орудием воздействия на массы, благодаря чему формируется массовое сознание для укрепления выбранной им идеологии.

Именно идеология позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе политического поведения, определив конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства достижения. Поэтому можно сказать, что идеология порождает политику, выступает ее предпосылкой и условием возникновения и существования. В основе государственной политики всегда лежит определенная система ценностей, предопределяющая логику происходящего и предпринимаемого. Политика, совершенно свободная от каких бы то ни было ценностных детерминант, невозможна, поскольку в основе даже, казалось бы, совершенно алогичных, спонтанных действий государственных деятелей всегда имеется идеологическая подоплека.

Идеология – это мощное объединяющее средство, без которого любое государство разваливается, теряет свою монолитность, поэтому никакое государство не может быть неидеологическим длительный период.

Таким образом, идеология становится движущей силой общественного развития, выступает как инструмент политической мобилизации общества. В этом ее ключевой прикладной аспект.

В-третьих, идеология нужна не только политическому классу, но и населению. Идеология не просто совокупность определенных идей. Это система воззрений на мир, общество и человека, государство и человека, система, определяющая ту или иную ценностную ориентацию (это – хорошо, это – плохо) и линию поведения. Ее отсутствие ведет к утрате координат, позволяющих человеку ориентироваться в обществе, и, как следствие, социальная реальность для некоторых оказывается лишенной смысла, а будущее выглядит неопределенно. Но, как и в любом явлении, в идеологии наряду с положительными имеются и отрицательные моменты. Идеология, какой бы социальный и нравственный заряд она изначально ни несла, став государственной, развивается по законам государственной идеологии – она должна обслуживать интересы данного государства. Но интересы государства и общества иногда не совпадают.

Идеология политического класса, стремясь к самосохранению, затвердевает, останавливается в развитии, что влечет застой в общественном развитии. Освещенная авторитетом общества и государства, идеология превращается в автономную силу, автоматически мобилизующую на свою защиту все находящиеся в распоряжении политической системы средства.

Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором каждый народ имеет свой менталитет, обычаи и традиции сложившиеся в течение столетий и отразившиеся в национальных идеологиях, как системе духовно-нравственных ценностей и политико-правовых традиций [54; 55; 56]. По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, «сила России – в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге и православных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма» [1]. Задача политического класса на современном этапе развития создать российскую национально-государственную идеологию, которая смогла бы объединить общество на основе общих духовно-нравственных ценностей, разделяемых большинством населения. Она должна явиться ориентиром, указывающим общее направление и цель движения Российского государства и общества, прояснить смысл исторического и политического развития его народов, стать оправданием сложного и противоречивого пути России. Российская национально-государственная идеология на настоящем этапе развития страны должна явиться духовно-политической основой целостности Российского государства. А проявляется она, по мнению Президента В.В. Путина, в патриотизме. Опираясь на наш исторический опыт, менталитет и культуру, учитывая существующую правовую реальность, лидер нашего общества выдвинул в качестве национальной идеи российских граждан именно патриотизм. «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», – заявил В.В. Путин, выступая на активе клуба лидеров неформального объединения представителей малого и среднего бизнеса. Президент также добавил: «Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [3].

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. – 2015. – № 275. – 4 декабря.
2. Путин В.В. Интервью газете «Известия» // Известия. – 2000. – 14 июля.
3. Путин В.В. Встреча с активом клуба лидеров – неформального объединения представителей малого и среднего бизнеса (Московская область, Ново-Огарево, 3 февраля 2016 г.) // http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263
4. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
5. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – М.: Книга, 1990. – 381 с.
6. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
7. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – №4. – С. 181-188.
8. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
9. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.
10. Боханов А.Н. Русская идея от Владимира Святого до наших дней. – М.: Вече, 2005. – 400 с.
11. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
12. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М.: Евразия, 1995.- 206 с.
13. Грачев А. Кремлевская хроника. – М.: Эксмо, 1994. – 413 с.
14. Гук А.И., Евдеева Н.В., Клюкина Е.А. Политические режимы в современном мире: общие черты и некоторые особенности // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 81-92.
15. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
16. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия //

Психологический журнал. – 2001. – Т. 22.- № 6. – С. 39-47.
17. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
24. Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии): В 2 т. / С.В. Алексеев, В.А. Каламанов, А.Г. Черненко; Под общ. ред. С.В. Степашина. – М., 1998.
25. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
26. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
27. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
28. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
29. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. – М.: Мысль, 1993. – 591, [1] с.
30. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
31. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989. – 185 с.
32. Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
33. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
34. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 423 с.
35. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Церковь и народ на путях духовного возрождения // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3.
36. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
37. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Информационный центр Пресс, 2001.
38. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
39. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев; Предисловие А.В. Гулыги. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 512 с. – (библиотека истории и культуры).
40. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис, 1994. – 217 с.
41. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
42. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
43. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социо-

логии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
44. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
45. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
46. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
47. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
48. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
49. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
50. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
51. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
52. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
53. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
54. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
55. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
56. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
57. Сальников М.В., Гуськов Д.Н. Факторы, влияющие на политический режим в России: теоретико-правовой и исторический подход // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 82-88.
58. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства: Учебное пособие / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 96 с.
59. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
60. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
61. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
62. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: Искушение конституционализмом // Полис. – 1999. – № 2 – С. 65-81.
63. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994. – 416 с.
64. Федотов Г. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб.: София, 1992. – 352 с.
65. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
66. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу правомерности категории // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
67. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
68. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
69. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

70. Чубайс В.Б. От русской идеи к идее Новой России. – М.: Соц. защита, 1997. – 79 с.
71. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
72. Шлезингер А. Циклы американской истории. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
73. Moscovici S. Foreword // Health and Illness: A Social Psychological Analysis / Ed. by C.Herzlich. L., etc.: Academic Press, 1973.
74. Pombeni P. Ideology and Government // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 1. P. 61-62.
75. Van Dijk T.A. Discourse Semantic and Ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6. No. 2.
76. Van Dijk T.A. Political Discourse and Ideology // Analisi del discurs politic / Ed. by C.U. Lorda, M. Ribas. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra IULA, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2017, № 10

Выход в свет 28.10.2017. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 449.
Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечном» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верно, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного».Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить по-настоящему масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определённым заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.

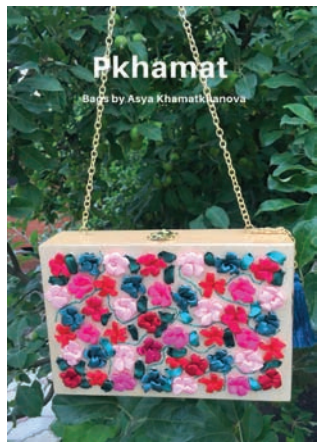
СУМКИ И КАРТИНЫ PKHAMAT

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Pkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Pkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами — уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.



Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.